Масаси
ИСИБАСИ

Невооруженный нейтралитет

Перевод с японского
с сокращениями

Предисловие
и общая редакция
Ю. Д. КУЗНЕЦОВА

МОСКВА
«ПРОГРЕСС»
1984

Переводчики: Б. П. Лаврентьев,
Л. З. Левин

Редактор Л. И. Двинина

Редакция литературы по международным отношениям

© Перевод на русский язык, предисловие, коммента-рии — издательство «Прогресс», 1984

И $\frac{0302030105—391}{006(01)—84}$ КБ—31—3—84

ПРЕДИСЛОВИЕ

Автор этой книги был широко известен у себя в стране и до того, как в сентябре 1983 года 48-й съезд Социалистической партии Японии утвердил его на посту председателя Центрального исполнительного комитета СПЯ. Ранее он был генеральным секретарем, заместителем председателя ЦИК СПЯ, занимал и другие руководящие партийные посты. С 1955 года Масаси Исибаси неизменно избирается в парламент, где входит в бюджетную комиссию палаты представителей. Иначе говоря, он является крупным политическим деятелем.

Известность М. Исибаси — как в рядах СПЯ, так и во всей Японии — принесли прежде всего его выступления по проблемам мира и демократии. Среди них по значению на одно из первых мест, по-видимому, следует поставить его беспрецедентную дискуссию в парламенте с премьер-министром Я. Накасонэ в октябре 1983 года. Эта дискуссия, центральное место в которой занимал вопрос о том, будет ли Япония проводить миролюбивую политику или пойдет по пути милитаризации, однажды уже приведшему ее к национальной катастрофе, способствовала укреплению позиций СПЯ и авторитета ее нынешнего руководства в массах,

а также успешному (в целом) выступлению партии на выборах в палату представителей парламента Японии в декабре 1983 года.

М. Исибаси с глубокой убежденностью выступал и выступает за проведение Японией последовательной политики мира, неприсоединения, нейтралитета и дружбы с другими странами. В своей деятельности депутата и лидера СПЯ он добивался и добивается изменения нынешнего внешнеполитического курса Японии, который ориентируется на поддержание и укрепление военно-политического союза с США и которого уже более тридцати лет придерживаются правительства Либерально-демократической партии и ее предшественников.

Многочисленные выступления М. Исибаси о путях укрепления мира и безопасности на Дальнем Востоке, о характере политики, которую необходимо проводить Японии для достижения этой важной цели, легли в основу предлагаемой советскому читателю книги «Невооруженный нейтралитет». Ее название — это не образное выражение и не метафора. Невооруженный нейтралитет — это такая внешняя политика или, говоря точнее, такая роль в современном мире, которую Социалистическая партия Японии считает наиболее подходящей для своей страны. М. Исибаси дал своей книге это название потому, что он является и одним из авторов концепции невооруженного нейтралитета для Японии, и одним из наиболее активных ее пропагандистов.

Концепция невооруженного нейтралитета оказалась объектом острой идеологической

и политической борьбы. Она подвергалась и подвергается резким иападкам со стороны японской реакции, понимающей, что эта идея представляет собой альтериативу ыиешией политике милитаризации страны и дальнейшего ее вовлечения в орбиту глобальиой военной стратегии США, причем такую альтернативу, которая отвечает интересам широких народных масс страиы, прежде всего трудящихся классов.

Наскоки реакции на концепцию иевооружениого нейтралитета призваны воспрепятствовать тому, чтобы оиа обрела массовую поддержку. Именно поэтому противиики этой концепции называют ее «иереалистической» и даже «капитулянтской». Такие иападки особенно усилились после того, как М. Исибаси стал председателем ЦИК СПЯ. «Ложь и клевету обрушила на меня вся пропагандистская машииа Либерально-демократической партии», — характеризует автор развернутую против него кампаиию. Это лишний раз демонстрирует, иасколько правящие круги страшатся идеи развития Японии по пути мира, неприсоединения и нейтралитета.

Возражая критикам концепции невооруженного нейтралитета, считающим ее «нереалистичиой», М. Исибаси напоминает, что она опирается на законодательную и политическую практику послевоенной Японии, прежде всего на конституцию страны, а также иа провозглашениые Япоиией «три неядерных принципа» (не производить ядерное оружие, не владеть им и не размещать на своей территории). В преамбуле ныне действующей коиституции Японии, вступившей в силу

3 мая 1947 года, говорится о решимости японского народа не допустить ужасов новой войны, а в статье 9 провозглашается отказ японского народа от войны на вечные времена, от угрозы или применения вооруженной силы как средства разрешения международных споров, от создания сухопутных, морских и военно-воздушных сил. Японские социалисты считают, что строгое и неукоснительное соблюдение конституции создало бы возможности для проведения политики невооруженного нейтралитета.

Мирная конституция Японии постоянно попирается. Вопреки конституционным запретам в Японии были созданы вооруженные силы — «силы самообороны», — которые в настоящее время, как пишет М. Исибаси, занимают по своей мощи седьмое место в мире и первое — в несоциалистической части Азии. Кроме того, под прикрытием военно-политического союза с США — «договора безопасности» — на территории Японии находятся американские военные базы, в ее порты систематически заходят американские военные корабли, в том числе с ядерным оружием на борту, несмотря на «три неядерных принципа».

Естественно поэтому, что борьба за мирную, нейтральную Японию — это в то же время борьба в защиту нынешней конституции, против ее пересмотра, к которому открыто стремится правящая Либерально-демократическая партия. Прогрессивные силы Японии отчетливо сознают, что пересмотр конституции означал бы серьезное покушение на демократические права народа, завоеван-

ные в период подъема массового движения после краха япоиского милитаризма. Так, в условиях Япоиии борьба за мир сливается с борьбой за демократию.

Эту борьбу ведут широкие демократические силы — коммуиистическая и социалистическая партии, прогрессивные профсоюзы, другие массовые демократические оргаиизации. Не всегда оии выступают совместно, в их позициях имеются различные нюаисы, одиако все оии требуют, чтобы Япоиия шла по пути мира, неприсоедииения и иейтралитета, по пути отказа от воеиного союза с США.

Разумеется, борьба демократических сил ие ограничивается защитой коиституции, важиое значеиие в ней имеют выступлеиия против коикретных шагов правительства, ведущих к милитаризации Японии. «Помешать росту военных расходов, предотвратить скатываиие Япоиии иа путь превращеиия в воеиную державу — такова ныие иаша главиая и актуальиая задача», — пишет М. Исибаси.

Автор подробио рассказывает о различиых эпизодах борьбы сил демократии и реакции в Япоиии. Хотя в каждом отдельиом случае конкретиые обстоятельства и факты этой борьбы были различиы, в коиечиом счете оиа всегда ставила и ставит вопрос о направлеиии, в котором пойдет дальнейшее развитие Япоиии. Другими словами, милитаризм или мир?

На первый взгляд может показаться, что исход этой борьбы предопределеи: ведь иикто не может отрицать, что милитаризация

Японии идет быстрыми темпами, что Япония все глубже втягивается в глобальную военную стратегию США. Появление таких еще лет десять назад совершенно немыслимых концепций, как превращение Японии в «непотопляемый авианосец», или разработка планов «блокады» международных проливов, омывающих ее берега, и «охраны» морских коммуникаций на расстоянии в тысячу миль от побережья Японии свидетельствует о степени углубления указанных тенденций.

И все же точка зрения, согласно которой демократические силы Японии не в состоянии воспрепятствовать процессу милитаризации страны, представляется чрезмерно упрощенной. Во-первых, не следует забывать о том, что реакции до сих пор не удалось добиться пересмотра конституции, изъятия ее антивоенных положений. Во-вторых, в качестве убедительного довода (о нем довольно подробно говорится и в книге М. Исибаси) можно было бы отметить неспособность правящих кругов добиться утверждения так называемого «чрезвычайного законодательства», которое значительно усилило бы роль военщины в политической жизни страны, привело бы к законодательному ограничению демократических прав и свобод.

Демократические силы Японии обладают значительным потенциалом, чтобы противодействовать реакционным устремлениям правящих кругов, защищающих интересы господствующих классов. Правда, и это справедливо отмечает в своей книге М. Исибаси, активность демократических сил заметно снизилась по сравнению с периодом всена-

родной борьбы против «договора безопасности» в 1959—1960 годах, когда в массовом движении протеста принимали участие миллионы японцев. В этой связи можно напомнить, что одним из важнейших факторов подъема движения в те годы была сплоченность демократических сил, и прежде всего социалистов и коммунистов. Это один из наиболее ценных уроков борьбы против «договора безопасности».

Поэтому вопрос о том, как добиться нового подъема борьбы демократических сил страны за мирный путь развития Японии, вызывает озабоченность автора книги. Разумеется, М. Исибаси ищет ответ на него с позиций руководителя Социалистической партии. Вместе с тем выдвигаемые им задачи — недопущение пересмотра конституции, отпор планам дальнейшей милитаризации Японии, отказ от военного союза с США — это общие задачи демократических сил страны. Сегодня особенно актуально звучит его призыв: «Не думайте, что мы сможем подняться на борьбу тогда, когда всем станет ясно, что милитаризм утвердился. Тогда будет поздно. Такие тенденции, как фашизация и милитаризация, нужно пресекать в зародыше. За это надо вести борьбу!»

В книге М. Исибаси подробно проанализирована концепция невооруженного нейтралитета, которую отстаивают японские социалисты. Автор постоянно возвращается к вопросу о бессмысленности для Японии вообще иметь вооруженные силы, поскольку она не в состоянии выдержать более или менее длительных военных действий не только в

чисто военном, но и в экономическом плаие: зависимость Япоиии от зарубежиых поставок энергоресурсов, сырья н продовольствия, нарушеиие их иормального сиабжеиия в случае войиы быстро привели бы к краху всей иациоиальиой экоиомики.

Подобные рассуждеиия иа первый взгляд могут показаться абстрактиым пацифизмом. Оии, одиако, осиовываются на упомииавшихся уже положеииях япоиской коистнтуции, в которых ие только открывается такая возможиость, но и зафиксированы отказ от вооружений н требоваиие проведения подлиниo миролюбивой политики. Более того, вся послевоеииая историня Япониин убедительно свидетельствует о том, что на путях мириого развития эта страиа добилась зиачительно большего, в том числе н в плаие укрепления своего положеиия в мире, чем с помощью военииой экспаисни японского милитаризма в течеиие почти всей первой половииы ныиешиего века.

Невооружеиный нейтралитет Япоиин мыслится автором не нзолироваиио, а в тесной связи с междуиародиой обстановкой. С его точки зреиия, борьба за иевооруженный нейтралитет в своей страие должиа идти параллельио с борьбой за всеобщее и полиое разоружеиие в международном плаие. «Будучи едииствениой страиой в мире, подвергшейся атомиой бомбардировке, обладая конституцией, провозглашающей отказ от вооружеиия, Япоиия, по моему убежденню, могла бы возглавить движение за разоружение. В этом ее долг!» Япоиские социалнсты, как и другне прогрессивные, демократические

силы, принимают активное участие в антивоенном, антиядерном движении, широко развернувшемся в Японии. «Нельзя допустить, — пишет в этой связи М. Исибаси, — чтобы погас факел движения против атомной и водородной бомбы».

Одной из важнейших задач внешней политики Японии является, по мнению М. Исибаси, улучшение отношений с Советским Союзом. Он резко осуждает развернутую в Японии кампанию вокруг так называемой «советской угрозы»: «Как говорится, случается день, когда и ворон не каркнет, но нет такого дня, чтобы не шумели о «советской угрозе».

Автор разоблачает измышления о наличии некой угрозы для Японии. «Если Япония по собственной инициативе не будет создавать конфликтных ситуаций, ей, окруженной морями, не следует опасаться агрессии. Об этом свидетельствует и исторический опыт: почти всегда войны, которые вела Япония, начинались с агрессии с ее стороны». М. Исибаси подчеркивает, что подлинная забота о мире и безопасности Японии подразумевает прежде всего отказ от роли подручного США, прекращение кампании вокруг «советской угрозы», отказ от приготовлений, способных привести к наращиванию вооруженных сил.

В этой связи своевременно напомнить о хорошо известных советских предложениях, направленных на укрепление основ добрососедства, взаимного доверия и взаимовыгодного сотрудничества в отношениях между Советским Союзом и Японией. Среди них предложения о заключении договора о доб-

рососедстве и сотрудничестве, о разработке и применении мер доверия, о подготовке соглашения о гарантиях ядерного ненападения и строгом соблюдении безъядерного статуса. Инициативы Советского Союза показывают беспочвенность измышлений о «советской угрозе», а осуществление советских предложений создало бы благоприятные условия для действительного проведения Японией политики мира, неприсоединения и нейтралитета.

Советский народ солидарен с борьбой демократических сил Японии за мирное развитие своей Родины. Эта солидарность неоднократно выражалась и в совместных документах, принимавшихся по итогам переговоров делегаций КПСС и СПЯ на высоком уровне. Так, в Совместном коммюнике о переговорах делегаций КПСС и СПЯ в июле 1970 года (в состав делегации СПЯ входил и М. Исибаси, в то время член ЦИК, заведующий Международным бюро СПЯ) отмечалось, что делегация КПСС с пониманием отнеслась к изложенной делегацией СПЯ концепции невооруженного нейтралитета Японии и заявила, что Советский Союз поддерживает борьбу СПЯ и всех прогрессивных сил за подлинно нейтральную, миролюбивую Японию. На переговорах между делегациями КПСС и СПЯ в октябре 1974 года (делегацию СПЯ возглавлял генеральный секретарь ее ЦИК М. Исибаси) была подчеркнута неизменная солидарность КПСС и всех советских людей с борьбой японского народа за мир и социальный прогресс и отмечена важная роль СПЯ, которая выступает в этой борьбе с ан-

тиимпериалистических и антимонополистических позиций, отвечающих интересам трудящихся страны. Во время встречи делегаций КПСС и СПЯ, проходившей в декабре 1978 года, делегация КПСС также заявила о своей поддержке и солидарности с антимонополистической и антиимпериалистической борьбой СПЯ, с ее усилиями, направленными на развитие Японии по пути невооружения, неприсоединения, мира и нейтралитета.

Как пишет сам М. Исибаси, его побудили написать эту книгу усиливающиеся попытки повернуть Японию на путь широкой милитаризации. Первое издание книги вышло в свет в 1980 году. С тех пор многие тенденции, отмеченные автором, стали еще более явственными. Это и непрекращающийся рост военных расходов Японии, несмотря на сложное финансовое положение страны, и разработка новых военных программ, и расширение ее военного сотрудничества с США, распространяющегося на все новые области (например, передача новейшей японской военной технологии Вашингтону), и усиление связей Японии с НАТО. В мае 1984 года Совет национальной обороны Японии, председателем которого является премьер-министр Я. Накасонэ, одобрил основные направления очередной пятилетней военной программы на 1986—1990 годы. Она предусматривает повышение боевой мощи японских вооруженных сил до уровня, позволяющего им вести «продолжительную войну». Естественно, что осуществление этой программы приведет к резкому увеличению военных расходов и к отказу от провозглашенной японским прави-

тельством в прошлом политики ограничения этих расходов уровнем 1% ВНП. Военные расходы практически уже достигли этого предела, и любое их последующее повышение (а именно его добивается Вашингтон, и правительство Накасонэ охотно откликается на эти требования) приведет к превышению данного уровня, что явится новым стимулом к дальнейшему росту военной машины.

Япония была и остается одним из главных оплотов военной стратегии США в азиатско-тихоокеанском регионе, и Пентагон придает ей важное значение. Хотя после провала американской агрессии во Вьетнаме и нормализации китайско-американских отношений США временно сократили какую-то часть своих войск в Азии, однако еще Картер отказался выполнить свое предвыборное обещание о выводе американских войск из Южной Кореи, а с приходом в Белый дом Рейгана об этом обещании напрочь забыли. Как раз наоборот, администрация Рейгана взяла курс на наращивание американского военного присутствия в азиатско-тихоокеанском регионе, как, впрочем, и в других районах мира. Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР К. У. Черненко в речи 23 мая 1984 года подчеркнул, что на Азиатском континенте «Соединенные Штаты раскинули цепь военных баз и опорных пунктов, разместили ядерное оружие. В радиусе действия этого оружия находится отнюдь не только территория Советского Союза, но и территория других социалистических, да и не только социалистических государств Азии и бас-

сейна Тихого океана» («Правда», 24 мая 1984 года).

В зоне Тихого океана развернута вторая по значимости группировка вооруженных сил США. Она насчитывает 474 тыс. человек личного состава, 140 боевых кораблей, свыше 1100 боевых самолетов*. Значительная часть этой группировки находится в западной части Тихого океана, в том числе в Японии и Южной Корее, то есть в непосредственной близости от советского Дальнего Востока.

Американский 7-й флот на Тихом океане пополняется новыми военными кораблями, в числе которых атомный авианосец «Карл Винсон». С лета 1984 года корабли этого флота начали оснащаться крылатыми ракетами «Томагавк» с ядерными боеголовками. В 1985 году на авиабазе Мисава в Японии намечено разместить около 50 американских самолетов F-16, способных нести ядерное оружие и нацеленных на Советский Союз. Иностранная печать писала о наличии у США планов установки крылатых ракет наземного базирования не только в Западной Европе, но и на Дальнем Востоке, в частности в Южной Корее. Все это увеличивает американскую ядерную угрозу для Азии.

Не секрет, что американская военщина рассматривает Дальний Восток, в том числе районы, окружающие Японию, в качестве одного из потенциальных театров военных действий в «ограниченной» ядерной войне, о возмож-

* Откуда исходит угроза миру. Изд. 2-е, М., Воениздат, 1982, с. 24.

ности и даже допустимости которой открыто говорят в Вашингтоне. Это увеличивает опасность вовлечения Японии в военные авантюры американского империализма.

Подобная ситуация делает, как никогда, насущной задачу проведения Японией подлинно миролюбивой политики. В этом свете новое, все более актуальное звучание приобретает и концепция невооруженного нейтралитета Японии. Миролюбивая внешняя политика не осуществляется сама собой, за нее надо вести упорную борьбу. «Совершенно очевидно, если мы не будем бороться сейчас, — пишет М. Исибаси, обращаясь к своим соотечественникам, — мы не только утратим возможность защищать свою жизнь и свои права, но и поставим под угрозу мир и демократию, иными словами, потеряем все».

Горячая заинтересованность в мире, готовность вести за него борьбу в самых трудных условиях отличают книгу М. Исибаси. А условия борьбы за мир в сегодняшней Японии действительно нелегки. Автор пишет о том, как реакционные силы пытаются наклеить ярлык «предателей» на тех, кто выступает против перевооружения Японии, за ее мирное развитие. На сессии японского парламента было вскрыто существование «ежегодных планов обороны и несения полицейской службы», разработанных «силами самообороны». Согласно этим планам, в случае возникновения «чрезвычайных обстоятельств» (иначе говоря, в случае войны) ряд политических партий, в первую очередь коммунистическая и социалистическая, подвергнутся репрессиям.

В условиях острой идеологической и поли-

тической борьбы имеют место и случаи перехода части оппозиционных сил Японии на позиции сторонников пересмотра конституции и перевооружения страны. Среди причин этого весьма настораживающего явления М. Исибаси указывает на углубляющуюся депрессию и вызванный ею определенный спад в рабочем движении, забвение уроков второй мировой войны и активную деятельность правящих кругов Японии по обработке общественного мнения, наконец, усиление реакции в системе просвещения. Все эти факторы действительно имеют место и оказывают воздействие на идейно-политическую ориентацию тех или иных общественных сил. В числе таких факторов в книге названо и «ослабление авторитета социалистических стран». Конечно, проблемы и трудности, возникающие в отдельных социалистических странах, а также во взаимоотношениях между некоторыми из них, широко используются буржуазной пропагандой в Японии, как и в других капиталистических странах, для клеветы на Советский Союз и другие страны социализма, для насаждения антисоветских, антикоммунистических, антисоциалистических настроений, в том числе для раздувания в Японии реваншистской кампании за «возвращение северных территорий». Эта массированная идеологическая обработка населения с использованием всех средств массовой информации не проходит бесследно, порой она вызывает колебания и среди демократических сил.

Как показывает опыт, подобное «ослабление авторитета социалистических стран» происходит в значительной степени из-за незнания

действительности реального социализма и его внешней политики, из-за недостаточности идеологического и политического противодействия нападкам реакции со стороны прогрессивных сил, выступающих за социализм. Однако в ходе борьбы за мир и демократию широкие массы трудящихся сознают, что действительная угроза миру исходит от империализма, что социалистические страны последовательно и настойчиво выступают в защиту мира и являются подлинным оплотом мира. Активные выступления против военной угрозы помогают преодолевать искусно создаваемое предубеждение в отношении социалистических стран, способствуют лучшему пониманию их миролюбивой политики в целом и в отношении Японии в частности.

Определенный вклад в это важное дело вносит и книга М. Исибаси. Поднимая множество актуальных не только в Японии проблем, она не оставляет читателя равнодушным. Думается, в этом залог читательского интереса к ней.

Юрий Кузнецов

ПРЕДИСЛОВИЕ К НОВОМУ ИЗДАНИЮ

В августе 1983 года меня выдвинули на пост председателя Социалистической партии Японии, и премьер-министр Я. Накасонэ, решив, что наступил подходящий момент, начал кампанию против моей книги «Невооруженный нейтралитет». Ложь и клевету вслед за ним на меня обрушила и вся пропагандистская машина Либерально-демократической партии. Применяемые при этом методы ничего общего с критикой не имеют, и вряд ли такое поведение достойно премьер-министра и правящей партии любого уважающего себя государства!

Утверждения Накасонэ сводятся к тому, что я-де ратую за «капитуляцию». Впервые услышав эдакое, я на какое-то мгновение усомнился — да читал ли сей деятель мою книгу, но вскоре понял, что речь идет о трюке а ля Накасонэ, который, полностью отдавая себе отчет в том, что ничего подобного у меня в книге нет, тем не менее решил сыграть на национальной гордости многочисленных японцев, ее не читавших, и пробудить у них неприязнь к самой идее невооруженного нейтралитета.

Если же говорить о брошюре «Пагубность концепции Исибаси и сущность Социалистической партии Японии», автором которой яв-

ляется шеф информационного комитета Либерально-демократической партии Д. Комияма, то она буквально нафаршировона всякого рода измышлениями, никакого отношения к концепции невооруженного нейтралитета не имеющими. В ней можно найти и «бредовые идеи в духе Общества социализма *, навязывающего свою волю СПЯ», и «концепцию, связывающую по рукам и ногам Социалистическую партию, превратившуюся в политический департамент Сохио»**, и т. д. и т. п. Автор брошюры не гнушается ни бранью, ни ложью, что и роднит его «труд» с бульварными изданиями. Неспособность противопоставить свои доводы аргументам противника, как этого требуют нормы всякой дискуссии, разве не свидетельствует об интеллектуальном уровне спорящего, то есть Комиямы, и, по всей видимости, самой ЛДП?! Тем не менее я хотел бы, чтобы книгу прочитали как можно больше людей; пусть они убедятся, насколько безрассудны направленные против нее нападки Накасонэ и всей Либерально-демократической партии.

Отчего же все-таки Накасонэ и ЛДП с таким остервенением обрушились на концепцию невооруженного нейтралитета?

Исключительно потому, что эта концепция — и они это прекрасно понимают — усматривает в существовании «сил самообо-

---

* Общество социализма — общественная организация ставящая целью изучение и пропаганду теории научного социализма. *Здесь и далее * отмечены примечания редактора.*

** Сохио — Генеральный совет профсоюзов, крупнейший профцентр Японии.

роны» и японо-американском «договоре безопасности» бесспорное нарушение конституции Японии, почему и создает наиболее серьезное препятствие для осуществления вынашиваемых ими планов пересмотра конституции.

В то время как финансы Японии переживают серьезнейший кризис и внутренний государственный долг страны превысил 100 триллионов иен, правительство ЛДП по-прежнему отдает приоритет военным расходам. Урезаются ассигнования на социальные нужды и просвещение, замораживаются пенсии и заработная плата — и все это ради наращивания военной мощи. Но и этим дело не ограничивается. Еще недавно нам говорили, что «силы самообороны» предназначены «исключительно для обороны» (или, говоря другими словами, их специализацией является оборона). Теперь же утверждают, что если такие подразделения для ведения боевых действий будут отправлены за тысячу миль от японской территории, то конституция нарушена не будет. И, наконец, премьер-министр заявил, что Япония и США связаны общей судьбой, и выразил решимость превратить Японский архипелаг в непотопляемый авианосец, готовый ради Соединенных Штатов и «защиты Запада» сражаться до конца. Понятно, что его заверения у президента Соединенных Штатов Рейгана вызвали глубокое удовлетворение. Поговаривают даже, что благодаря этому Накасонэ и Рейган так подружились, что стали называть друг друга Рон и Ясу.

Подобные заявления выходят за рамки та-

кого толкования конституции, к которому прибегало правительство ЛДП, уверявшее до сих пор, что «конституция не оговаривает права Японии на коллективную оборону» и что «силы самообороны, не нарушая конституции, могут использоваться исключительно для обороны». Из этого следует, что раздражение моих оппонентов и их оголтелые нападки на книгу вызваны тем, что Социалистическая партия, разоблачающая антиконституционный характер как «сил самомообороны», так и японо-американского военного союза, стала помехой для осуществления планов, направленных на подготовку к пересмотру конституции с целью легализации этих нововведений.

Разумеется, я не мог обойти молчанием адресованные мне выпады и предложил провести публичную дискуссию по телевидению, не ограниченную временем. Однако премьер Накасонэ не пошел на это, в свою очередь предложив мне выступить с запросом в парламенте.

Я прекрасно понимал, учитывая характер парламентских дебатов, что такая процедура ставит в невыгодное положение того, кто выступает с запросом: пользуясь кратковременностью сессии, представители правительства могут избежать ответов на нежелательные вопросы, выступив с пространными речами по вопросам, никем не поднимавшимся, и, убив таким образом время, дождаться истечения регламента. Я все же решил с соответствующим запросом выступить в бюджетной комиссии. Фактически в бюджетной комиссии впервые состоялась ди-

скуссия между лидерами политических партий. Хотя продолжительность дебатов была ограничена двумя часами и можно было заранее предвидеть, чем они кончатся, я исходил из того, что будет более полезным использовать эту трибуну, чем уйти от столкновения.

Мне хотелось бы обратить внимание на следующие три вопроса, на которые Накасонэ так и не дал ответа.

Первый вопрос: «Япония не может строить свою политику, исходя из предпосылки, что ей придется воевать, поскольку Япония зависит от ввоза более половины сырья, 70 процентов продовольствия и почти полностью — энергетических ресурсов. Для поддержания современного уровня развития экономики и условий существования населения необходимо, чтобы ежегодный импорт составлял 600 миллионов тонн. Вы говорите о необходимости обеспечения безопасности морских коммуникаций, но в какой степени это достижимо? По вашим собственным наметкам возможно обеспечить безопасность импорта 200 миллионов тонн, то есть всего лишь одной трети общего объема импорта. Хотелось бы, чтобы Вы уточнили свои намерения».

Вопрос второй: «Численность сил самообороны не превышает 240 тысяч человек. Даже с учетом резервистов это составит не более 300 тысяч. Как они смогут оборонять Японию? На исходе войны на Тихом океане лишь на острове Кюсю находилась миллионная армия, и тем не менее Япония безоговорочно капитулировала. Насколько состоятельна оборона с привлечением 240 тысяч

человек? Значит ли это, что остальные 118 миллионов японцев должны будут бежать, очертя голову? И куда бежать?..»

И наконец, третий вопрос: «На нашей планете накоплено 50 тысяч единиц ядерного оружия. С одной стороны, Вы называете измышлениями наши утверждения о том, что если Япония будет стремиться к дружественным отношениям со всеми странами, то никто на нее не нападет. С другой стороны, Вы полностью исключаете возможность применения ядерного оружия, запасы которого достигли столь фантастических размеров. Если и говорить о необоснованности чего бы то ни было, то прежде всего в связи с подобными заявлениями. На Хиросиму и Нагасаки атомные бомбы однажды уже были сброшены. Неужели Вы действительно допускаете, что ядерное оружие не будет использовано даже в том случае, если сторона, обладающая им, будет на грани поражения?»

Премьер-министр не стал отвечать на эти неудобные для него вопросы. Он принялся тянуть время, рассуждать о том, о чем его не спрашивали, пространно цитировать совершенно не имеющую отношения к делу брошюру «Путь к возвращению северных территорий». С серьезным видом он длинно разглагольствовал о том, что якобы «Советский Союз смог занять «северные территории» потому, что в момент окончания войны японская армия перестала существовать». Неужели этот деятель и в самом деле думает, что если бы японская армия еще действовала, то они не были бы заняты? Ска-

зать, что это словоблудие, — значит сказать слишком мягко.

Обсуждение в парламенте лишний раз убедило меня в том, что Ясухиро Накасонэ действительно большой мастер разжигать националистические чувства. Это делает его особенно опасным. Выяснилось, например, что ему не по нраву капитуляция Японии 15 августа 1945 года, и он не желает признавать ныне действующую конституцию на том основании, что она-де навязана стране оккупационными властями. Об этом говорит и «Песня о пересмотре конституции», которую некогда сочинил Накасонэ.

Война проиграна — страна под пятой врага,
Под лозунгами мира и демократии
Навязана оккупационная конституция.
Будущее ясно — распад страны.
И все — спустя полгода после войны.
Пока существует такая конституция,
Продолжается безоговорочная капитуляция:
Лакеи генерала Макартура
Ратуют за эту конституцию.
Те, кому дороги судьбы страны,
Поднимите голос за ее возрождение!

Думается, что сочинение Накасонэ проясняет смысл его речей о необходимости «подвести черту под политикой послевоенной эпохи», произносимых по любому поводу. Оно вполне отвечает стремлениям человека, который во всеуслышание заявил о себе, как о стороннике пересмотра конституции страны. Но удивительно не это. Если, как писал тогда Накасонэ, всякий, кто выступает в за-

щиту «конституции Макартура», является «лакеем генерала», то не стыдно ли ему, ратуя за пересмотр «конституции Макартура», выступать в роли лакея президента Рейгана?!

Тем самым ясно, что премьер-министр Накасонэ без устали и всечасно выхолащивает конституцию. Это делается именно в таких формах и такими методами, как предсказывалось в первом издании данной книги, написанной в 1980 году.

Примером может служить хотя бы следующий пассаж: «После того как были подписаны «Руководящие принципы японо-американского сотрудничества в вопросах обороны», еще с большей, чем раньше, энергией проводятся совместные боевые учения. Теперь можно считать практически неизбежным, что в конечном счете эти учения будут объединены с американо-южнокорейскими учениями и речь пойдет об утверждении военной системы с участием трех стран — Японии, США и Южной Кореи. Сам факт участия Японии в маневрах «Римпак»* глубоко символичен и свидетельствует о том, что японо-американский «договор безопасности» уже связан как с договором АНЗЮС**, так и с договором по Организации Североатлантического пакта (НАТО). Истинный замысел

---

* «Римпак» («Тихоокеанское кольцо») — проводимые раз в два года многонациональные военно-морские маневры с участием США, Австралии, Новой Зеландии и Канады.

** АНЗЮС — договор об обеспечении безопасности между США, Австралией и Новой Зеландией.

США состоит в том, чтобы создать азиатский вариант НАТО, а затем объединить оба блока. Разве это не означает, что пламя, вспыхнувшее в любом районе земного шара, перестанет быть для нас «пожаром на другом берегу реки», это будет пожар в соседнем доме?»

Как видите, в моем анализе я не ошибся...

Нынешнее издание книги дополнено двумя статьями — «Идеи мира и борьба за мир» и «За расширение массового движения в защиту конституции». Они обе написаны в условиях дальнейшей милитаризации страны и усиления курса на укрепление военного союза с США.

Я бы испытал огромное удовлетворение, если бы эта книга в какой-то степени помогла приостановить развитие этих опасных тенденций.

Ноябрь 1983 года

Масаси Исибаси

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ

Уже давно меня побуждали в доступной форме изложить концепцию «невооруженного нейтралитета». Однако стоило мне подумать, что мои мысли будут зафиксированы на бумаге, как сомнения обуревали меня и написание книги всячески откладывалось. И только с августа нынешнего года желание это вполне сложилось. Оно нарастало по мере того, как каждодневные факты убеждали в усилении реакционного характера политики Либерально-демократической партии. По всей видимости, это происходит потому, что, обеспечив себе стабильное большинство в парламенте благодаря выборам, проводившимся одновременно и в палату представителей и в палату советников, ЛДП достигла такой степени самодовольства, что утратила всякую сдержанность.

Толчком к написанию книги послужил случай, происшедший со мной в аэропорту Фукуока в начале августа этого года. Поднимавшиеся по лестнице навстречу двое мужчин выкрикнули: «Коммунист!» То, что я — член Социалистической партии, известно каждому, кто хоть мало-мальски интересуется политикой. В данном случае словом «коммунист» меня хотели заклеймить — оно означало «красный» в наихудшем смысле, бран-

ную кличку, которую, не ожидая ответа, употребляют те, кто бичует других только за то, что они придерживаются иных взглядов. Это — люди, выдающие себя за патриотов и называющие предателями всех, кто выступает против милитаризации. Случай этот заставил меня, приобретшего большой жизненный опыт с предвоенных и военных лет, содрогнуться: «Неужели мы докатились до этого?!» Пришло решение написать. Я вспомнил о моем друге Ким Тэ Чжуне*, действительно с риском для жизни продолжающем борьбу за демократизацию Южной Кореи.

«Если хочешь защитить демократию в Японии, уступать нельзя. Надо идти к людям, надо непременно писать, чтобы о тебе услышали и тебя читали как можно больше людей», — сказал я себе.

В книге я хотел бы прежде всего подчеркнуть, что вооруженные силы Японии, коль скоро их существование никто не может отрицать, имеют тенденцию к саморазрастанию, что если согласиться на существование армии («сил самообороны»), рассчитанной на использование во время военных действий («чрезвычайных обстоятельств»), то нелогично и отвергать введение «чрезвычайного законодательства», закона о сохранении воен-

* Ким Тэ Чжун — руководитель южнокорейской оппозиции, выдвигавший свою кандидатуру на пост президента Южной Кореи. После установления режима Чон Ду Хвана был предан суду и приговорен к смертной казни. Под давлением международной общественности приговор был заменен высылкой из страны.

ной тайны, а также системы всеобщей мобилизации. Кроме того, следует иметь в виду, что Япония, зависящая в значительной степени от зарубежных поставок сырья, материалов, энергетических ресурсов и продовольствия, будучи вовлечена в военный конфликт, неизбежно должна будет пойти на установление контроля над экономикой, средствами транспорта, связью и т. п. Но и это не все. Если исходить из утверждений о том, что наша страна никогда не прибегнет к агрессии, и если правда, что оборона Японии носит исключительно «защитительный» характер, то из этого следует, что поле боя будет ограничено территорией нашей страны и споры о воинской повинности — нужна она или нет — бессмысленны, ибо концепция обороны, базирующаяся на применении вооруженных сил, может строиться только на решимости всего 118-миллионного народа Японии сражаться до последнего.

И в заключение хотелось бы подчеркнуть, что мы ни в коем случае не должны опускать знамя борьбы за невооруженный нейтралитет также и потому, что необходимо дать отпор значительно усилившимся в последнее время призывам к пересмотру конституции и предотвратить ее изменение: однажды признав «силы самообороны» и японо-американский «договор безопасности», у нас не останется достаточно энергии, чтобы отстоять конституцию, не допустить ее пересмотр.

Для написания книги у меня было слишком мало времени, и я не смог избежать того, чего опасался больше всего — недостаточной

глубины. Тем не менее мне хотелось бы, чтобы читателю стало ясно, почему я не мог не написать эту книгу, достоинством которой я считаю простоту изложения. Поэтому я буду глубоко удовлетворен, если книга принесет пользу людям.

3 сентября 1980 года

Масаси Исибаси

МИРНАЯ КОНСТИТУЦИЯ И НЕВООРУЖЕННЫЙ НЕЙТРАЛИТЕТ

Новые попытки вернуться к довоенному положению дел

Прошло тридцать пять лет со времени окончания войны, и мы вновь переживаем 15 августа — день военного поражения. Казалось бы, в нынешнем году эта дата ничем не отличается от таких же дней в прошедшие годы.

Однако если хорошенько вдуматься, то нынешнее 15 августа мы переживаем принципиально по-другому, чем тридцать пять лет назад. Более того, в этом году эта дата существенно отлична от той, какой она была пять, десять лет назад.

15 августа 1980 года премьер-министр Д. Судзуки, только что занявший этот пост, официально посетил храм Ясукуни *. Его примеру последовали и другие члены кабинета, обычно не проявлявшие интереса к посещению каких-либо храмов. И, как бы извещая нас, о чем молились министры, на рассвете 15 августа по тревоге были подняты офицеры штаба сухопутных сил обороны. В воображении командования рисовалась «обострившаяся ситуация, чреватая высадкой десанта противника на Хоккайдо». Так начались штабные маневры под кодовым назва-

* Храм Ясукуни — синтоистский храм почитания предков, встретивших смерть в военной форме; символ японского милитаризма.

нием «Акацуки», призванные «оценить оперативность и способность офицеров штаба сухопутных сил обороны управлять войсками в условиях чрезвычайного положения еще на той его стадии, когда премьер-министр не отдал приказа о выступлении этих сил на оборонительные рубежи».

Эта дата, которая должна была бы стать «днем осуждения» прошлой войны, исподволь превратилась в «день подготовки» новой войны. Нас заставили еще раз задуматься над тем, что на смену периоду «после войны» приходит новый период — период «перед войной».

За тридцать пять послевоенных лет изменилось очень многое. Честно говоря, даже не верится, до какой степени изменилось. Условия существования, уровень жизни, образ мыслей теперь — все другое. Но наибольшие изменения претерпела в ущерб себе конституция, в особенности ее статья 9.

В Преамбуле Конституции говорится: «Мы, японский народ, желаем вечного мира и преисполнены сознания высоких идеалов, определяющих отношения между людьми; мы полны решимости обеспечить нашу безопасность и существование, полагаясь на справедливость и честь миролюбивых народов мира».

В развитие этого положения статья 9 конституции ясно и четко провозглашает отказ от войны, от создания сухопутных, морских и военно-воздушных сил, равно как и других средств ведения войны, а также от признания права на ведение войны.

Что же мы слышим теперь? Изо дня в

день, с утра и до позднего вечера нам не дают покоя вопли о «советской угрозе», призывы увеличить военные расходы, усилить вооруженную мощь, болтовня о необходимости военного обучения и о подготовке к введению всеобщей воинской повинности. Иные докатываются до того, что призывают положительно переоценить выпущенные при императоре «Рескрипт об образовании» и «Наставление военным». Ультраправые, ежедневно собираясь толпами под стенами парламента, горланят реваншистскую песню «О реставрации». Если же в высших учебных заведениях с кафедры раздаются призывы «отстоять мирную конституцию», то возникают обвинения в тенденциозности преподавания; а когда кто-нибудь начинает петь «Не допустим атомной бомбы», то, оказывается, что петь хором революционные песни запрещено.

Когда мне твердят о «советской угрозе», невольно вспоминается «кольцо государств A.B.C.D.»* «Оборонительное сотрудничество Японии, США и Южной Кореи» звучит для меня как «антикоминтерновский пакт Японии, Германии и Италии». Когда утверждают, что «безопасность Южной Кореи для нас так же важна, как и оборона самой Японии», мне вспоминается бытовавшее не так давно выражение: «Через Корейский полуостров проходит линия жизненных интересов Японии». А разве «вклад в мир и безопас-

* Государства A. B. C. D. — то есть США, Великобритания, Китай и Нидерланды (по-английски соответственно America, Britain, China, Dutch).

ность на Дальнем Востоке» не звучит как императорский девиз «За мир на Востоке»? «Концепция тихоокеанского сообщества» разве ни у кого не вызывает аналогии с «Сферой сопроцветания Великой Восточной Азии»? Наконец, все чаще повторяемые заявления об «особом подходе к расходам на оборону» — это не что иное, как исстари известные нам доводы в пользу «чрезвычайных военных расходов».

Когда принималась ныне действующая конституция, в докладе на заседании специальной комиссии палаты представителей по конституции ее председатель Асида говорил:

«Господа депутаты! Взгляните в окна, посмотрите на предстающую перед вами картину. Мрачная, выжженная пустыня... Сотни тысяч трупов... Сколоченные кое-как бараки на руинах жилищ, в них не просыхают слезы сирот и вдов. Судьбе было угодно, чтобы именно так рождалась новая конституция Японии. Разве кабинет министров придерживается иного мнения?»

Отвечая, представитель правительства тогда заявил: «Статья 9 имеет пассивный характер в том смысле, что перед всем миром снимаются всякие подозрения относительно воинственности Японии. Вместе с тем следует подчеркнуть ее активное значение, ибо наша страна первой осуществляет акцию в соответствии с принципом, провозглашенным Организацией Объединенных Наций, а именно: война является преступлением против международного мирного сообщества. В настоящее время наша страна пока не может

полноправно настаивать на осуществлении этого идеала, но придет время, и она обретет поддержку всего мира». Далее было сказано: «Отказ от войны, отказ от создания средств ведения войны, а также отрицание права на ведение войны — эти принципы продиктованы самоотречением, невероятной решимостью в условиях, когда на карту поставлена сама жизнь».

Мы должны вновь вернуться к этим истокам. Конституция Японии вовсе не порождение эмоций недолговечного характера. Она — плод мудрости японского народа, обретенной в горьких и трудных испытаниях.

5 мая 1951 года, выступая на совместном заседании комиссии сената США по делам вооруженных сил и комиссии по иностранным делам генерал Д. Макартур заявил: «Японский народ, на себе испытавший, что такое атомная война, по собственной воле вписал в конституцию страны пункт об отказе от войны. В этом документе именно статья об отказе от войны выражает общенациональные чувства японцев».

Это действительно так. Кто бы ни был автором проекта конституции, не может быть никакого сомнения в том, что принятый текст является достоянием всего японского народа. В то время наш многомиллионный народ с энтузиазмом воспринял конституцию, впервые в истории страны включившую в себя три великих принципа: «демократия, передающая суверенитет народу», «абсолютное миролюбие», «уважение основных прав человека».

Тем не менее сторонники пересмотра ныне действующей конституции без устали твердят, что она-де навязана оккупационными властями США и одно это служит достаточным основанием для того, чтобы настаивать на ее пересмотре. При этом — как ни странно, — разглагольствуя о «навязанной» конституции, эти люди обычно не испытывают никаких колебаний по поводу Резервного полицейского корпуса, созданного приказом Главного штаба оккупационных войск в соответствии с директивой генерала Макартура...

Что, как не это, является типичным примером навязывания воли, примером диктата? Именно Резервный корпус, своеобразный предшественник нынешних «сил самообороны», имеет столь несуразное происхождение: он был учрежден без обсуждения в парламенте и без его одобрения, в обход конституции. Тем не менее говорят, что никаких проблем здесь нет, так как впоследствии парламент одобрил и закон о «корпусе национальной безопасности», и закон «о силах самообороны». Какие же придирки могут быть к конституции, на самом начальном этапе прошедшей процедуру обсуждения в парламенте и одобренной им подавляющим большинством голосов? На каком основании о необходимости принятия самостоятельной конституции говорят люди, грудью отстаивающие навязанную стране армию? Что это, как не беспринципность, как не стремление держать нос по ветру в угоду сложившейся конъюнктуре?

И если речь зашла о конъюнктурности по-

зиций, то в этом отношении типичным примером может служить политика США. Еще совсем недавно они призывали Японию отказаться от вооружений, теперь же призывают их наращивать. Разве не ясно, чем вызваны эти противоречивые требования?! Это объясняется тем, что раньше США были в дружественных отношениях с Советским Союзом, а нынче — с Китаем. Чем бы ни оправдывали свои действия Соединенные Штаты и какие бы громкие слова они ни произносили, их единственным критерием являются исключительно собственные «национальные интересы».

И в таком случае нам следовало бы поменьше рассуждать о «навязывании» чего бы то ни было и всерьез принимать упреки о том, что, мол, «оборона Японии строится за чужой счет». И наоборот, руководствуясь «национальными интересами» — на этот раз японскими, — надо неуклонно и последовательно проводить политику невооруженного нейтралитета. При этом вовсе не обязательно все сводить к «национальным интересам Японии». Следует подчеркивать, что политика Японии направлена на поддержание мира во всем мире, на безопасное существование всего человечества. Вместе с этим мы должны будем настойчиво добиваться того, чтобы великие державы, беря с нас пример, в полной мере приступили к разоружению.

Усиление влияния военных

Одним из непосредственных поводов к нагнетанию милитаристской атмосферы в Японии послужили высказывания Курису.

Курису, занимавший тогда высший военный пост, будучи председателем Объединенного комитета начальников штабов, опубликовал 4 января 1978 года в газете «Уинг» небольшую статью, в которой проводилась следующая мысль: «Как известно, существуют оборонительные вооружения и вооружения наступательные. Широко распространено мнение, согласно которому первые для Японии приемлемы, вторые же не приемлемы, поскольку способны создавать военную угрозу. Однако такое деление далеко от реальности. Военная мощь, неспособная оказывать на противника психологического воздействия, малоэффективна с точки зрения противостояния агрессивным планам противной стороны. И поэтому само понятие «исключительная оборона», то есть оборона как исключительная защита от нападения, является полным абсурдом».

По существу, Курису своим выступлением бросил дерзкий вызов правительственным кругам: сменявшие в течение многих лет друг друга консервативные кабинеты министров в стремлении обойти конституцию разводили софистику о «приемлемых» и «неприемлемых» видах вооружений. Однако, как это ни неожиданно, тогдашний начальник Управления национальной обороны (УНО) Канэмару, который по долгу своей службы должен был бы понять подлинный смысл подобного выступления и принять решительные меры против его автора, в свою очередь сделал заявление, в значительной мере одобряющее его мысли. Произошло это 8 января при разборе учений «Ракка хадзимэ», кото-

рые проводились в Нарасино (префектура Тиба) дислоцированной там 1-й воздушно-десантной бригадой сухопутных войск «сил самообороны». Канэмару заявил: «Устрашение может иметь агрессивный или оборонный характер. Силы самообороны в соответствии с концепцией «исключительной обороны» не должны создавать угрозы агрессии для другого государства, но в то же время необходимо, чтобы они создавали такую угрозу, которая могла бы удерживать его от нападения».

Тем самым, того не ведая, начальник УНО своим заявлением подтвердил тайные замыслы самого правительства, на которые его подчиненный лишь намекнул. Дальше — больше. Премьер-министр Фукуда, словно желая подбодрить военных, специальный раздел своей программной речи по случаю возобновления 84-й сессии парламента посвятил «вопросам обороны». «В последние годы, — сказал он, — интерес народа к проблемам обороны возрос, и возросло его понимание этих проблем. Это не может не вызывать удовлетворения. Я надеюсь, что в дальнейшем вопросы обороны, волнующие все население страны, станут предметом самого широкого и конструктивного обсуждения».

Так постепенно выяснилось, что нашумевшие в первые дни нового года заявления, сделанные высокопоставленными правительственными чиновниками, совпали вовсе не случайно. Средства массовой информации, подхватив эти выступления, стали нагнетать разговоры о важности обороны. Кампания

достигла апогея, когда Курису выступил вторично. Это произошло 19 октября. Отвечая на вопросы корреспондентов, председатель Объединенного комитета начальников штабов Курису заявил: «В случае внезапного нападения между его началом и поступлением соответствующего приказа премьер-министра неизбежен разрыв во времени, а, как известно, в юридическом обосновании этих действий имеется много пробелов. В связи с этим командование передовых соединений сил самообороны будет вынуждено действовать, невзирая на установленный законом порядок».

Правительство не могло не отреагировать на столь дерзкое высказывание высшего военного чиновника, фактически призвавшего к нарушению действующего закона, и вынудило его подать в отставку.

Как премьер-министр Фукуда, так и начальник УНО широковещательно заявляли при этом, что увольнение Курису было осуществлено благодаря системе гражданского контроля. Однако все произошло иначе. Дело в том, что в конечном счете правительство пошло на принятие мер, стоивших Курису должности, а премьер-министр лично отдал распоряжение о разработке «чрезвычайного законодательства». Хотя годом раньше УНО приступило к изучению вопроса о принятии «чрезвычайного законодательства», вопрос как бы заново был поставлен на заседании комиссии депутатов парламента — членов Совета национальной обороны, а уже на следующий день шаги в этом направлении одобрил кабинет министров. Казалось бы, зачем

понадобились такие церемонии? Вот и приходится говорить не об увольнении Курису, а скорее — о капитуляции перед ним.

И действительно, военные воспряли духом — их выступления стали более активными и смелыми. Конечно, офицеры из УНО допускали высказывания по политическим вопросам, выдержанные в критическом духе и прежде, до выступления Курису, но обычно они делали это, «отстегнув погоны», то есть после ухода в отставку. Отныне все чаще такими выступлениями стали отличаться находящиеся на действительной службе высшие офицеры.

Примером подобного рода в 1979 году служит заявление начальника штаба сухопутных войск Нагано о необходимости пересмотра Общей программы национальной обороны, а также о том, что сухопутные соединения «сил самообороны» должны участвовать в совместных с морской пехотой США маневрах.

До того как Япония приняла участие в боевых учениях «Римпак», с соответствующим заявлением выступил начальник военно-морского штаба «сил самообороны». Между тем в этом вопросе военные не должны проявлять инициативу, ибо участие в совместных с Канадой, Австралией и Новой Зеландией учениях ставит вопрос о коллективной обороне, право на которую, исходя из конституции, не признает даже правительство.

Так или иначе влияние военных стремительно возрастает, опрокидывая прогнозы мало-мальски сведущих людей и сохраняя в полном неведении остальное большинство.

В политических кругах вместо того, чтобы пресечь развитие данных тенденций, задним числом узаконивают подобные высказывания и усердно проводят их в жизнь, опускаясь до положения бессловесных роботов.

Фактов, подтверждающих эту тенденцию, более чем достаточно. Например, начальник УНО Омура, по сути, реализовал упомянутую выше инициативу начальника штаба сухопутных сил обороны. Об этом же свидетельствует инструкция Управления национальной обороны от 18 августа 1980 года, в которой говорится: «Впредь истребители-перехватчики военно-воздушных сил, осуществляющие полицейские функции в воздушном пространстве Японии, будут оснащены управляемыми снарядами «воздух-воздух». Уже на следующий день, 19 августа, начальник штаба военно-морских сил Яда поспешил заявить, что «в случае возникновения чрезвычайных обстоятельств для укрепления системы быстрого реагирования корабли и противолодочная патрульная авиация военно-морских сил будут снабжены торпедами».

Таким образом, если вникнуть в суть вопроса, мы являемся свидетелями безраздельной победы Курису. Приведенные выше факты доказывают также мою правоту, ибо, как я подчеркивал, это была не отставка Курису, а полная капитуляция перед ним.

Эти факты вместе с тем означают, что сделан новый шаг к выхолащиванию конституции. Зачем без всякого к тому повода в срочном порядке потребовалось оснащать корабли и самолеты боевыми снарядами?

Подобные меры есть не что иное, как «угроза силой», предполагающая «применение вооруженной силы», ясно и без оговорок запрещаемая конституцией. И не значит ли это, что мысленно указанные деятели конституцию уже ликвидировали? Об этом говорит целый ряд факторов. Это и самоуверенность Либерально-демократической партии, пользующейся обеспеченным большинством в обеих палатах парламента. Это и настойчивые, беспрестанные требования США о наращивании военной мощи. Это и рост давления со стороны военных. И в конце концов только по собственной инициативе Япония оказалась в создавшейся исключительно опасной ситуации, когда происходит «постоянное оснащение армии новым боевым оружием».

Не приходится удивляться, что Советский Союз не замедлил выступить с протестом, квалифицировав подобные действия как провокационные. Если одна сторона под предлогом возросшей угрозы принимает какие-то меры, то другая сторона в свою очередь спешит принять меры для оказания противодействия. Далее все идет как по сценарию: с обеих сторон происходит эскалация контрмер и они увязают в бесконечном соперничестве. Такова природа гонки вооружений. Неужели правительство намерено втянуть страну на тот безрассудный путь, по которому она однажды уже прошла?

Нет, извольте от этого нас избавить!

Наконец, такие меры создают еще одну немаловажную проблему. Дело в том, что они, эти меры, были осуществлены в нарушение

документа «Единое мнение», который Управление национальной обороны представило в парламент и который парламентом был принят, а впоследствии им же самим превращен в клочок бумаги. Это произошло следующим образом. Вскоре после упомянутого выступления Курису УНО подготовило документ «О действиях в случае так называемого внезапного нападения». В документе выражалось намерение «тщательно исследовать вопрос о характере безотлагательных действий сил самообороны, включая законодательный аспект, по выполнению задач в случае так называемого «внезапного нападения», осуществляемых до того, как будет отдан приказ о начале боевых действий». При этом, говорится в документе, «будут учтены такие особенности сил самообороны, как существование системы гражданского контроля и принципа координированных действий».

И вот, хотя вплоть до сегодняшнего дня не было опубликовано никаких сообщений ни о ходе рассмотрения вопроса, ни о его юридической стороне, принимается вопиющее решение об оснащении кораблей и военных самолетов торпедами. Это значит лишь одно, что в любой момент эти торпеды по чьему-то решению и в нарушение закона могут быть приведены в действие. Вот и выходит, что априори официальным одобрением пользуются произвольные решения и игнорирующие закон действия командиров передовых рубежей!

Разве не на этом настаивал до своей отставки Курису?!

Совместные японо-американские боевые действия и отправка войск за пределы страны

Что же скрывается за непоследовательностью правительства, которое сначала дезавуирует выступление генерала и даже наказывает его (пусть для проформы), а затем, развернувшись на сто восемьдесят градусов, одобряет его инициативу? Ключ к разгадке столь загадочного поведения следует искать в требованиях США об укреплении «сил самообороны» и в развернувшейся подготовке к ведению американскими и японскими войсками совместных боевых действий. Такие действия определяются документом, носящим название «Руководящие принципы японо-американского сотрудничества в вопросах обороны».

«Принципы» были разработаны подкомитетом по сотрудничеству в области обороны, созданным в июле 1976 года в рамках японо-американского комитета по осуществлению «договора безопасности». 27 ноября 1978 года они были официально подписаны обеими сторонами. В соответствии с «Руководящими принципами» началась ускоренная разработка системы, в силу которой все виды вооруженных сил Японии — сухопутные, военно-морские и военно-воздушные — смогут полностью присоединиться к американской армии и в случае возникновения «чрезвычайных обстоятельств» будут сражаться вместе с ней. С этого времени совместные учения и маневры войск Японии и США стали проводиться все чаще. Принимая во внимание предпринимаемые совместно США и Южной

Кореей крупномасштабные маневры, можно говорить о начальном этапе в реализации американских планов по использованию против общего врага объединенной военной мощи США, Японии и Южной Кореи под общим командованием.

В «Белой книге по вопросам обороны» за 1980 год цели совместных японо-американских боевых учений определяются следующим образом: «Мы исходим из того, что взаимопонимание и поддержание корректных отношений в обычных условиях в конечном счете послужат основой совместных действий Японии и США в случае возникновения чрезвычайных обстоятельств». В «Руководящих принципах» указывается на необходимость «разработки плана боевых операций по обороне Японии, преследуя цель реализации координированных действий по предотвращению агрессии», в связи с чем предлагается «в случае возникновения угрозы вооруженного нападения на Японию создать специальный орган по координации действий сил самообороны и американской армии».

Вот тут-то и загвоздка! Ограничится ли дело тем, что для ведения совместных боевых действий Япония и США создадут координационный орган? Удовлетворит ли это военных, для которых война имеет одну цель — победу?

Я думаю, что они нисколько не будут удовлетворены... Попытаемся вникнуть в следующие высказывания.

Бывший командующий эскортными соединениями военно-морского флота Т. Исигума подчеркивает: «Осуществление единого ко-

мандования союзной армией явилось бы нарушением конституции, поскольку означало бы использование «права на коллективную оборону». Следует предположить, что штабы будут играть роль некоего координационного органа по согласованию боевых операций, в то время как японскими и американскими войсками они будут проводиться по отдельности. Только такой способ возможен в нынешних условиях Японии. Однако, как мне кажется, этот образ действий не соответствует методам обороны Японии, предусматриваемым японо-американским сотрудничеством».

Бывший командующий военно-морским флотом Японии К. Китамура в книге «Оборонительная стратегия Японии» (вышедшей в издательстве «Ориенто сёбо») пишет: «Совместные оборонительные операции на море в условиях, когда возможности, предоставляемые «правом на самооборону» будут исчерпаны, станут осуществимы лишь на основе «права на коллективную оборону».

По мнению тех, кто хотел бы игнорировать конституционные ограничения и рассуждает с чисто военных позиций, подобные доводы представляются оправдательными. Именно такую «оправдательную точку зрения» совершенно откровенно нам навязывают люди в мундирах. В правительственных кругах сначала с самым серьезным видом от нее открещиваются, а затем в удобный момент проводят в жизнь. И вновь, в который раз происходит выхолащивание конституции, и к старым присоединяется новый свершившийся факт. Аналогичная ситуация повторялась уже

не раз. В приведенных высказываниях адмиралов неприкрыто проявляется стремление превратить «право на коллективную оборону» в свершившийся факт и тем самым подвести легальную основу для засылки японских боевых соединений на чужие территории. С 1980 года эта цель стала материализоваться, когда японские военно-морские силы приняли участие в совместных маневрах «Римпак-80», проходивших с конца февраля до середины марта. Стоит ли уточнять, что эти учения фактически явились осуществлением «права на коллективную оборону» и что они связаны с действиями, означающими отправку войск за пределы страны?

Правительство заявило, что целью участия в этих учениях является овладение тактикой боевых действий на уровне флотов, что-де вовсе не означает осуществления «права на коллективную оборону». Пусть так, но какой смысл в проведении совместных маневров с участием флотов четырех стран, если не предусматривается возможность их совместных боевых действий в случае войны? И кроме того, неужели в правительственных кругах и впрямь считается ловкой эта попытка парировать критику против участия Японии в совместных маневрах с Канадой, Австралией и Новой Зеландией — то есть с такими странами, с которыми у Японии нет никаких договорных отношений в области обеспечения безопасности? Кого может обмануть детский лепет о том, что в проводимых маневрах единственным партнером Японии являются Соединенные Штаты Америки?

Следует со всей определенностью конста-

тировать, что в процессе этих маневров на практике реализуется выдвигаемый Соединенными Штатами единый оборонительный план, участниками которого являются США, страны Западной Европы и Япония, и это не может не означать расширения той сферы обороны, на которую распространяется действие военно-морских сил Японии. Итак, с каждым днем, приносящим новую информацию, все четче выясняется подлинный характер «сил самообороны», все более очевидным становится, для кого и для чего они существуют.

Давление со стороны милитаристских кругов особенно усиливается с конца 1979 года... Все громче изо дня в день раздаются крики о «советской угрозе»; финансовые воротилы вновь и вновь твердят об ослаблении контроля над экспортом оружия и увеличении военных расходов; все чаще слышатся разглагольствования о необходимости доработки вопроса о введении воинской повинности. Стройными рядами во главе с премьер-министром члены кабинета министров официально посещают храм Ясукуни.

В печати промелькнуло сообщение о том, что министерство иностранных дел Японии начало изыскивать возможность включения японских боевых соединений в войска ООН, чтобы тем самым подвести легальную основу для посылки японских частей на чужие территории. Дело приняло такой оборот, что на заседании кабинета министров было принято решение об «особом подходе» к бюджетным ассигнованиям на оборону.

Генеральный секретарь ЛДП Сакураути

не раз останавливался на необходимости внесения изменений в конституцию. Со своей стороны его поддержал министр юстиции, пустившийся в разглагольствования о «патриотизме».

В настоящее время никто не станет отрицать, что военная политика Японии изменилась, что она резко изменилась и что — более того — ее стали проводить более форсированными темпами.

Получилось так, что своими воинственными речами Курису оказался в роли трубача, зовущего в поход.

Как выхолащивалась и искажалась конституция...

Постараемся разобраться, что же составляет основу поступков людей, которые не желают считаться с действующей в Японии конституцией.

Во-первых, стоит однажды признать необходимость существования вооруженных сил, как, согласно внутренней логике, события начнут развиваться именно в этом направлении. Вериги не нужны никому, вот и рассуждают в том духе, что-де армия, конечно, необходима, но того-то «делать нельзя», это «запрещено иметь» и т. д. и т. п. Естественно, что ни набравшая силу новая национальная армия («силы самообороны»), ни Соединенные Штаты, военной мощи которых в Азии был нанесен значительный урон*,

* Автор имеет в виду вынужденное сокращение военного присутствия США в Азии в результате поражения во Вьетнаме.

не станут считаться с этими «никчемными» доводами, хотя кое-что (ведь этого не скроешь!) в них и продиктовано положениями конституции.

Во-вторых, подобное поведение этих людей происходит от чванливого убеждения в том, что «поддержка японского народа на их стороне». В результате выборов, проводившихся одновременно в палату представителей и палату советников, Либерально-демократическая партия получила в обеих палатах устойчивое большинство, а, согласно официально проводимым опросам общественного мнения, большинство населения признает необходимость «сил самообороны» и «договора безопасности».

Что касается первых (то есть «сил самообороны»), то следует сказать, что история их создания и укрепления — это история искажения, игнорирования и выхолащивания японской конституции.

С середины 40-х до середины 60-х годов, когда функционировал созданный в связи с началом войны в Корее Резервный полицейский корпус, а затем Корпус национальной безопасности, на вооружении этих соединений были лишь винтовки, базуки и небольшое число танков и фрегатов. В то время совершенно серьезно обсуждался вопрос, можно ли считать эти формирования «средствами ведения войны», создание которых запрещено статьей 9 конституции. Дело доходило до того, что люди стеснялись называть танк танком и употребляли термин «спецмашина».

Десятилетием позже Корпус национальной

безопасности был переименован в «силы самообороны», вооружение которых включало такие виды боевой техники, как реактивные истребители, подводные лодки, различные виды ракет. В настоящее время годовой бюджет «сил самообороны» составляет чуть меньше одного процента валового национального продукта Японии, а по своей боевой мощи «силы самообороны» вышли на седьмое место в мире и на первое место в Азии среди стран так называемого «свободного мира».

Ныне годовой бюджет «сил самообороны» достигает 2 230 миллиардов иен (1980 год), а личный состав всех трех видов вооруженных сил насчитывает 240 тысяч человек, состоящих на действительной службе. Чтобы реально представить, сколь велики расходы на оборону, достаточно сказать, что они в пять раз превышают общий бюджет трех азиатских государств, в прошлом ставших жертвой японского милитаризма, — Таиланда, Индонезии и Филиппин. Таким образом, то, о чем, ссылаясь на статью 9 конституции, некогда говорили, что этого-де «делать нельзя», а то-то «запрещено иметь», в какой-то момент стало дозволенным, к тому же — дозволенным, согласно основному закону.

В качестве примера можно взять вопрос о «потенциальном противнике» Японии.

В 1976 году в издательстве «Ориэнто сёбо» вышла книга «Если силы самообороны будут воевать». Что же писали в ней высшие военные чины о «потенциальном противнике»? Так, бывший начальник штаба сухопутных сил Р. Накамура, в 1974 году вышед-

ший в отставку, утверждал: «Если комплексно рассматривать военную мощь, способную создавать угрозу, то с точки зрения таких показателей сухопутных войск, как их качество, количество и вооруженность, а также принимая во внимание темпы их развития и географический фактор, для Японии наибольшую угрозу составляет советская армия».

Бывший начальник штаба военно-морских «сил самообороны» К. Утида, находящийся с 1972 года в отставке, отмечал: «В парламенте допускаются критические высказывания в адрес УНО, а также утверждается, что было осуществлено определение «гипотетического противника» Японии. Но что в этом особенного? Заботясь об обеспечении обороны, наше ведомство должно знать своего «потенциального противника» и, исходя из этого предположения, проводить штабные учения, маневры. И тем не менее в парламенте поднимается шум, нас критикуют за то, что, мол, называть какую бы то ни было страну «потенциальным противником» (тогда как это делается в интересах обороны), противоречит принципу поддержания добрососедских отношений со всеми странами — принципу обеспечения безопасности».

Что же все-таки действительно происходит? В последние годы тезис «потенциальный противник — Советский Союз» словно получил права гражданства: его твердят изо дня в день, им пестрят страницы газет и журналов. Как говорят, случается день, когда и ворон не каркнет, но нет такого дня, чтобы не шумели о «советской угрозе»!

Однако в конце концов, что общего понятие «потенциальный противник» может иметь с нашей конституцией?!

Теперь еще один вопрос, который затрагивался выше, — вопрос о военных союзах и о «праве на коллективную оборону».

Вновь обратимся к уже цитированной книге, в которой собраны высказывания высших военных чинов. Бывший начальник штаба военно-воздушных сил самообороны Ц. Исикава (в отставке с 1973 года) писал в ней: «В случае какого-нибудь обострения между Южной и Северной Кореей при том, что в Южной Корее находятся американские войска, американская армия будет вынуждена вмешаться. И тогда Япония, хочет она того или нет, окажется вовлеченной в конфликт, поскольку с Соединенными Штатами Америки у Японии заключен договор безопасности. Следует упомянуть также вопрос об аренде баз, с которых могут взлетать самолеты... Возможен также случай, когда в поисках убежища южнокорейский самолет приземлится на одном из таких аэродромов, например в Итадзукэ, или попросит посадки потому, что его аэродром в Южной Корее разбомбили. Тогда наш аэродром может стать объектом атаки со стороны Северной Кореи... США могут проводить операции в Южной Корее, пользуясь своими базами в Японии. В таком случае Япония, естественно, превратится в одну из воюющих сторон».

Некоторые политические деятели, министры и другие чиновники, отвечая на запросы в парламенте, с самым серьезным видом заверяют, что «конституция Японии не призна-

ет права на коллективную оборону», что «если США вознамерятся предпринять боевые действия с баз, расположенных в Японии, то это станет возможным после предварительных консультаций, а если возникнут опасения, что тем самым Япония будет вовлечена в войну, то со стороны Японии будет дан отрицательный ответ». А в это время представители японских военных кругов, как мы имели возможность убедиться, без зазрения совести говорят прямо противоположное. Вот и получается, что в то время, как военные не только разрабатывают, но и проводят в жизнь свои воинственные планы, не испытывая при этом никаких укоров совести, в политических кругах считают своим долгом скрывать от народа эти факты, а в нужный момент — опробировать их, создавая цепь свершившихся фактов. Чем, как не фарсом можно это назвать?!

И третий вопрос — вопрос о вооружениях. Типичной в этом отношении является ситуация, сложившаяся с приборами прицельного бомбометания и обсуждавшаяся на сессии парламента 1978 года. Для ясности начав с конца, отмечу, что, когда на вооружение принимались истребители F-4 «Фантом», удалось добиться того, чтобы с них эти устройства были сняты. Однако же, когда на вооружение были поставлены более совершенные F-15, этого сделать не удалось.

Дискуссия вокруг вопроса об устройствах прицельного бомбометания началась еще в 1956 году, то есть вскоре после создания «сил самообороны». Допекая запросами в парламенте тогдашнего премьер-министра

Хатояму, я-таки добился, чтобы правительство по этому вопросу опубликовало документ «Единое мнение». В нем говорилось: «Обладание оружием, способным нанести прицельный удар по базам иностранного государства, является нарушением конституции». Этот документ сослужил нам добрую службу позднее — в 1968 году, когда я сумел заставить начальника УНО Масуду сделать в парламенте официальное заявление о том, что установка на истребителе-бомбардировщике с большим радиусом действия F-4 устройства для прицельного бомбометания создает проблему в отношении соблюдения конституции.

Это было время, когда Соединенные Штаты беспрерывно бомбили Вьетнам, используя самолеты F-4 «Фантом», и начальнику УНО было бы трудно уклониться от ответа.

Однако, когда впоследствии встал вопрос об оснащении армии модернизированными моделями FST2 наземной огневой поддержки (переименованные затем в F-1), то прицельные устройства на них все-таки были сохранены. Это произошло в 1972 году, когда у власти находился кабинет Танаки. Я поднял этот вопрос в бюджетной комиссии. Однако добиться отмены решения нам так и не удалось. Одной из причин неудачи явился предстоявший тогда роспуск нижней палаты парламента, и регламент обсуждения вопроса был ограничен.

Тогда правительством было сформулировано еще одно «Единое мнение», в котором указывалось: «Приборы, обеспечивающие прицельное бомбометание, были сняты с са-

молетов F-4, имеющих большую дальность полета, поскольку их наличие создавало угрозу для других государств. Самолеты F-1 обладают меньшим радиусом действия и не представляют собой угрозы другим странам, поэтому решено упомянутые приборы на них оставить».

Однако, когда речь зашла о самолетах F-15, это разъяснение по непостижимым причинам было спрятано под сукно. Несмотря на то что F-15 имеет бóльший радиус действия, чем F-4, они были оснащены прицельным устройством. Для справки укажем данные о дальности полета каждого из этих боевых самолетов: при стандартной нагрузке (восемь бомб по 250 кг каждая) дальность полета у F-4 составляет 250 морских миль, в то время как у F-15 — 280 морских миль.

Почему же правительство, открыто отбросив как ненужный клочок бумаги свое «Единое мнение», приняло решение об установке на F-15 прицельных устройств, хотя раньше оно признавало это нарушением конституции?!

Главное заключается в том, что на этот раз военные не хотели и слышать какие-либо возражения. Уже в то время, когда этим приборам закрыли доступ на самолеты F-4, была поднята жуткая шумиха, и с тех пор военные только и ждали случая, чтобы взять реванш.

Можно привести еще не один пример того, как происходило искажение положений конституции или как они подвергались «расширительному» толкованию. Следует

констатировать, что от того малого, что до сих пор считалось «делать нельзя» или было «запрещено иметь», согласно статье 9 конституции, в настоящее время совсем ничего не осталось.

Признание начальником Юридического бюро права на ведение войны

И все же, когда к правительству обращаются с вопросом, существует ли вообще что-нибудь такое, чего «делать нельзя» в силу статьи 9 конституции, и есть ли какие-либо виды оружия, обладание которыми запрещает эта статья, то его ответ звучит следующим образом: а) «нельзя вводить систему воинской повинности и чрезвычайное положение»; б) «не признается право на коллективную оборону и отправление войск за границу»; в) «Япония не может обладать межконтинентальными баллистическими ракетами (МБР), баллистическими ракетами средней дальности, баллистическими ракетами, запускаемыми с подводных лодок (БРПЛ) с ядерными боеголовками, а также стратегическими бомбардировщиками».

Однако введение воинской повинности, отправка войск за пределы страны могут нам навязать при наступлении «чрезвычайных обстоятельств». Просто однажды будет сказано: «Время тревожное, поэтому никаких возражений... Действие конституции приостанавливается — это в интересах обороны страны». Как видно из так называемого «плана трех стрел», эти мероприятия пытаются осуществить под видом «пополнения континген-

та сил самообороны» или «участия японских боевых частей в войсках ООН».

Таким же путем пытаются создать предпосылки и для введения «чрезвычайного положения»: это может быть осуществлено под предлогом мер по борьбе со стихийными бедствиями или при помощи соответствующего законодательства, как это было сделано во время событий в Нарита *.

Выше мы уже анализировали вопрос о праве на коллективную оборону.

Что же касается всяких видов вооружений, то правительство утверждает, будто оно в соответствии с «тремя неядерными принципами»**, провозглашенными в качестве официальной политики, не намеревается вводить на вооружение армии атомные и водородные бомбы, ядерные боеголовки. Однако в то же время оно считает, что само по себе обладание ядерным оружием в оборонительных целях не противоречит конституции страны. Аналогичные заявления делаются и относительно атомных подводных лодок и других атомных кораблей: поскольку, мол, атомная энергия используется в них лишь в качестве движущей силы, то это не создает никаких

* Имеется в виду Закон о чрезвычайных мерах по обеспечению безопасности в новом международном аэропорте Токио (Нарита), одобренный в мае 1978 года депутатами от ЛДП, Партии демократического социализма (ПДС) и Комэйто. Коммунисты и социалисты голосовали против. Принятие закона связано с движением протеста местных жителей против строительства нового аэропорта.

** То есть «не создавать, не иметь и не ввозить в страну ядерное оружие». Эти принципы были провозглашены правительством и парламентом Японии.

проблем. Конституция, говорят нам, также не запрещает иметь ни противолодочные авианосцы, ни крылатые ракеты.

И что вообще не поддается пониманию, так это правительственные утверждения о том, что обладание химическим, биологическим и радиологическим оружием якобы не противоречит конституции! Это со всей очевидностью явствует из выступления премьер-министра Фукуды в парламенте в марте 1978 года. Отвечая на запрос, он заявил: «Обладание химическим, биологическим и радиологическим оружием в силу статьи 9 конституции возможно при условии, что оно предназначается для оборонительных целей и осуществляется в минимально допустимых пределах».

Короче говоря, все возможно, лишь было бы сказано, что это необходимо «для оборонительных целей». Учитывая такую ситуацию, в ходе парламентской дискуссии, передававшейся телекомпанией Эн-эйч-кэй *, я спросил генерального секретаря Совета национальной безопасности Т. Кубо: «Правительство по-прежнему заявляет, что обладание межконтинентальными баллистическими ракетами и баллистическими ракетами средней дальности противоречит конституции, однако если следовать логике поведения нашего правительства, то Япония может иметь такие виды оружия при условии, что они будут использованы исключительно для нане-

---

* Одна из ведущих японских теле-, радиокорпораций.

сения «ответного удара», не так ли?» Напрасно было ждать, чтобы мне ответили: «И в этом случае Япония не может обладать таким оружием». Мне же сказали: «В США есть люди, которые придерживаются именно такой точки зрения».

В основу подхода к проблеме правительство положило оценку оборонного предназначения того или иного вида вооружений, и достаточно соответствующего заявления, как все это перестает противоречить конституции. Однако, как мне удалось подметить, в отношении тех видов оружия, которыми Япония в данный момент не в состоянии оснастить свои вооруженные силы, представители правительства почему-то не торопятся с «распространительным» толкованием конституции.

Конечно, следует считать верхом глупости такое положение, когда, выступая за обеспечение безопасности страны с помощью вооруженной силы, приходится в то же время связывать себя по рукам и ногам всевозможными ограничениями: этого — «нельзя делать», то «запрещено иметь» и т. п.

Видимо, малосостоятельна и такая логика, когда, рассчитывая в случае необходимости на поддержку Соединенных Штатов, со своей стороны не только не вносят никакого вклада в обеспечение безопасности, но и подчеркивают намерения всячески ограничивать боевые действия США, прибегая к предварительным консультациям.

Постоянно помня о существовании конституции и имеющихся в ней ограничениях, в правительственных кругах вынуждены для

проформы говорить вещи, которые не вяжутся со здравым смыслом.

Исходя из противоположных позиций, мы заявляем, что существование такой анормальной армии, которая опутана всевозможными запретами и ограничениями, просто немыслимо. Подобного заявления вполне достаточно, чтобы понять нашу позицию, которая основывается на том, что конституция вообще не признает никаких вооружений.

Так или иначе, но до сих пор все толкования конституции сводились к ее искажению, а ныне ее вообще намереваются толковать и так и эдак, чтобы приспосабливать каждый раз к новой ситуации. Об этом свидетельствует манера, в которой с ней обращался на 84-й сессии парламента начальник Юридического бюро кабинета министров Санада. «Не вызывает сомнений, — говорил он, — что пределы обороны имеют относительный характер: они могут меняться в зависимости от характера международной обстановки, прогресса в военной технике и других условий». Попросту говоря, сферу обороны можно расширять беспредельно. Изменилась международная обстановка — меняются пределы обороны. Изменился уровень развития военной техники — и снова изменились пределы обороны. Коль скоро каждое изменение условий действительности приносит изменения в сферу обороны, в конечном счете у нее исчезают всякие пределы и границы. Даже о праве на ведение войны, которое недвусмысленно отрицает статья 9 конституции, Санада не может не говорить с откровенным цинизмом. «В глазах зару-

бежиых стран, — бросает он. — Япония имеет право на ведение войны».

Так процесс выхолащивания конституции достиг последней черты...

Им, этим деятелям, недоступна обычная логика, когда рассуждают так: «Раз конституция провозглашает отказ от войны, запрещает обладание вооружениями и отрицает право на ведение войны, значит, так оно и должно быть». Они придерживаются иной логики и без обиняков утверждают: «Не государство существует для конституции, а конституция для государства. Поскольку конституция такова, что создает угрозу его существованию, то от нее надо отказаться».

Первым человеком в мундире, откровенно высказавшим эти длительное время скрывавшиеся мысли, был Курису. За короткое время эти воззрения набрали силу и распространились в нашей стране с быстротой степного пожара.

Цель — пересмотр конституции и превращение Японии в военную державу

Далее я хотел бы остановиться на вопросе о самодовольстве тех, кто считает, что поддержка народа на их стороне.

Действительно, Либерально-демократическая партия одержала победу на проводившихся в 1980 году выборах в парламент и получила стабильное большинство в обеих его палатах.

Значит ли это, что ей удалось восстановить доверие народа, что он поддерживает ее политику? Партия, погрязшая в коррупции,

неспособна вернуть себе доверие; не может она рассчитывать и на поддержку своей политики, хотя бы потому, что эта политика до сих пор не сформулирована. Не сочтите это за нежелание признать себя побежденным, но я убежден, что своей победой Либерально-демократическая партия обязана в первую очередь внезапной смерти премьер-министра Охиры. Не сомневаюсь, что в ближайшем будущем народ вынесет суровый вердикт ЛДП, нынешнее поведение которой нельзя назвать иначе, как вызывающим.

Многочисленные сомнения порождают у меня также итоги опроса общественного мнения, проведенного в декабре 1978 года Информационным бюро при канцелярии премьер-министра, о которых говорят при каждом удобном и неудобном случае. Согласно этим данным, 86% опрошенных признали необходимость существования «сил самообороны». Если бы действительно в правительственных кругах были уверены в таком единодушии, то, не сомневаюсь, уже давно поставили бы вопрос о пересмотре конституции, как это и зафиксировано в программе ЛДП. Однако они не делают этого, и не делают этого лишь потому, что уверенности-то у них и нет. И именно поэтому ЛДП в настоящее время нагнетает нападки на нашу Социалистическую партию.

Партия демократического социализма (ПДС) уже давно заняла одобрительную позицию в отношении «договора безопасности» и признания «сил самообороны»; в последнее время к таким оценкам склоняется на семь десятых и партия Комэйто. Сейчас,

как мне кажется, истинные намерения ЛДП выглядят примерно так: нанести поражение социалистам, что вынудит Комэйто выступить за признание «договора безопасности» и «сил самообороны» на все сто процентов, и тогда-то можно будет спокойно приступить к пересмотру конституции.

Следует призадуматься над имеющими хождение рассуждениями, над их последствиями. Так, нередко можно услышать такое высказывание: «Договор безопасности и силы самообороны можно было бы признать, а вот с пересмотром конституции согласиться нельзя». Состоятелен ли подобный довод? Мнение такое, конечно, возможно, но, однажды признав «договор безопасности» и «силы самообороны», где черпать энергию для борьбы против пересмотра конституции?!

В данное время меня больше всего беспокоит то, что в результате осуществляемой правительственными властями обработки общественного мнения и распространения соответствующих настроений и у нас в лагере стало также проявляться их, хотя и мало заметное, влияние. По своему характеру японцы склонны пасовать перед свершившимися фактами, отсюда суждения вроде того, что: «Силы самообороны» обрели настолько зримую мощь, что значительная часть населения признает их существование, так, какой смысл их отвергать?!» Если же колебания подобного рода начали зарождаться и в нашей среде, надо бить тревогу. Они чреваты тем, что открывают путь к пересмотру конституции, к превращению Японии в военную державу.

В предвоенные годы милитаризм в Японии начал очень быстро усиливаться, как только выяснилось, что из страха перед армией и чуть ли не заискивая перед военными кругами политические партии и правительственные деятели прекратили какие бы то ни было критические высказывания в их адрес.

В послевоенной Японии наблюдаются сходные симптомы. В качестве примера следует привести позицию ПДС. «Демократические социалисты» предприняли то, на что не решается даже ЛДП: они пригласили к себе начальников трех штабов, чтобы выслушать их «ценное мнение»; своим кандидатом на выборах в палату советников они выставили высокопоставленного военного чиновника, которого правительство вроде бы уволило в отставку, и теперь они делают вид, будто проявляют наибольшее понимание проблем «сил самообороны». Перед прошлой войной первой из политических партий, которая пошла на сближение с военщиной, была бывшая социалистическая массовая партия. Говорят, история повторяется... Действительно, аналогия в данном случае поразительная.

И тем не менее 35 лет — слишком короткий срок, чтобы забыть бедствия войны, чтобы отказаться от клятвы мира.

В Японии, хотим мы того или нет, проблема обеспечения безопасности — это конституционная проблема. Немало людей говорит приблизительно следующее: «На обширной планете Земля только в Японии обсуждают вопрос о том, нужна оборона или нет». Думается, однако, это вполне закономерно, коль скоро во всем мире больше нет другой стра-

ны, где бы конституцией запрещалось иметь вооружения. Раз конституция не подверглась пересмотру и не отменены ее преамбула и статья 9, обсуждение этой проблемы, естественно, будет продолжаться. Причем любой вариант такого обсуждения в отрыве от конституции, как бы искусно при этом ни выстраивались аргументы, может означать лишь одно — ее игнорирование.

Люди, выступающие за перевооружение Японии, в один голос говорят, что наиболее важным в обеспечении безопасности было бы достижение национального консенсуса. Но как в демократическом государстве может сформироваться национальное согласие, если в ходе обсуждения вопроса попирается его конституция?! Нам необходимо вновь и вновь подтвердить, что консенсус может быть достигнут лишь на общей платформе конституции.

На нынешнем этапе, когда в случае ядерной войны не может быть ни победителей, ни побежденных, важнее было бы думать о том, как предотвратить войну, нежели как противостоять агрессии.

Мы настаиваем на невооружении не только потому, что существует статья 9 конституции. Мы делаем это еще и из убеждения, что невооружение — единственный путь предотвращения войны и спасения человечества от гибели.

Установить дружественные отношения со всеми странами, не полагаясь на военную силу, не вступая в военные союзы ни с одним из государств, создать тем самым благоприятную обстановку, при которой исключалась бы

опасность возможного нападения, обеспечить таким способом безопасность — такова идея, заложенная в конституции. Проводить в жизнь эту идею — значит идти в авангарде эпохи.

Как бы трудно нам ни было, мы не должны прекращать наший усилий, направленных на то, чтобы сделать этот идеал реальностью. В международном плане — последовательное полное разоружение, во внутреннем — невооружение. Наш долг—направить все усилия на достижение этих целей. Это и есть единственный способ обеспечить выживание человечества!

Японский народ первым среди стран мира поклялся перед всем человечеством не жалеть усилий для достижения этой высокой цели. Зачем же считать эту клятву ошибкой?! Сейчас не время отступать!

Следовало бы подумать еще раз над вопросом о том, как Японии, великой экономической державе, до сих пор удавалось удерживать свои военные расходы на сравнительно низком уровне? Или — что еще важнее — благодаря кому в течение истекших 35 лет Японии удалось избежать прямого участия в войнах? Нужно ли говорить, что в значительной мере это заслуга сил, выступающих за конституцию, центром которых является Социалистическая партия Японии. Ведя неустанную борьбу за сохранение конституции, они всегда были твердо убеждены в том, что существование «договора безопасности» и «сил самообороны» противоречит конституции, что сутью конституции является невооруженный нейтралитет.

Почему же в таком случае мы должны сдавать противнику тот единственный оплот, который способен остановить начавшееся движение вспять, положить конец тенденции, отбрасывающей нас назад, к милитаризму, и означающей неотвратимое превращение Японии в «великую военную державу»?!

Япония — единственное государство в мире, которое имеет конституцию, провозглашающую невооружение. Этим следует гордиться! Каково бы ни было нынешнее положение дел, необходимо добиваться доверия со стороны всех без исключения стран мира и верить в то, что наступит день, когда Япония станет источником духовного обогащения!

НЕВООРУЖЕННЫЙ НЕЙТРАЛИТЕТ И «СИЛЫ САМООБОРОНЫ»

Саморазрастание вооруженных сил

В Японии все громче звучат голоса тех, кто заявляет: «Каждое из государств мира должно уметь себя защищать, а чтобы себя защищать, нужна армия. Разве это не логично?!» Тех, кто с этим не согласен, обвиняют в отсутствии патриотических чувств. Такие настроения с каждым днем усиливаются.

Однако в выражении «Разве это не логично?!» заложены по меньшей мере две ложных посылки. Одна из них — полное игнорирование действующей конституции. Можно как угодно искаженно толковать конституцию, но с помощью этих методов все равно нельзя сформировать то народное согласие, которое необходимо для успешной обороны страны. Другая состоит в том, что за патетическими фразами о защите страны собственными средствами в конечном счете скрывается расчет на американскую помощь, а это звучит совсем не так благозвучно, как лозунг «уметь себя защищать».

Не знаю, замечают ли эту фальшь те, кто бросается подобными фразами, но несомненно одно — эти привлекательные на первый взгляд речи с возрастающим упорством будут повторяться и впредь.

Призывы к наращиванию оборонительной мощи стали звучать особенно громко с тех пор, как, потерпев поражение в войне против

Вьетнама, Соединенные Штаты заявили о том, что в дальнейшем намерены воздерживаться от «чрезмерного вмешательства» и что «отныне азиатские страны должны сами заниматься своей обороной». В этой связи нельзя не сказать о том, что наращивание вооруженных сил Японии происходит по требованию Соединенных Штатов Америки и на Японию перекладывается то бремя, которое до сих пор несли сами США.

В этом одна сторона вопроса. Однако ни в коем случае нельзя упускать из вида и другую его сторону. Дело в том, что господствующие классы Японии более активно, чем США, стремятся как к наращиванию «сил самообороны», так и к усилению внешнеэкономической экспансии.

Из Азии первой ушла Франция. К 1971 году из зоны восточнее Суэца свои войска вывела Англия. Затем наступила очередь Америки — после провозглашения Гуамской доктрины (1969 год) стало постепенно сокращаться присутствие США в Азии.* Не уди-

* О сокращенин амернканского военного присутствия в Азии и прнлегающих к ней районах речь может идти лншь условно, так как, наоборот, происходнт его наращнванне, особенно начиная с прнхода к власти презндента Рейгана. Главными опорными пунктамн США в регионе являются военные базы в Японии, в Южной Корее н на Филиппинах, а также на острове Днего-Гарсия в Индийском океане. О наращивании американской военной мощи в Азии свидетельствуют, в частностн, переброска к берегам Азии новейших военных кораблей, включая авианосец «Карл Вннсон», оснащенне кораблей 7-го флота крылатымн ракетами «Томагавк» с ядерными боеголовками, планы размещения крылатых ракет в Южной Корее, базирование в Японнн самолетов F-16, способных нестн ядерное оружие.

вительно, что с ослаблением позиций своих соперников японские монополии вернулись к былой мечте о безраздельном господстве в Азии, а консервативная политическая элита вновь вообразила, что азиатские дела под силу решать лишь ей одной.

Наращивание военной мощи — процесс бесконечный. Собственно говоря, если взят курс на обеспечение безопасности страны с помощью военной силы, то вполне закономерно стремление к обладанию возможно более сильной и многочисленной армией. Триста тысяч лучше, чем двести, а пятьсот — лучше, чем триста. Воинская повинность предпочтительней добровольного найма. Трудно что-либо возразить и против желания обзавестись более современным, более эффективным оружием.

Кто же станет, признавая необходимость существования армии, довольствоваться малым и не требовать ее увеличения?! Прежде всего с этим не согласятся военные. Если же они скажут, что это необходимо для совершенствования обороны, кто посмеет им отказать?! Ведь армия по своему предназначению склонна к самопроизвольному разрастанию. То же происходит и с требованиями военных по поводу «чрезвычайного законодательства», закона о сохранении тайны или введения системы всеобщей мобилизации. Довод у них убийственный: коль скоро мы исходим из вероятности возникновения войны, то эти (или такие-то) требования должны быть удовлетворены. Возражения типа: «Не лучше ли вместо разглагольствований привести доказательства» или: «Так ли все

это действительно необходимо?!» — отметаются с порога, а контраргументами становятся следующие один за другим свершившиеся факты.

Кто не знает, что созданный в 1950 году по распоряжению Макартура Резервный полицейский корпус вскоре трансформировался в Корпус национальной безопасности», а затем был преобразован в нынешние «силы самообороны»? На первых порах их существование обосновывалось следующим малоубедительным доводом: «Силы самообороны — это минимально необходимые средства, предназначенные для отражения внезапного и вероломного нападения, из чего следует, что их существование не запрещено конституцией». Однако при этом из осторожности танки называли «спецмашинами».

Теперь времена изменились — все называют собственными именами. «Если силы самообороны длительное время рассматривались как некая фикция, то ныне такой «фикцией» стала статья 9 конституции, провозгласившая отказ от обладания вооруженными силами», — писал еженедельник «Сюкан Асахи».

Имея не совсем обычную конституцию, будучи связана многочисленными содержащимися в ней ограничениями, Япония тем не менее по своему оборонному бюджету заняла седьмое место в мире, а ее хорошо сбалансированные по видам вооружений — сухопутные войска, флот, авиация — средства войны («силы самообороны») возросли настолько, что считаются самой мощной армией среди армий азиатских стран, принадле-

жащих к так называемому «свободному миру». Несмотря на это, сегодняшняя ситуация ни на йоту не удовлетворяет военных. Об этом свидетельствует и недавно опубликованная «Белая книга по вопросам обороны» за 1980 год. Состояние «сил самообороны» обрисовано в ней следующим образом. Прежде всего излагаются особенности сухопутных войск Японии. «Поскольку наша страна окружена морями, — пишут авторы этого документа, — вторжение может последовать с любой стороны. Из этого вытекает необходимость равномерной дислокации войск по всему вытянутому в длину архипелагу. Кроме того, сложный рельеф, где горы перемежаются с долинами, предопределяет разнообразие в оснащении военной техникой, органически сочетающей огневую мощь с мобильностью. Начало военных действий потребует сосредоточения войск на фронте, где произошло вторжение, в связи с чем будет необходимо их перемещать на значительные расстояния. Даже если на помощь придут Соединенные Штаты, ввиду их географической удаленности, нашей стране в течение довольно длительного времени придется противостоять агрессии в одиночку». И далее, в «Белой книге» читателю дают понять, что с точки зрения выполнения данной задачи дела обстоят весьма неудовлетворительно буквально во всех отношениях. Например: «Большинство находящихся на вооружении танков — это устаревшие по своим тактическим и техническим характеристикам (огневой мощи, дальнобойности и маневренности) модели «61», поступившие на вооружение в

1962 году, а также танки «М-41», — то есть образцы, использовавшиеся американцами во время войны в Корее». Об оснащении сухопутных войск говорится также, что «особенности рельефа Японии обусловливают необходимость большого разнообразия артиллерийского оружия — от минометов до дальнобойных орудий. В настоящее время на вооружении находится около 2800 орудий, однако в основном — это устаревшее американское оружие времен второй мировой войны».

Аналогичные нарекания высказываются и по поводу военно-морских сил: «Следует прежде всего исходить из того, что Япония является омываемым морями островным государством, протянувшимся с северо-востока на юго-запад вдоль материка Евразии. Это значит, что вторжение в Японию наиболее вероятно с моря. С этой целью вполне осуществим оптимальный вариант для высадки и развертывания эффективнейшей десантной операции. Необходимо учитывать и другой фактор: бедная природными ресурсами Япония почти полностью зависит от ввоза необходимых для существования и развития страны энергетических ресурсов, важнейшего минерального сырья и таких сельскохозяйственных продуктов, как пшеница, соя, кукуруза и т. п. Поэтому Япония не имеет себе равных по объему морских перевозок и протяженности морских коммуникаций. В настоящее время объем ее импорта достигает 600 миллионов тонн в год, составляя около 20% мировой торговли. Этот импорт на 99,95% осуществляется морем. Морские ком-

муникации проходят по двум направлениям: через Тихий океан — в страны Северной, Центральной и Южной Америки и в Океанию, через Индийский океан — в страны Ближнего Востока, Африки и дальше — в Европу. Эти особенности географического характера требуют, чтобы военно-морские силы Японии были в состоянии эффективно выполнять две задачи — защиты страны от агрессии с моря и обеспечения безопасности морских коммуникаций в окружающих ее водах».

Каков же тот действительный военный потенциал, который необходим для удовлетворения столь чрезвычайных требований?! На этот вопрос ответить не может никто.

И тут (следовало ожидать!) начинаются бесконечные жалобы на всякого рода нехватки. «Способность кораблей и самолетов военно-морских сил к отражению ракетных атак не достаточна, слаба мощь морских средств ПВО», «возможность противостоять атомным подводным лодкам невелика»; «большинство эскадренных миноносцев для ведения военных действий с помощью электроники приспособлены плохо, они вооружены лишь трех- и пятидюймовыми орудиями и не имеют достаточных средств ПВО»; «военно-морские соединения не снабжены необходимыми средствами для проведения противоминных операций и не имеют соответствующего оборудования для работ по спасению подводных лодок с больших глубин».

Если «Белую книгу» показать людям, считающим, что Японии нужны вооруженные силы, смогут ли они сказать, что нынешний

уровень достаточен, а если и скажут, то кого они смогут убедить... Во всяком случае, не военных.

Как уже неоднократно говорилось, признать необходимость существования вооруженных сил — значит включиться в не имеющее пределов наращивание вооружений. В погоне за мифическим миражем «полного обеспечения безопасности» страна может зашагать по дороге, ведущей в бесконечность.

Отметим, кстати, что, с тех пор как в Японии все чаще стали говорить о важности и необходимости потенциала сдерживания и без устали повторять тезис о «советской угрозе», представляя Советский Союз «потенциальным противником», понятие пределов вообще перестало существовать.

Эффект сдерживания принято обосновывать устрашающим уровнем военной мощи данной страны, что для страны-противника создает угрозу безусловного отпора и неизбежности возмездия и вынуждает ее отказаться от своих агрессивных намерений. Если следовать логике этой формулы, то, имея перед собой столь мощную военную державу, какой является Советский Союз, Японии необходимо практически беспредельно наращивать свои вооружения.

В ответ на запросы в парламенте правительство не раз заявляло, что обладание ядерным оружием, атомными и водородными бомбами, авианосцами, атомными подводными лодками не противоречит конституции. Более того, начальник Юридического бюро при кабинете министров Санада, по существу, игнорировал имеющиеся в конституции

ограничения, заявив: «Не вызывает сомнений, что пределы обороны имеют относительный характер: они могут меняться в зависимости от характера международной обстановки, прогресса в военной технике и других условий».

Так ведь можно договориться и до бомбардировочной авиации дальнего действия (если только она еще будет нужна!) и до стратегических ракет и т. п. — конституция, мол, не запрещает обладания ими. Например, сейчас нас постоянно убеждают, что обладание крылатыми ракетами не противоречит конституции! И нет ли в подобных заявлениях признака того, что США и Япония намерены заняться совместной разработкой новых видов оружия?! Во всяком случае они с радостью ухватились за заявление Санады, как за заклинание «Сезам, отворись!». С его помощью открываются все двери — надо только произнести: «Это необходимо для обороны». А пределы этой обороны можно раздвигать безгранично — стоит лишь сказать, что международная обстановка изменилась, или изменился уровень развития военной техники, или произошли изменения каких-то других условий. Они и впрямь заполучили «волшебную палочку».

Американцы требуют наращивания вооружений

Повторяю, армия Японии имеет тенденцию к саморазрастанию. Повторяю также, что призывы об усилении оборонной мощи, все громче произносимые в нашей стране, нераз-

рывно связаны с настойчивыми требованиями США.

Это давление настолько снльно, что сейчас, как никогда прежде, стало ясно, чьнм интересам служат «силы самообороны». Известно, что в первые дни мая 1980 года, когда покойный премьер-министр Охира совершнл поездку в Соединенные Штаты, президент Джиммн Картер в категорической форме заявил ему о необходимостн наращнвания японской оборонной мощн. Он потребовал, чтобы Япония ускорила на год выполнение плана, «имеющегося у японского правительства». Ни у кого не было сомнення, что речь ндет о «среднесрочном предварительном графнке», подготовленном Управленнем нацнональной обороны. Я хотел бы подчеркнуть — Управлением обороны, а отнюдь не правительством. Тем не менее Охира это требование принял.

Уже после смерти Охнры при разработке бюджета на 1981 финансовый год было объявлено, что к ассигнованиям на оборону будет проявлен «особый подход». Причнна — международные обязательства необходимо выполнять, нначе будет подорвано доверие к Японнн.

Есть лн в подобном способе вынесення решений хоть капля самостоятельности? Как после этого можно говорить о независимости? Об обороне? На наш взгляд, особенно вызывающе выглядит позицня УНО, военных.

Нн для кого не секрет, что в настоящее время государственные финансы Японнн находятся в крайне трудном положенни. В начале 1979 года займы составляли 39,6% поступ-

лений в государственный бюджет, в 1980 году — примерно 33,5%. Общая сумма государственного долга к концу 1980 года, по-видимому, превысит 71 триллион иен. Казалось бы, должно быть ясно, что в первую очередь необходимо заняться упорядочением государственных финансов.

Финансовые трудности явились той причиной, по которой правительство отказалось от принятия пятилетнего плана перестройки вооруженных сил. Это решение вполне обоснованно исходило из того, что из государственного бюджета нельзя выделять военные расходы и нельзя фиксировать их объем на пять лет вперед. Военные, недовольные этим решением, составили «среднесрочный предварительный график» перестройки вооруженных сил, подготовив его в форме служебного документа УНО для внутреннего пользования. Заручившись в дальнейшем поддержкой президента США, они вынудили правительство признать этот «график», фактически представляющий собой пятилетний план развития вооруженных сил. Они добились также того, что на заседании кабинета министров была достигнута договоренность о том, что оборонные расходы будут выделены в особую статью бюджета. К тому же сроки осуществления военной программы были сокращены на целый год.

Какую же роль в принятии этого решения играл существующий у нас гражданский контроль? Нет сомнений, что мы присутствуем при том, как эта система сводится на нет.

В предвоенные годы военщина добивалась

своего, утверждая независимость верховного командования и выступая от имени императора. Ныне она поступает точно так же, действуя... под покровительством Соединенных Штатов.

Вывод: военные навязывают свои требования, не разбирая средств. Сметая все препятствия, они наращивают мускулы.

Кто же оказывается жертвой роста расходов на военные нужды? Не приходится и говорить, что он осуществляется за счет народных масс: урезываются ассигнования на социальные нужды, на образование, увеличиваются налоги. Извечная дилемма — пушки или масло.

Вместе с тем, как я уже говорил, господствующие классы Японии и без нажима со стороны США занимают весьма активные позиции, добиваются наращивания военного потенциала Японии, исходя из собственных интересов.

Попытаемся разобраться, как далеко они намерены идти, увеличивая военную мощь для защиты капиталистической системы. В не столь отдаленном прошлом имел распространение некий документ, который был представлен парламенту и по которому можно судить об истинных планах указанных кругов. Составленный по инициативе депутатов от ЛДП и скромно помеченный «проект», он полностью игнорировал как конституционные ограничения, так и настроения народных масс. Надо отметить, что в этом «проекте» были довольно откровенно выражены истинные намерения его составителей.

В этом документе, называвшемся «Расчет

затрат на людские ресурсы и материальное оснащение в условиях самостоятельного обеспечения обороны Японии», подчеркивалось: «В каждой из таких стран, как Великобритания, Франция, ФРГ (сходных с Японией по размерам территории, количеству населения и уровню экономической мощи), расходы на оборону составляют около 2 триллионов иен, что в пять раз превышает соответствующие японские ассигнования. Следовательно, если осуществлять оборону самостоятельно, то ежегодные расходы на оборону должны составить приблизительно такую же сумму». В интересующем нас тексте, однако, мы вновь и вновь сталкиваемся с известной «ошибкой», а вернее, с сознательной подтасовкой. Когда авторы документа строят свои планы «самостоятельной обороны» Японии, они ссылаются на Англию и Западную Германию, которые, как известно, вовсе не придерживаются подобной ориентации в военной политике. Реши Япония действовать самостоятельно, то такой бы суммой дело не обошлось! Из этого следует заключить, что в документе, фиксирующем указанную сумму военных расходов, ведется речь лишь о ближайшем будущем.

Истинные намерения авторов документа проявились не столько в той его части, где речь идет о количественной стороне вопроса, сколько в формулировании требований по качеству и характеру необходимой военной техники, которую следует приобрести, а также в концепции обороны, которую предстоит взять на вооружение. Об этом можно судить по следующим выдержкам.

«Не претендуя на достижение уровня ядерного потенциала, который две великие державы США и Советский Союз используют в осуществлении своей глобальной стратегии, необходимо тем не менее самостоятельно разработать и создать собственные ядерные силы, имея в виду ядерные боеголовки и средства доставки на дальние расстояния, которые могли бы послужить средством возмездия на случай чрезвычайных обстоятельств».

«Для обеспечения безопасности в западной части Тихого океана и оказания противодействия противнику на море в случае чрезвычайных обстоятельств необходимо создать военно-морские силы, способные обеспечить господство на море, что значит силы, включающие авианосцы, ракетные крейсеры, атомные подводные лодки и т. п.».

«Основным предназначением сил самообороны является осуществление противовоздушной обороны, которая не может ограничиваться пассивной обороной. Необходимо создать авиацию дальнего действия, которая в случае необходимости могла бы атаковать и уничтожить вражеские базы».

«Ведение длительных боевых действий в случае чрезвычайных обстоятельств потребует массовой мобилизации людских и материальных ресурсов. Поэтому нельзя отказываться от возможного введения воинской повинности и осуществления всеобщего военного обучения».

Поразительный документ! Но если подумать, то в нем логично отражается ход событий: стоит однажды согласиться с сущест-

ванием вооруженных сил, как они начинают безудержно разрастаться. Об этом я уже говорил и повторяю вновь.

Рост военных расходов и «торговцы смертью»

Мы не должны упускать из виду еще один фактор, способствующий «стихийному» разрастанию вооруженных сил. Речь идет о военной промышленности. Военно-промышленный комплекс — этот молох наших дней, — который некогда вызывал опасения у американского президента генерала Эйзенхауэра, ныне в Японии утвердился.

Каждый год 130—140 высших офицеров (генерал-лейтенантов, генерал-майоров, полковников) по достижении предельного возраста, выходя в отставку, покидают «силы самообороны». Все они обычно стремятся устроиться на службу в компаниях, работающих по военным контрактам.

Журнал «Дзайкай тэмбо»* на своих страницах поместил статью «О срастании аппарата УНО с частными фирмами». Из нее следует, что чаще других отставных военных берет к себе на службу компания «Мицубиси дзюкогё». Именно эта компания получает больше всего военных заказов. Значит ли это, что, принимая на службу высокопоставленных военных чиновников, фирма получает дополнительные выгоды? Выходит, что это своеобразная страховка для обеспечения постоянных заказов.

* «Обозрение деловых кругов».

«Торговцы смертью» во все времена добивались того, чтобы на оборону государство тратило как можно больше и чтобы оно содержало как можно более мощную армию. На этом направлении их интересы и интересы военщины полностью совпадают. Как явствует из выступлений представителей указанных деловых кругов, они стремятся к расширенному экспорту оружия. Фабриканты оружия исходят из того, что «силы самообороны» — слишком ограниченный источник военных заказов (на них особенно не наживешься!), поэтому-то и необходимо расширение рынков сбыта. Недаром производителей оружия называют «торговцами смертью» — погоня за прибылью порождает у них культ войны.

Разумеется, нельзя сбрасывать со счетов и тот факт, что развитием военного бизнеса интересуются также политические деятели и правительственные круги. Целая серия скандальных афер, связанных с компаниями «Локхид», «Грумман», «Макдоннелл-Дуглас», вскрыла множество махинаций, которыми сопровождаются закупки военной техники. Тут уж не приходится задумываться над ответом на вопрос: действительно ли они пекутся об интересах обороны страны или просто рассчитывают на крупные взятки. Ведь хорошо известно, что военные самолеты и другая военная техника — самый дорогостоящий товар... В любом случае нам должно быть ясно, что если не принять эффективных мер, то военные расходы будут и дальше возрастать не менее быстрыми темпами.

Следует также иметь в виду, что все боль-

ше дают себя почувствовать проблемы, связанные с экономической конъюнктурой. Экономисты считают, что в дальнейшем Японии не приходится рассчитывать на быстрые темпы роста. Коль скоро страна вступает в период низких темпов развития экономики и даже падения уровня производства, то во все большей степени предпринимателей будут привлекать военные отрасли промышленности.

Вот, например, что пишет профессор Тосио Камакура в журнале «Гэккан сякайто»: «Предприятия, в условиях экономического спада несущие убытки от простоя избыточного оборудования, стремятся найти выход, переключившись на военные заказы, которые обеспечивают устойчивость спроса и приносят минимум 5% прибыли. На этом пути им не грозят затруднения, связанные с производством на экспорт, — ожесточенная конкуренция, колебание цен, всевозможные ограничения со стороны государства-импортера.

Если, например, при выполнении строительных и дорожных работ по линии государственных и муниципальных органов требуются большие денежные капиталовложения на приобретение земельных участков и возникает потребность в проведении разъяснительной работы среди местного населения, чтобы такие работы не встречали противодействия, то военное производство создает дополнительные возможности по загрузке предприятий субподрядчиков, производящих детали и запасные части. Так, считается, что при строительстве военного корабля затраты труда на каждую тонну водоизмещения более чем в 10 раз превышают трудоемкость строи-

тельства обычного торгового судна. Если различные общественные работы повышают спрос на рабочую силу в сопредельных отраслях в 1,5 раза, то военное производство — в 2,3 и 2,5 раза. И опять события развиваются уже известным образом: стоит предпринимателю, вложив огромные средства, установить оборудование, производящее оружие, как такой бизнесмен начинает выступать за увеличение ассигнований на приобретение военной техники.

Производственные мощности военной промышленности Японии увеличились до такого уровня, что способны поглотить ассигнования, в 3—4 раза превосходящие нынешний уровень».

До сих пор военный бюджет Японии в соответствии с решением правительства удерживается в пределах 1% валового национального продукта, однако военным расходам свойственно неизбежное возрастание — вскоре потолок в 1% будет превзойден и они устремятся к отметке 3—4% ВНП, то есть к нынешнему уровню военных расходов стран—участниц НАТО. Таков путь, который ведет к превращению Японии в «великую военную державу», и эти прогнозы непосредственно вытекают из «Белой книги по вопросам обороны» за 1980 г. Так, в ней можно прочитать следующее: «Предпринимая усилия по укреплению обороны, страны Запада, прежде всего Соединенные Штаты Америки, все чаще подвергают сомнению позицию по оборонным вопросам, занимаемую Японией — второй экономической державой «свободного мира». В то время, говорят они, как запад-

ные страны, несмотря на внутренние экономические трудности, несут тяжелое экономическое бремя по обеспечению обороны, Япония бесплатно пользуется миром и безопасностью, созданными оборонительными усилиями других стран Запада, чем и обеспечила высокую конкурентоспособность своей экономике. В связи с этим от Японии все чаще требуют участия в международной ответственности по вопросам обороны, которое соответствовало бы ее национальной мощи. В последнее время подобные высказывания делаются не мимоходом, как это бывало раньше, при обсуждении экономических проблем, а в форме конкретных требований о наращивании военных усилий Японии».

По существу, это устремления самого японского правительства, лишь высказанные со ссылкой на страны Запада. В них очевидно единодушие, имеющееся в правительственных кругах в этой области. Эти высказывания целиком проникнуты идеей о том, что оборона имеет преобладающее значение, а экономическое развитие страны и улучшение жизни народа, достигнутые за счет ослабления оборонных усилий, представляют собой несомненное зло. Можно ли ждать, чтобы настроенные подобным образом политики положили конец безудержному росту военных расходов?! И прежде всего было бы тщетно возлагать надежды на безответственных политиканов, греющих руки на сделках с военными самолетами.

Помешать росту военных расходов, предотвратить скатывание Японии на путь превращения в военную державу — такова ны-

не наша главная задача. Ее осуществление — это и борьба в защиту жизненного уровня народа.

«Потенциальный противник» и японо-американская «совместная оборона»

Итак, мы констатировали, что японское правительство всеми силами стремится обеспечить наращивание вооруженных сил, осуществляя его за счет народа. Предназначеннем таких сил должна стать защита страны от «противника», которым объявлен Советский Союз.

Если исходить из гипотезы, что Советский Союз все-таки предпрнмет нападенне на Японию, то насколько эффектнвно можно защищать ее с помощью вооруженной снлы?

Есть такой человек — Осаму Кайхара, в прошлом генеральный секретарь Совета национальной обороны. В бытность свою в УНО он пользовался настолько большим влиянием, что порой его называли «императором». Покинув пост в Совете национальной обороны, Кайхара принялся писать и действительно написал несколько книг. Все они мною прочнтаны. В своих работах Кайхара рассматрнвает СССР как вероятного противннка и, исходя нз этого предположення, излагает свои выкладки о том, как будут разворачиваться события в случае нападения советской армии. Он считает, что военно-воздушные силы Японии будут разгромлены за десять мннут, военно-морские — продержатся два-трн дня, а сухопутные «силы само-

обороны» смогут оказывать организованное сопротивление три-четыре дня.

Со своей стороны Канэмару, отвечая на запрос в парламенте в качестве начальника УНО, утверждал: «В случае военного столкновения с Советской Армией силы самообороны продержатся максимум неделю-две». И коль скоро в одиночку Япония не в состоянии защищать себя, то, согласно его точке зрения, остается лишь уповать на помощь Соединенных Штатов Америки. Но если исходить из таких позиций, то, учитывая известное ослабление американского влияния на Азиатском континенте, можно поддаться соблазну и пытаться привлечь на свою сторону Китай.

Значит, так: в случае возникновения вооруженного конфликта Соединенные Штаты должны броситься спасать Японию?! Допустим, что так это и произойдет... Какие в этом случае возникают проблемы?

Первая состоит в том, что в течение довольно длительного времени Японии придется сражаться в одиночку. Здесь важен вопрос: как долго ей надо продержаться и способна ли она на это вообще?

И еще одна проблема. Военные союзы обычно носят двусторонний характер. Значит ли это, что, для того чтобы заручиться американской помощью на случай вооруженного конфликта, Япония должна недвусмысленно заявить о своем участии в войнах, которые будут вести США?

Что касается первого вопроса — сможет ли Япония продержаться до прибытия американских войск, — то выше уже было по-

казано, что это практически невозможно... Тогда необходимо решить второй вопрос, касающийся принципа «give and take»*? Если вдуматься, то такая постановка вопроса вполне закономерна. И действительно, вряд ли в каком бы то ни было обществе нашла бы поддержку эгоистическая позиция приблизительно такого рода: «Если напали на меня, окажите мне помощь, а если плохо вам, то это ваша проблема». Даже такие страны, как Южная Корея и Филиппины, по своей экономической и военной мощи несравненно более слабые, чем Япония, имеют с Соединенными Штатами договоры о взаимной помощи, в силу которых они обязуются выступить на стороне США, если последние подвергнутся нападению в бассейне Тихого океана. И в самом деле во время войны во Вьетнаме Южной Кореей туда были посланы войска, которые понесли значительный урон.

Судя по всему в стремлении обеспечить «защиту» со стороны американских вооруженных сил, японское правительство (хотя и признает, что конституция отрицает такое право) сильнее прежнего увлекает страну по пути признания «права на коллективную оборону», а следовательно, и права посылки войск на чужие территории.

Этот курс находит отражение в участии Японии в совместных с другими странами Тихоокеанского региона маневрах «Римпак». Его можно проследить в официальной публикации Общества по изучению оборонных проблем (ЛДП), содержащей тезис о необ-

* «Даю, чтобы ты дал».

ходимости пересмотра Закона о силах самообороны, что позволило бы посылать японские войска за границу по линии Совета Безопасности ООН. Он проявляется и в том, что министерство иностранных дел Японии подхватило эту вынашиваемую ЛДП идею и приступило к изучению вопроса.

В связи с этим я убежден, что те, кто выступает за перевооружение Японии, недооценивают угрозу, таящуюся в существовании армии. Они думают, что вооруженные силы будут всегда действовать по воле народа и избранных им представителей, что их создание будет подчинено ограничениям, уже определенным народом. Не больше того. Они уповают на то, что военная мощь будет использоваться лишь для защиты японской территории и ее населения в случае нападения извне, и что винтовки никогда не будут повернуты против самого японского народа, его законных представителей. Они считают, что армия — это достояние народа, что она всегда будет действовать в его интересах и никогда не окажется в руках какой-то определенной прослойки или, тем более, не станет защищать эгоистические интересы этой последней. И поскольку эти люди действительно во все это верят, то я порекомендовал бы им вспомнить о последней войне и предшествовавшем ей времени... Пусть они подумают над тем, что происходит в окружающем нас мире, в частности в Южной Корее.

Легко сказать «защита страны»... Что же хотят выразить с помощью этих слов?!

Для нас «защита страны» — это прежде всего защита жизни и имущества граждан.

Ведь страна — это и есть народ. Однако заботы наших правителей лежат явно в иной плоскости. Своим потенциальным противником они избрали страну, которую никогда не смогут победить... Они должны понимать, что если США и примчатся на помощь, то конечным результатом станут горы трупов, выжженная земля, голод и нищета... И на это они тем не менее готовы пойти, намереваясь, по всей видимости, в случае чрезвычайных обстоятельств расправиться с «антиправительственными элементами». Если свести все эти факторы воедино, то с полным основанием следует утверждать, что они собираются защищать существующий строй, то есть капитализм...

Южнокорейский диктатор Чон Ду Хван готов именем закона совершить убийство, предав Ким Тэ Чжуна суду военного трибунала. Какое же преступление совершил этот человек? Оно состоит в том, что Ким Тэ Чжун призывал к демократии, требовал для своей страны хоть немного свободы. Но и такие выступления не дозволены в Южной Корее. Как же обосновывают в этой стране суд над Ким Тэ Чжуном? Только одним — это-де необходимо для сохранения существующего, антикоммунистического режима.

Итак, есть ли еще сомнения в том, кто будет считаться врагом армии, которой командуют люди, готовые в борьбе с коммунизмом принять фашизм. Мне кажется, что есть немало оснований задуматься над тем, каким образом в Японии укоренился милитаризм и почему в сегодняшнем мире столько стран, где у власти стоят военные.

Что такое невооруженный нейтралитет

Теперь я хотел бы остановиться на основном вопросе, поднимаемом в книге. Я думаю поделиться своими мыслями по поводу концепции невооруженного нейтралитета и заодно ответить критикам этой концепции. В качестве предпосылки следует еще раз подчеркнуть, что абсолютной полной безопасности вообще не существует, что безопасность носит относительный характер и что, по нашему глубокому убеждению, невооруженный нейтралитет предпочтительнее любых вооруженных союзов.

Во-первых, я хотел бы сделать акцент на следующем: если Япония по собственной инициативе не будет создавать конфликтных ситуаций, ей, окруженной морями, не следует опасаться прямого нападения. Об этом свидетельствует и исторический опыт: почти всегда войны, которые вела Япония, начинались с агрессии с ее стороны. Отказ от «договора безопасности» с США, согласно которому социалистические страны считаются реально существующим противником, а в распоряжение Соединенных Штатов переданы военные базы на японской территории, привел бы к ликвидации факторов, вынуждающих Японию опасаться удара со стороны указанных стран. Если проявлять действительную, а не мнимую заботу о мире и безопасности для Японии, следует более не соглашаться с ролью подручного Соединенных Штатов, прекратить шумиху о «советской угрозе», немедля ликвидировать всякого рода подготовительные меры, призванные

оправдать наращивание вооруженных сил и осуществление совместных японо-американских боевых операций.

Во-вторых, такая страна, как Япония, ни под каким видом не может идти на риск войны. Япония зависит от импорта большей части сырья и природных ресурсов, от ввоза продовольствия — на 60%, а также более чем на 90% от зарубежных энергетических источников. Она является страной, в которой развитие экономики и поддержание соответствующего уровня жизни населения в значительной степени зависят от внешней торговли.

В этой связи резонно вновь процитировать то место из «Белой книги по вопросам обороны» (1980 год), в котором говорится: «Япония не имеет себе равных по объему морских перевозок и протяженности морских коммуникаций. В настоящее время объем импорта достигает 600 миллионов тонн в год, составляя около 20% мировой торговли. 99,95% импорта осуществляется морем. Морские коммуникации проходят по двум направлениям: через Тихий океан — в страны Северной, Центральной и Южной Америки и в Океанию, через Индийский океан — в страны Ближнего Востока, Африки и дальше — в Европу. Эти особенности географического характера требуют, чтобы военно-морские силы Японии были в состоянии эффективно выполнять две задачи — защиты страны от агрессии с моря и обеспечения безопасности морских коммуникаций в окружающих ее водах». Далее «Белая книга» продолжает: «Для обороны нашей страны с моря понадо-

бится помощь и поддержка со стороны мобильных и мощных сил военно-морского флота США. В этом одна из причин того внимания, которое уделяется совместным боевым операциям Японии и США на основе японо-американского договора безопасности».

Как же предполагается обеспечить безопасность этих столь протяженных морских коммуникаций? Неужели наши правители рассчитывают, что выполнение этой задачи возьмут на себя Соединенные Штаты?

Хотелось бы привести некоторые красноречивые цифры из опыта прошлой войны на Тихом океане. За неполных два года (с октября 1943 по август 1945 года) подводными лодками противника было потоплено или повреждено 3193, а военными самолетами — 2225 наших торговых судов.

Какими средствами возможно обеспечить безопасность на море в современный ракетный век, когда неизмеримо усовершенствовались средства точного попадания? Как иначе, если не безумием, можно называть подобные идеи?

С моими сомнениями по этому поводу совпадают размышления бывшего генерального секретаря Совета национальной обороны О. Кайхары. В своей книге «Обратная сторона системы японской обороны» он пишет: «Сколько же потребуется военных кораблей и самолетов, чтобы такое стало возможным? Где взять столько войск? Где и как будут созданы промежуточные базы для многочисленных кораблей и самолетов?» И далее: «Иное дело, если военный флот США возьмет на себя то, что не по силам

Японии. Однако даже приверженцы охраны морских коммуникаций считают, что и американские ВМС не смогут выполнить эти функции. Например, если безопасность морских коммуникаций в зоне от Иокогамы до 20° северной широты и будет обеспечена, все равно эти меры не дадут должного эффекта, поскольку вне этой зоны коммуникации остаются неприкрытыми».

Словно подтверждая выводы Кайхары, начальник штаба ВМС США Холлоуэй писал 20 октября 1975 года в журнале «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт»: «Единственным способом надежно защитить нефтяные коммуникации, протянувшиеся из Персидского залива в Европу и США, может служить победа в битве за Атлантический океан и обладание флотом, способным парализовать действие советских ВМС. В настоящее время фактически не существует средств, которые способны обеспечить с помощью конвоирования безопасность нефтяных танкеров, выходящих из Персидского залива».

Как долго в состоянии продержаться Япония, если она не сможет снабжать себя не только нефтью, но и продовольствием, когда пути подвоза будут перерезаны?!

Однако, чем настойчивей с помощью приведенных выше аргументов мы доказываем, что оборона Японии с помощью вооружений практически не осуществима, тем упорнее возражают нам сторонники так называемой концепции «запертых дверей». Эти люди говорят: «Каждому дому дан замок, на который его запирают от воров». На первый взгляд такое сравнение выглядит убедитель-

но, но если вдуматься, то оно полностью лишено смысла. Во-первых, речь идет не о квартирном воре или случайном мелком воришке, а о вооруженном грабителе. Ему нипочем всякие замки — дверь он все равно взломает. Разве в таких случаях можно советовать обитателям дома оказывать сопротивление? Разве непонятно, что сопротивляться при этом — значит навлечь на себя верную гибель?

Во-вторых, в Японии в сельской местности немало домов, обитатели которых дверей не запирают. Есть ли лучшее свидетельство неслабеющих отношений доверия у соседей? Именно такие отношения — залог мира и безопасности.

Нам возражают, ссылаясь на пример нейтральной Швейцарии, которая-де имеет свою армию. «Наличие армии, готовность к сопротивлению дает возможность сохранять ей нейтралитет», — говорят сторонники этой точки зрения. Но так ли это на самом деле?

На Швейцарию никто не нападает вовсе не потому, что боятся ее армии. Активная дипломатия, основанная на убежденном стремлении поддерживать дружественные отношения со всеми странами мира, население, единодушно одобряющее такое направление внешней политики, доброжелательное отношение мирового общественного мнения — таковы факторы, гарантирующие безопасность Швейцарии.

Существует мнение, согласно которому Гитлер во время второй мировой войны не напал на Швейцарию только из опасения, что сопротивление сильной швейцарской ар-

ми, организованной по принципу народного ополчения, причинит большие потери. Но почему же в таком случае гитлеровская Германия совершала одно нападение за другим, не считаясь с потерями?

Еще важнее вспомнить, почему Австрия или Чехословакия не оказали сопротивления нацистам, допустили аннексию своих территорий, согласились с их отторжением...* Разве эти факты не заставляют предположить, что Швейцария, население которой на три четверти немецкого происхождения, окажись она в положении Австрии, заняла бы аналогичную позицию? Иногда можно услышать, что в случае нападения нацистских полчищ Швейцария обязательно оказала бы яростное сопротивление, как это и было с Польшей, и нанесла бы им внушительный урон. В подобных суждениях слишком много произвольного, в них слишком сильно стремление выдать желаемое за действительное. Короче говоря, такие вопросы, как вооружаться или не вооружаться, оказывать сопротивление или не оказывать, решаются самостоятельно самим государством, всей нацией. Не думаю, что мы должны допускать легковесность во мнении по таким вопросам.

Но есть люди, которые упорно отвергают наши доводы. «Что бы вы ни говорили, — возражают они, — мы испытываем тревогу.

---

* Автором упускается из виду принципиальное различие в международном положении Австрии и Чехословакии в канун второй мировой войны, когда по мюнхенскому соглашению 29—30 сентября 1938 года последняя была выдана ее союзниками Великобританией и Францией на милость фашистской Германии

Вы, выходит, предлагаете в случае нападения сдаваться?»

На их доводы мы отвечаем: «Не следует допускать обострения отношений, которое создавало бы опасность нападения. Необходимо установить дружественные отношения со всеми странами, особенно с соседними, и тем самым обеспечить безопасность страны». Однако эти люди не хотят прислушиваться к нашим соображениям. Более того, мы говорим напрямик, не боясь быть превратно понятыми: «А разве не лучше будет капитулировать?!»

Мы пережили настоящую капитуляцию 15 августа 1945 года. Сейчас вряд ли кто-нибудь решится назвать этот шаг ошибкой. Если же вообще исключить возможность капитуляции, то тогда мы должны бы последовать за горсткой неопытных офицеров, вооружившихся бамбуковыми копьями, и сражаться до последнего человека. Но вспомните то время, когда такие же молодые офицеры, скрыв запись выступления императора с заявлением об окончании войны, призвали народ к «решительному сражению на территории Японских островов». Их заговор, как известно, провалился. За ними не последовал ни один японец. Даже среди военщины никто не поддержал эту молодежь. Отчего же? Оттого, что все устали от войны. Оттого, что именно безоговорочная капитуляция принесла народу Японии облегчение. Люди думали: «Возможно, американцы и англичане и «злые демоны», как их называют военные, но лучше сдаться, чем продолжать войну». Поэтому путь капитуляции поддержали все.

Разумеется, отказываясь от сопротивления с помощью вооруженной силы, мы вовсе не утверждаем, что в любом случае и как бы ни поступили с нашей страной, мы будем придерживаться непротивления, уповая на Организацию Объединенных Наций. Нет, конечно! В зависимости от действий противника мы предпримем всяческие меры противодействия, не основанные на применении вооруженной силы. Характер сопротивления будет самым широким — от демонстраций и голодных забастовок до кампаний бойкота, саботажа и всеобщей стачки.

В связи с этим следует уточнить еще раз одно важное обстоятельство. Если Япония действительно встанет на путь «исключительной» обороны, то есть пассивной обороны ради обороны, то военные действия наверняка будут перенесены на нашу территорию и в боях примут участие не только солдаты «сил самообороны». И в таком случае всякие споры о том, хороша или плоха система воинской повинности, нужна она или нет, лишены всякого смысла. Следует понять, что любая концепция обороны, основанная на применении вооруженной силы, будет состоятельной только в том случае, если весь японский народ, независимо от наличия или отсутствия системы воинской повинности, будет готов сражаться до последнего, или, как говорили в годы войны, он будет готов к «окончательному сражению на Японских островах», когда весь стомиллионный народ предпочтет бесчестию смерть. Нужно совершенно не понимать реальностей современного мира, чтобы считать возможной эффективную

оборону Японии силами только «войск самообороны».

Именно поэтому мы отвергаем всякую для Японии необходимость иметь вооруженные силы. Мы полностью согласны с профессором Н. Кобаяси, который в «Юридическом вестнике» («Хорицу дзихо») пишет следующее: «Если придерживаться концепции невооружения, в худшем случае дело ограничится военной оккупацией Японского архипелага, но можно будет избежать самого страшного — поголовного истребления нации, катастрофы, от которой страна никогда не оправится.

Предположим ситуацию, когда та или иная страна подверглась такой оккупации. Если речь идет о государстве, в котором живет смелый народ, стремящийся к свободе и независимости, то никому не удастся истребить его как нацию, лишив культуры и национального самосознания».

Патриотизм истинный и ложный

Мне хотелось бы также коснуться патриотизма. И вот почему. Многие приверженцы перевооружения рядятся в тогу «подлинных патриотов», а нас, выступающих за невооруженный нейтралитет, обвиняют в отсутствии патриотических чувств. Таких, как я, беспокоит перспектива: если так пойдет дело и дальше, то наступят аналогичные предвоенным времена, когда всех, кто был несогласен с существующим ходом вещей, будут называть предателями.

Всякого рода концепции, наподобие концепции самостоятельной обороны («оборонять свою страну собственными руками») или концепции «пробуждение духа национальной обороны» («будь мужественным, чтобы суметь защитить страну»), изобретаются и распространяются преимущественно сторонниками пересмотра конституции, делающими акцент на том, что она-де навязана оккупационными властями. Кстати, и в чрезмерном подчеркивании того факта, что Япония выдвинулась на третье место в мире по размеру валового национального продукта, ощущается стремление определенных кругов потрафить национальным чувствам японского народа.

Короче, следует ли испытывать удовлетворение от того, что сейчас вновь стали поднимать на щит национализм и связанный с ним патриотизм — эти излюбленные сторонниками милитаризации и как будто забытые в послевоенной Японии понятия? Следует ли радоваться тому, что эти чувства вновь воскресают в сердцах японцев? Нет! Со своей стороны я никак не хотел бы приветствовать такие тенденции, ибо речь идет об отвратительных узко-националистических проявлениях, о псевдопатриотизме, с которыми после войны мы решительно боролись. А именно такой патриотизм стремятся культивировать консервативные круги — политические деятели, промышленники, правительственные чиновники, — изыскивая для этого новые средства, например, сочетая его с пропагандой концепций «самостоятельной обороны», «пробуждения духа национальной обороны» или

ратуя за передачу храма Ясукуни под опеку государства.

Разумеется, я далек от того, чтобы отвергать национализм или патриотизм вообще. Если определять патриотизм главным образом как чувство любви и привязанности к земле, где ты родился и вырос, к месту, где ты живешь, то я, пожалуй, и сам никому здесь не уступлю. Говорят, выехав за рубеж, становишься патриотом. В этом смысле я тоже не представляю исключения. Чем дольше находишься за границей, тем большую любовь испытываешь к Японии и начинаешь понимать, что лучше ее — страны нет. Проявляются эти чувства по-разному: порой вспоминаешь о вкусе простой японской пищи — нигиридзуси или о-тядзукэ*, иногда с гордостью думаешь о живописных пейзажах Японии, о ее теплом климате, об искренности человеческих отношений, о высоком уровне образования. Что ж, и это называется патриотизмом. Но сейчас я веду речь не об этих вполне естественных чувствах или каких-то сентиментальных привязанностях. Тот «патриотизм», о котором я говорю, вызывает в памяти ненавистную войну и предшествовавшие ей времена.

Другими словами, под патриотизмом можно понимать и нормальные, естественные для каждого гражданина чувства и нечто совершенно искаженное и ошибочное. Поэтому следует проводить четкое различие между

* Нигиридзуси — колобок из вареного риса, обернутый листочком сушеной водоросли; о-тядзукэ — политый чаем рис, иногда с приправой.

истинным патриотизмом и патриотизмом ложным, всячески поднимать подлинный патриотизм и в зародыше уничтожать псевдопатриотизм.

Однако нельзя не согласиться, что на практике проводить различие между патриотизмом в истинном смысле и его противоположностью — дело нелегкое. Мне лично кажется, что подлинный патриотизм вполне естественно рождается в сердце каждого гражданина, он возникает в широких народных массах, в то время как псевдопатриотизм навязывается сверху, вдалбливается, втискивается в сознание.

Как я уже говорил, настоящим патриотизмом можно называть тот душевный подъем, то волнение, которое испытывает человек, когда, находясь в чужих краях, невольно начинает думать о Родине. В большинстве случаев это чистое, сродни любви чувство, которое не несет вреда окружающим людям. Обычно происходит следующее: кончается поездка, ступаешь на родную землю и острое ощущение как-то убывает, улетучивается. Иная картина, когда тебе постоянно внушают, что «Япония — превыше всего!», что она «не должна никому уступать и победа — ее счастливый удел». Дальше — больше... И человек начинает верить, что «в мире нет другой более свободной страны, чем Япония», что «надо благодарить судьбу, раз ты родился в ней, и гордиться этим», что «каждый гражданин в любое время должен быть готов расстаться с жизнью, защищая первую страну мира», и, наконец, что... «с этой целью вполне естественно иметь мощную армию».

Приобретенный нами горький опыт свидетельствует о том, что стоит такому огню вспыхнуть, как он начинает пожирать все вокруг и в обществе утверждается такое состояние умов, согласно которому отсутствием патриотизма и предательством клеймят не только тех, кто активно отвергает подобные взгляды, но и тех, кто просто не желает подпевать общему хору. Тогда-то многие начинают поддаваться этим настроениям, убеждать себя, что разделяют их, во весь голос доказывать свою лояльность и осуждать тех, кто сомневается или верит недостаточно. Подобный «патриотизм» я называю заданным, привитым, навязанным. Именно такой ложный, узкий «патриотизм» нужен власть имущим.

Последствия такого «патриотизма» мы изведали на собственной шкуре. Мы убедились, что даже чистый и простодушный патриотизм способен в какой-то момент приобрести опасный характер. Нет ничего более четко связанного с войной, чем подобный «патриотизм». Своей оголтелой пропагандой о «советской угрозе», постоянным культивированием националистических чувств правительство ЛДП стремится обеспечить путь к наращиванию вооружений и раздуванию военного ажиотажа. Могут ли быть сомнения, что такой путь ведет к войне, а отнюдь не к миру?

В современных условиях нам нужны не насаждение псевдопатриотизма, тесно связанного с возрождением «великой военной державы» и милитаризмом, а мобилизация усилий для борьбы за укрепление конституционного

строя, покоящегося на трех опорах — мире, демократии и уважении основных прав народа. В нормальном обществе нет нужды разглагольствовать о своей преданности патриотизму или кичиться этим. Если в стране народ действительно является носителем суверенитета и ему гарантированы основные права, то патриотизм не может вступать в противоречие с интересами личности. Твердо в этом убежденный, я хотел бы еще и еще раз подчеркнуть, что начинать говорить о патриотизме необходимо с того, что все свои силы бросить на защиту действующей конституции, на претворение в жизнь ее положений.

Повторяю, абсолютной безопасности не существует. Значит, нельзя говорить и о том, что Япония может пользоваться полной безопасностью. Обеспечение безопасности — понятие относительное, которое можно рассматривать лишь в том или ином соотношении. Необходимо прийти к решению, какой из двух способов предпочтительнее: содержать армию и защищать страну с помощью вооруженной силы, либо, не имея вооружений и полагаясь на справедливость и искренность миролюбивых народов, направить усилия на неукоснительное проведение политики мира и нейтралитета, создание условий международной дружбы и сотрудничества, в конечном счете обеспечивая безопасность собственной страны.

Я уже неоднократно говорил, что любая армия — именуемая оборонительными силами или силами вооруженными, — пока есть намерение добиваться безопасности страны

с ее применением, пределов для своего стихийного разрастания не имеет. Чем настойчивей будут распространяться «патриотические» или подобные им настроения и чем упорней будет проводиться военная подготовка населения, тем громче будут голоса тех, кто выступает за создание все более мощной армии, и тем труднее будет остановить тех, кто на место дипломатии хотел бы поставить диктат военной угрозы. О возможности подобного исхода свидетельствует опыт истории.

В своей книге «Политология мира» профессор Т. Исида вполне обоснованно замечает, что препарированное общественное мнение может оказывать обратное воздействие на политическое руководство страной, лишая его свободы маневра.

Но и это еще не все. Нельзя забывать о том, что военная мощь, как бы ее ни называли — «силами самообороны» или «силами сдерживания», — воспринимается противной стороной как угроза. Короче говоря, существует обыкновение называть вооруженные силы той или иной страны «оборонительными», «сдерживающими» и одновременно объявлять военную мощь другой страны силой, создающей угрозу. Поэтому, чтобы освободиться от столь странной логики, мы должны бороться за то, чтобы создать мир, который бы основывался не на военной силе.

Именно на базе таких идей возникла конституция Японии, из них исходят ее дух и буква. Мы и сейчас убеждены, что в те времена был сделан правильный выбор, и по-

прежнему поддерживаем его. Мы горячо стремимся к тому, чтобы стало возможным превращение конституции Японии во всемирную конституцию.

Следовало бы прояснить еще один немаловажный момент, а именно: каким образом в случае прихода к власти СПЯ намеревается осуществлять невооруженный нейтралитет. В связи с этим необходимо в первую очередь уяснить, какое место отводится политике невооруженного нейтралитета.

Если бы всегда, как отмечалось выше, неукоснительно соблюдались дух и буква конституции, то невооруженный нейтралитет уже давно стал бы реальностью. В действительности же до сих пор конституцию постоянно нарушают сменяющие друг друга консервативные правительства: создана вооруженная армия — «силы самообороны», заключен военный союз — японо-американский «договор безопасности».

К сожалению, невооружение и нейтралитет не только не осуществлены, но и остаются неприемлемыми в качестве политики до тех пор, пока сохраняется внутренняя и внешняя ситуация, порожденная вооружениями и союзами. В этом смысле невооруженный нейтралитет, как бы мы ни хотели сказать другое, остается на сей день лишь политической целью. При нынешних обстоятельствах мы стоим перед выбором: либо отказаться от борьбы за перспективу, предопределяемую конституцией, и пойти на компромисс и согласиться с реальным развитием событий, либо приложить максимум усилий для того, чтобы претворить в жизнь дух и букву консти-

туции, ставшие для нас ориентиром. Если же найдутся люди, которые сочтут наши устремления нереальными, а нас — не способными даже дать правильный ориентир, то их естественным долгом будет предложить взамен иные цели, другую ориентацию.

В упоминавшейся книге «Политология мира» Т. Исида считает, что дискуссии по проблеме недостает системы. Если ее не удается направить в должное русло, то виновны в этом не бурный характер затронутых эмоций, а отсутствие методичности у ее участников, не рассматривающих проблему поэтапно. Исида, например, считает, что на первом этапе следует сформулировать конечную цель, которой хотят добиться, на втором — определить промежуточные задачи, которые будут осуществляться в ходе движения к конечной цели, и, наконец, на третьем — приступить к решению актуальных, реально существующих проблем. Вопрос о невооруженном нейтралитете может решаться на первом или на втором этапах. Другое дело, как конкретно обойтись с «договором безопасности». Это проблема главным образом третьего этапа. Чтобы дискуссия приобрела четкость, необходимо, считает Исида, чтобы участвующие в ней стороны высказались по каждому из этапов и каждое обсуждение проблемы проводилось также по этапам. При этом, например, те, кто настаивает на пролонгации «договора безопасности» и наращивании оборонной мощи (третий этап), обязаны внести полную ясность в то, как они определяют промежуточные задачи (второй этап) и какой им представляется конечная

цель (первый этап). Или же: если говорят, что необходимо увеличить обороииую мощь, то пусть н скажут, что оии хотят видеть Японию мощной воеиной державой и дойдет лн в таком случае дело до ядерного вооружеиия Япоиии. Профессор Иснда убежден, что сосредоточение спора вокруг проблем третьего этапа и уход от формулироваиия промежуточиых н коиечных целей могут озиачать одио из двух: либо их созиательиое сокрытие, либо стремление пустить дело на самотек, поскольку эти целн еще не осозиаиы. Остается только выразить полную поддержку подобиому подходу к проблеме.

Если кому-то кажется, что иевооружеииый иейтралнтет ие может служить целью, что он нереален, то пусть, говорит Исида, иам взамеи укажут ииую цель. Еслн прнмиреиически отиоситься к действительному ходу событнй н не обращать вннмаиия на состояиие современного мира, идущего по пути бескоиечной гоики вооружеиий, то сможет ли вообще существовать человечество? Останется ли в живых хоть один человек, еслн с гонкой вооружеиий ие только смириться, но и активно способствовать ей, усердствуя в иаращиваинн собствеииой воеииой мощи? Говорят, что с ядериым оружием следует примириться, поскольку оно служнт средством сдержнвання и прнтом иикогда, ни в коем случае и ии под каким предлогом не будет примеиеио. Я личио этн бредин ие приемлю.

Как-то лорд Бертраи Рассел сказал: «Едииственная оставшаяся у человечества возможность — это мир иа осиове переговоров, иначе это будет мир, осиоваиный иа гнбели

всего живого». Мудрые слова! Не только ради мира, а ради сохранения человечества вообще мы должны, как бы труден этот путь ни был, продолжать борьбу за то, чтобы претворить в жизнь всеобщее и полное разоружение на международном уровне и невооружение — внутри страны. Я убежден, что именно таков наш высший долг — долг тех, кто испытывает ответственность за существование человечества.

Однако у нас нет намерений, придя к власти, пуститься на всякие нелепости — например, отрицать существование «сил самообороны» и «договора безопасности», поскольку они противоречат конституции, отвергать эти «подарки», оставленные на память реакционным режимом.

Непризнание данных институтов, исходящее из их неконституционности, на современном этапе является проблемой умозрительной и нисколько не противоречит признанию самого факта их существования.

Проблема отнюдь не в этом. Сложным представляется вопрос о том, как будет проходить процесс роспуска «сил самообороны» и расторжения «договора безопасности», унаследованных нашим правительством от прежней власти. Еще важнее решить вопрос, как мы намереваемся осуществить цели невооружения и нейтралитета. Открыто признав, что ряд позиций в этом вопросе представляют собой наиболее актуальные из стоящих перед нами проблем, я хотел бы поделиться некоторыми соображениями по поводу того, как конкретно будет протекать этот процесс.

Движение к невооруженному нейтралитету

Что касается «сил самообороны», то их постепенный роспуск необходимо провести с учетом по меньшей мере четырех условий. Первое касается степени стабильности правительства. Иными словами, речь идет о реальном соотношении сил политических противников. Было бы пустым занятием приступать к механическому сокращению «сил самообороны» без учета нашего представительства в парламенте, не принимая во внимание силы, которые могли бы выступить в поддержку нашего правительства вне парламента. По поводу представительства в парламенте речь идет о том, каким — абсолютным или относительным — большинством располагает партия, является ли правительство однопартийным или коалиционным. Говоря о поддержке вне парламента, главное заключается в том, создан ли мощный народный фронт. На основе этих факторов можно будет приступать к сокращению «сил самообороны».

Второе условие — степень нашего влияния на личный состав «сил самообороны». Было бы нереалистичным думать, что стоит СПЯ прийти к власти, и эти войсковые соединения проявят послушание нашей воле. Непозволительно и непросто сокращать обычных государственных служащих, хотя они не только не вооружены, но даже не имеют права на ведение коллективных переговоров и права на забастовку. Здесь же мы будем иметь дело с вооруженным контингентом. Первое, чем предстоит заняться нашему пра-

вительству, — это правильно организованная работа с кадрами, правильно поставленная воспитательная работа среди военнослужащих. Именно с этого придется начинать. Таким путем нам удастся добиться понимания нашей точки зрения и нашей политики, заручиться поддержкой со стороны личного состава «сил самообороны».

В статье «Перевороты и армия», помещенной в еженедельнике «Асахи дзянару» 24 декабря 1961 года, Акира Фудзивара писал: «Можно ли в решающий момент добиться демократического контроля над армией, зависит в первую очередь от политической сознательности ее командиров и солдат». И далее: «Подготовка военнослужащих в войсках сил самообороны ведется таким образом, чтобы воспитать в них покорных исполнителей приказов, людей с низким политическим сознанием. Такой тип воспитания заставляет думать о сходстве со старой армией». Поэтому, считает автор, «только демократизация сил самообороны, повышение политического сознания их личного состава могут придать обороне страны демократический характер».

Нельзя не согласиться с его словами. То, о чем говорил А. Фудзивара, и составляет основные требования, предъявляемые к гражданскому контролю, и необходимо проводить постоянную работу по претворению этих требований в жизнь.

Третье условие связано с тем, насколько успешно наше правительство сможет осуществлять дипломатию мира и нейтралитета. Поскольку до сих пор внешняя политика правительства базировалась на системе во-

енного союза Японии с США и Южной Кореей, то отношения, существующие с соседними государствами, никак не назовешь дружественными. Если мы займемся сокращением «сил самообороны», сохранив, например, прежний уровень взаимоотношений с Корейской Народно-Демократической Республикой, с которой до сих пор у Японии нет дипломатических отношений, то народ вряд ли нас поймет.

В этой связи прежде всего наше правительство должно будет наладить отношения с Советским Союзом, что подразумевает заключение мирного договора, а также восстановить дипломатические отношения с КНДР в форме, которая способствовала бы воссоединению Кореи. Япония должна будет расторгнуть «договор безопасности» с Соединенными Штатами Америки и взамен подписать с ними договор о мире и дружбе. Затем она выступит с декларациями о нейтралитете и невооружении и будет добиваться создания системы обеспечения мира через двусторонние или коллективные договоры с США, Китаем, Советским Союзом, Кореей и другими заинтересованными государствами, которые гарантировали бы Японии нейтралитет и ненападение.

Мы вынашиваем также грандиозные планы по созданию невооруженной зоны, сначала в Азии и бассейне Тихого океана, а затем, расширив ее рамки, создать единую систему неприсоединившихся и нейтральных государств, простирающуюся на все районы, где противостоят Запад и Восток.

Сокращение «сил самообороны» предпола-

гается осуществлять на основе учета эффективности дипломатических мер нового правительства и конкретных результатов по установлению дружественных отношений с другими, в первую очередь с соседними, государствами.

Добившись осуществления первых трех условий, мы добьемся осуществления четвертого — общественная поддержка действий правительства будет завоевана.

И наконец, еще один вопрос — вопрос о создании Корпуса мирного строительства. Подчас мы поддерживали мнение, что, придя к власти, немедленно преобразуем «силы самообороны» в Корпус мирного строительства, действующий на всей территории страны. Однако на самом деле это не так. Назначение корпуса — с помощью высокоразвитой техники и на основе плана преобразования страны — осуществлять проектирование, строительство, освоение целых районов, а также спасательные и восстановительные работы. Предусматривается, что корпус будет создан совершенно независимо от «сил самообороны», что его служащие будут набираться из гражданского населения, личный состав «сил самообороны» по желанию тоже может быть туда переведен.

Существует и еще одна проблема — в какие сроки будет проводиться сокращение личного состава и вооружений «сил самообороны», какое время потребуется для достижения конечной цели — состояния невооружения. На данном этапе ответ на эти вопросы пока не ясен. Поскольку сокращение будет основываться на выполнении указанных

четырех условий, то разработка плана, конкретно указывающего сроки — через сколько лет, до такого-то уровня, когда прекратить их существование — не только противоречила бы нашим заверениям, но и была бы делом абсолютно нереальным.

Важно, невзирая на трудности, не забывать о цели невооружения, твердо борясь за ее достижение.

Я хотел бы также поделиться своим мнением по поводу того, что в перспективе наиболее предпочтительно было бы передать в руки ООН все дело обеспечения безопасности государств. В те замечательные времена, когда ООН (быть может, к тому времени она будет называться по-другому) утвердится как новый международный авторитетный орган, приняв на себя значительную долю суверенитета государств-членов, было бы целесообразным придать такой организации широкие функции по справедливому урегулированию международных конфликтов. Именно такой перспективой была преисполнена подготовка конституции Японии, в которой было провозглашено, что, стремясь к прочному вечному миру во всем мире и полагаясь на здравый смысл человечества, Япония отказывается от вооружений.

В заключение хочу подчеркнуть, что в то время, когда раздаются противоречащие реальностям эпохи призывы к милитаризации, к созданию «великой военной державы», мы должны высоко держать знамя защиты конституции, невооружения и нейтралитета.

В своем призыве я исхожу из сознания того, что наша мощь, сила тех, кто сплотился под этим знаменем, является единственным барьером на пути подготовки к войне.

Если судить абстрактно, то существует несколько факторов, которые тормозят качественное и количественное наращивание вооруженной мощи: это, во-первых, ограничения финансово-экономического порядка, во-вторых, — пределы, предопределяемые современным развитием науки и техники, и наконец, в-третьих, национальные чувства, общественное мнение.

В современной Японии ограничения первого и второго рода практически преодолены. Так, всячески пропагандируется тот факт, что Япония среди стран так называемого «свободного мира» заняла второе место по валовому национальному продукту, что по территории, численности населения и экономическому развитию ее можно сравнить с Англией, Францией, Западной Германией. Разве станет кто-либо после этого сомневаться (чего и добиваются инициаторы такой пропаганды), что Япония должна последовать примеру этих стран в том, что все они тратят на оборону 3—4% ВНП.

Что же касается научно-технического фактора, то вряд ли кто-либо в Японии еще не слышал хвастливых заявлений о том, что в любой момент при желании в Японии может быть создана атомная бомба. А с того времени, как Институт космических исследований Токийского университета осуществил успешный запуск искусственного спутника Земли с космодрома Утиноура, можно не

сомневаться, что Япония добилась успеха в создаиии собствеиных ракет дальнего радиуса действия.

Рассуждая подобиым образом, приходишь к выводу, что не остается никаких ограиичеиий, помимо иациоиальных чувств, общественного мнения. Едииствеиым ииститутом, воплощающим это ограничение, является так иазываемая «система гражданского коитроля». Одиако в такой стране, как Япония, где принципы демократии не укореиились в достаточной степеии, ие приходится рассчитывать иа ее эффективность.

И если до сих пор так или ииаче удавалось в какой-то мере сдерживать рост военных расходов, тормозить иаращиваиие военной мощи, то этим мы обязаиы отнюдь ие существующей в Японии системе «гражданского коитроля», а действительио мощиому движеиию во главе с Социалистической партией, выступающему в защиту конституции. Имеиио эти силы во весь голос заявляли об аитиконституциоиности «сил самообороны», высоко держали зиамя иевооружения и иейтралитета, преграждали путь к милитаризации страны.

Именно поэтому приверженцы перевооружения, сторонники иаращивания обороиной мощи сосредоточивают свои атаки против Социалистической партии, стремясь устраиить и эту преграду. Сейчас, когда Партия демократического социализма, партия Комэйто и даже Коммунистическая партия Японии подчеркивают необходимость вооружеиий при определенных условиях, тем самым предоставив этим людям отличную помощь в осуще-

ствлениин их планов, мы никогда не пойдем на так называемую «рассудительную позицию». Займи мы такую позицию, и качнется земля под ногами многих людей, которые сплотились под знаменем защиты конституции, невооруженного нейтралитета, поднятым Социалистической партией, и сумели воздвигнуть преграду на пути стремительного наращивания вооружений и возрождения милитаризма. Это яснее ясного. С быстротой молнии разрушится крепость общественного мнения — этого единственного и последнего препятствия, с которым сталкиваются милитаристы. Такова главная причина, по которой мы не имеем права отступиться от борьбы за невооруженный нейтралитет.

Клеветнические нападки на политику невооружения и нейтралитета, объявляющие ее нереальной, не прекратятся и в будущем и, по-видимому, будут набирать силу. Но мы ни в коем случае не отступим, мы не уступим лжи и клевете. Преисполненные сознания важности стоящей перед нами задачи, мы будем идти вперед с полной верой в наше знамя.

НЕВООРУЖЕННЫЙ НЕЙТРАЛИТЕТ И ЯПОНО-АМЕРИКАНСКИЙ «ДОГОВОР БЕЗОПАСНОСТИ»

Изменение глобальной стратегии США

Читая раздел «Белой книги по вопросам обороны» (1980), посвященный японо-американскому военному сотрудничеству, невольно отмечаешь, что в нем четко обрисованы изменения, которые в интерпретации японского правительства произошли в отношениях между этими странами в сфере обороны. Резюмировать их можно следующим образом.

Во-первых, в японо-американских отношениях по вопросам обороны обращают на себя внимание изменения, происшедшие за последние десять лет.

Во-вторых, десять лет назад Соединенные Штаты Америки в военной области обладали подавляющим преимуществом; их позиции были прочны как в Японии, так и в районе Дальнего Востока, и, чтобы жить в мире и безопасности, Япония прежде всего полагалась на их военную мощь.

В-третьих, происшедшие в начале 70-х годов изменения на международной арене — относительное сокращение политического влияния США, дальнейшее увеличение экономического потенциала Японии, рост могущества СССР — существенно повлияли на отношение Японии и США к проблемам обороны.

В-четвертых, рост могущества Советского Союза имел место и в конце 70-х годов, вызвав ощущение страха в странах Запада. В результате западные страны стали требовать от Японии, чтобы и она пропорционально своей национальной мощи разделила международную ответственность по вопросам обороны. При этом рассуждения строились по следующей схеме: несмотря на собственные экономические трудности, мы (страны Запада. — *Перев.*) тем не менее несем экономическое бремя расходов на оборону. Япония, являющаяся второй державой капиталистического мира по экономическому развитию, пользуется благами мира и безопасности, достигнутыми благодаря оборонительным усилиям остальных стран Запада, не затратив ни гроша, и теперь приобрела высокую конкурентоспособность на мировом рынке.

В-пятых, на внутреннее положение Японии большое влияние оказала сдача Сайгона (1975 год), которая совпала с известной напряженностью на Корейском полуострове. В японском народе эти события вызвали определенную тревогу, начали высказываться опасения: не намереваются ли американские войска покинуть Азию в ближайшем будущем, не произойдет ли относительного сокращения американского военного присутствия и т. п.

В-шестых, современная обстановка вновь подтверждает важную роль японо-американского «договора безопасности» для обороны Японии и как одного из существенных факторов международной политики на Дальнем

Востоке, как договора, вносящего значительный вклад в дело поддержания мира и стабильности в этом регионе.

Таково в общих чертах содержание раздела о японо-американском военном сотрудничестве в «Белой книге по вопросам обороны». В разделе ставится несколько вопросов, требующих к себе исключительно серьезного отношения. Первый из них заключается в следующем: можно ли рассчитывать на помощь американской армии на случай «чрезвычайных обстоятельств» в условиях, когда военной мощи США нанесен урон и они постепенно сокращают свое присутствие в Азии. Второй связан с изменением значения японо-американского договора. Из «Белой книги» следует, что японо-американский «договор безопасности» более не ограничивается задачей обороны Японии, и ныне он связывает Японию и США как членов «свободного мира», выполняющих эту задачу совместно. Таким образом, свойственная всякому военному союзу взаимность обязательств в «договоре безопасности» выдвигается на первый план.

В связи с этим, по-видимому, необходимо в первую очередь иметь в виду тот международный фон, который способствовал возникновению подобной ситуации и породил известные сомнения. Речь идет прежде всего об изменении глобальной стратегии США, что в известной мере предопределило сложившуюся ситуацию.

Длительное время в основе мировой стратегии США лежала так называемая стратегия «двух с половиной войн». Это значило,

что США должны обладать обычными вооруженными силами, способными одновременно вести две крупномасштабные и одну небольшую войны. Стоит ли уточнять, что в этой формуле слово «два» представляет соответственно зону НАТО и Азию, а «половина» — район Ближнего Востока. Однако после поражения во Вьетнаме, вынудившего США провозгласить на Гуаме «доктрину Никсона», стратегия «двух с половиной войн» уступила место стратегии «одной с половиной войны». Побудительным стимулом к изменению стратегии явилось (согласно «Белой книге») относительное падение престижа США, а также развитие пацифистских настроений в самих Соединенных Штатах под воздействием войны во Вьетнаме.

Итак, отход от стратегии «двух с половиной войн» к стратегии «одной с половиной войны» — где слово «один» означает Европу, а «половина» — Ближний Восток — исключает, естественно, Азию. Отныне азиатским союзникам предлагается прибегать к «самопомощи», то есть оборонять свою страну собственными вооруженными силами. Вряд ли необходимо подчеркивать, что президент США Картер этот стратегический курс после президента Форда унаследовал от администрации Никсона. За прошедшее с тех пор время США полностью вывели свои войска из Вьетнама (точнее было бы сказать, что их оттуда выгнали). Они также вывели свои войска из Таиланда. Затем последовало восстановление дипломатических отношений с Китаем и эвакуация войск с Тайваня.

Президент Картер в ходе борьбы за президентское кресло дал торжественное обещание «в течение пяти лет вывести все американские сухопутные войска из Южной Кореи». Выполнение обещания ему пришлось заморозить из-за возражений со стороны правительств Японии и Южной Кореи.

Но и этим дело не ограничивается. После того как контингенты советских войск были введены в Афганистан, основные силы 7-го флота США, включая два авианосца, были направлены в Индийский океан (в Персидский залив), и в западной части Тихого океана, таким образом, образовался определенный вакуум.

Ознакомившись с этими данными, можно с полным основанием сказать, что, предъявляя свои бесконечные требования Японии, Соединенные Штаты имеют в виду именно эту, созданную ими же ситуацию. То есть нельзя сказать, что США придерживаются позиции «после нас хоть потоп». Отнюдь нет, более того, они настойчиво требуют, чтобы Япония компенсировала ту долю военных усилий, от которых освобождаются США.

И поэтому, если в «Белой книге» говорится о том, что «договор безопасности» вышел за рамки обороны Японии и вносит «значительный вклад в дело поддержания мира и безопасности на Дальнем Востоке», то это значит не что иное, как обязательство Японии выполнить предъявляемые Соединенными Штатами требования.

Военный союз и совместная ответственность

Первый вопрос и... первое сомнение: может ли Япония реально рассчитывать на американскую помощь в случае вооруженного конфликта?

Поиски ответа заставляют прежде всего обратиться к оценке политического влияния и военной мощи США. Исходя из действительного развития событий, следует констатировать рост мощи Советского Союза и относительное падение политического влияния США, особенно заметное в районе Дальнего Востока. Сомневаюсь, чтобы кому-то пришло в голову спорить о том, кому принадлежит превосходство в военном отношении на Дальнем Востоке.

Выступая с пояснениями в комиссии палаты представителей по вооруженным силам, начальник штаба американских ВМС Холлоуэй признал, что «в Японском море для военно-морских сил США исключена возможность каких-либо военных операций без дозволения со стороны Советского Союза». Со своей стороны Канэмару, тогда начальник УНО, заявил в газете «Майнити» (29.VI. 1978), что «Японское море сейчас можно называть «Советским морем».

Итак, Соединенные Штаты не только перешли к стратегии «полутора войн», обязав азиатские страны опираться на собственные силы, но и оказались существенно потесненными в районе Дальнего Востока. Станет ли такая страна спасать Японию в решающий момент?

Не хотелось бы, чтобы поверили тому, кто

назовет такой вопрос праздным. Меня бы это не убедило. И вот почему — история может снабдить нас убедительнейшими свидетельствами. Вторая мировая война, как вы помните, началась в сентябре 1939 года, а официальное объявление войны Соединенными Штатами, их вступление в войну против Германии и Италии произошло лишь в декабре 1941 года, уже после того, как союзница Германии и Италии Япония внезапно напала на американскую базу в Пёрл-Харборе*. Вполне допустимо, что, не будь прямого нападения Японии на США, последние так и не вступили бы в войну. А ведь тогда речь шла о ее ближайших союзниках, таких, как Англия и Франция, которых США клялись защищать.

Могут, конечно, сказать, что в Корее и Индокитае Соединенные Штаты все же стремились выполнять свои договорные обязательства, но разве это не было связано с тем, что их противниками были малые государства, сила сопротивления которых была явно недооценена? Кроме того, не следует забывать — и это самое главное, — что в этих войнах США не только не победили, но, напротив, потерпели поражение. Был подорван престиж Соединенных Штатов, их заставили задуматься о последствиях подобных вмешательств и допустимости повторения ошибок.

* 7 декабря 1941 года нападением на Пёрл-Харбор Япония развязала войну против США. 8 декабря США, Великобритания и другие страны объявили войну Японии. 11 декабря 1941 года Германия и Италия объявили войну США.

Если и после этого найдутся люди, которые станут уверять, что США придут нам на помощь, то я могу подкинуть им иовую информацию для размышления. Речь ндет о том, сколько дней сможет продержаться Япония в одиночку и возможио ли такое сопротивленне вообще. Если подумать, какое расстояние отделяет Америку от Японнн — десять с лншним тысяч километров, — то каждому стаиет ясно, что вопрос об американской помощи — это ие вопрос 10—20 дней.

Личио я не верю, что США действнтельно прндут на помощь, если будут знать, что это грозит им опустошеннем собствеииой террнтории. Наконец — н это понятио и без лншних слов, — что стаиется с нашей страной, если США все-таки примутся спасать Японию и превратят ее в поле боя?.. Огромные людские жертвы, развалииы, голод, безысходность. Есть ли вообще в таком случае смысл воевать?!

Нетрудио представить н единственный, действительно реальный вариант, когда Японня будет вовлечеиа в войну, которую начиут Соединеиные Штаты, зная заранее, каких жертв она потребует от ннх самих. В «Белой книге» косвенно прнзнается и такая возможность.

Сменявшие друг друга консерватнвные правительства в стремленни оправдать существование «сил самообороны» в течение многих лет уверялн общественность, что последние представляют собой вооружеиную снлу, минимально необходимую для того, чтобы отразить внезапное вероломное нападенне, что это — воннские подразделеиия, предназ-

наченные исключительно для обороны и, следовательно, они не подпадают под категорию «средств войны», запрещенных конституцией. Теперь же «Белая книга по вопросам обороны» во всеуслышание заявляет, что «договор безопасности» более не ограничивается задачей обороны Японии и «вносит значительный вклад в дело поддержания мира и безопасности на Дальнем Востоке». Это означает, что Япония существенно вторглась в пределы «права на коллективную оборону», хотя все ее правительства до сих пор заявляли, что конституция не признает такого права. Тем самым в конце концов стала очевидной изначальная сущность «договора безопасности» как двустороннего военного союза, предусматривающего взаимные обязательства его участников.

Это место в «Белой книге», которая является официальным правительственным документом, правильней истолковать как косвенное признание того, что поддержку США в случае вооруженного конфликта нельзя обеспечить иначе, как придав «договору безопасности» действительно двусторонний характер. Япония не только должна заявить, что выполнит свой союзнический долг, но и реально претворить это обещание в жизнь.

Мне давно было ясно, и я об этом неоднократно говорил, что конкретно вопрос об изменении конституции встанет в повестку дня в тот момент, когда США захотят установления более обязывающих, чем до сих пор, отношений военного союза. Складывается впечатление, что этот момент наступил.

Разумеется, настоящий двусторонний воен-

ный союз может быть заключен лишь после того, как конституция будет пересмотрена. Но и здесь действительное развитие событий опережает существующее законодательство. Примером тому служит подписанный в ноябре 1978 года документ «Руководящие принципы японо-американского сотрудничества в вопросах обороны». С его появлением все чаще стали совместно проводиться японо-американские и американо-южнокорейские военные учения, а Япония приняла участие в маневрах «Римпак».

Не приходится говорить и о том, что конкретным проявлением «права на коллективную оборону» является посылка войск за пределы страны. Приобщение к маневрам «Римпак» служит, в частности, для того, чтобы такую посылку войск поставить в разряд «свершившихся фактов». Ясно также, что изучаемая министерством иностранных дел идея отправки частей «сил самообороны» за границу (в составе войск ООН по поддержанию мира) является шагом в том же направлении. В коммюнике, обобщающем итоги начальной стадии обсуждения этого вопроса в комиссии МИД по планированию политики в области обеспечения безопасности, указывается: «Не ограничиваясь сотрудничеством в финансовой области, которое имело место до сих пор, наша страна должна позитивно решить и вопрос об участии ее контингентов в деятельности ООН по поддержанию мира. Мы полагаем, что направление японских военнослужащих для участия в соответствующих действиях ООН явилось бы наилучшим выражением стрем-

ления и решимости нашего народа сохранять свое реноме мирного государства».

В связи с этим следует напомнить уже упоминавшийся пассаж из «Белой книги по вопросам обороны» за 1980 год о том, что «вновь подтверждается важная роль японо-американского договора безопасности для обороны Японии и, как одного из существенных факторов международной политики на Дальнем Востоке, как договора, вносящего значительный вклад в дело поддержания мира и стабильности в этом регионе». Такая формулировка, по сути дела, одобряет не один, а целый ряд «свершившихся фактов». По существу, это предназначенная для общественного мнения страны и всего мира декларация намерений — намерений создать новую систему военного союза.

О целях, преследуемых правительствами Японии и США

Итак, правительство Японии уже давно и согласилось с требованиями США и приступило к их исполнению. Нетрудно понять, что при этом оно руководствовалось и рядом собственных соображений. Позитивное отношение Японии к требованиям США неправильно было бы расценить как исключительно ответную реакцию, как неправильно было бы и отрицать, что свою роль при этом сыграла уже упомянутая идея самостоятельной обороны: нельзя, мол, бесконечно полагаться на американскую помощь, ибо в решающий момент Японию может постигнуть разочарование; в конце концов собственную стра-

ну следует защищать собственными силами. Совершенно очевидно, что существуют мотивы более активного плана и соображения амбициозного характера, а именно — занять место США, теснимых из Азии, вновь установить на Азиатском континенте японское господство. Концепция «самостоятельной обороны», нарастание гегемонистских устремлений и готовность удовлетворить американские требования — вещи совершенно неидентичные, поэтому, говоря о целях, преследуемых японским правительством в развитии японо-американского военного сотрудничества, следует видеть обе стороны вопроса, и было бы ошибкой подчеркивать лишь одну из них.

Эти проблемы освещены в интересной статье профессора Т. Камакуры «Хаос в капиталистической экономике и расширение военного производства», опубликованной в журнале «Гэккан сякайто» (№ 8, 1980 год), с сутью которой я хотел бы познакомить читателя.

Профессор Камакура отмечает, что развернутая властями Вашингтона шумная кампания вокруг «советской угрозы», сопровождающая разработку стратегии по созданию единого фронта против СССР, преследует следующие цели: а) нагнетая напряженность на международной арене, отвлечь народные массы от тревог и волнений, вызванных застоем в экономике; б) увеличивая военные расходы и расширяя военное производство, способствовать оживлению экономики. Требуя от стран НАТО и Японии наращивания военных расходов, США рассчитывают, с

одной стороны, спровоцировать расширение экспорта американского оружия и, с другой — компенсировать импорт из стран Общего рынка и Японии увеличением их военных расходов.

«Со своей стороны, — пишет Камакура, — японское правительство идет на удовлетворение американских требований о военных расходах, стремясь избавиться от нареканий по вопросу об обеспечении своей безопасности за чужой счет и одновременно сохранить уровень экспорта стали, автомобилей и другой промышленной продукции в США. Кроме того, увеличения военных расходов и расширения производства оружия добиваются монополии, действующие в военной и тяжелой промышленности Японии. Из откровенного заявления президента Японской торгово-промышленной палаты Нагано следует, что существуют и другие мотивы. Производство оружия и боевой техники, например, стимулирует разработку и внедрение новой техники и технологии, а экспорт оружия содействует обеспечению поставок нефти. Наконец, такие меры, как участие Японии в совместных маневрах «Римпак», расширение зоны ее обороны, пересмотр двух законодательных актов по обороне с целью подвести юридическую базу для посылки японских войск за границу — все это призвано гарантировать «экономическую безопасность» Японии и способствовать созданию сферы влияния японского империализма путем формирования так называемой Тихоокеанской экономической зоны». В заключение профессор Камакура пишет: «Необходимо уяснить сле-

дующее: разговоры о необходимости укреплять оборонную мощь для противодействия агрессии извне, то есть агрессии со стороны Советского Союза, призывы разработать систему чрезвычайных мер на случай вооруженного конфликта в действительности преследуют цель превращения сил самообороны в настоящую империалистическую армию. Следует также учитывать, что наращивание военной мощи имеет глубокую экономическую подоплеку — упор делается на формирование «комплексной системы безопасности», основанной на безопасности экономической».

Анализ профессора Камакуры заслуживает, мне думается, самого пристального внимания.

Из сказанного очевидно, что как японское, так и американское правительства, в первую очередь преследуя собственные интересы, постепенно расширяют свое военное сотрудничество, отвечающее их общим целям.

В связи с этим я хотел бы упомянуть о послании президента Картера «О положении страны», произнесенном им в начале 1980 года на совместном заседании палат конгресса США. Я думаю, оно проливает свет на будущее японо-американских отношений. Послание это, впоследствии названное «доктриной Картера», имеет важное значение в том смысле, что в нем в общих чертах сформулированы основные положения будущей внутренней и внешней политики США.

В адрес Советского Союза Картер в этом послании заявил следующее: «Любая попытка внешних сил установить господство над

побережьем Персидского залива будет рассматриваться как посягательство на жизненные интересы США. Подобным попыткам мы дадим отпор всеми необходимыми средствами, включая применение военной силы». В этих словах нашли выход нервозность и растерянность Картера в связи с утратой превосходства над Советским Союзом, логически последовавшей за тем огромным уроном, который был нанесен США во время войны во Вьетнаме. Одним словом, оказавшись перед лицом событий в Иране и Афганистане и вызванного ими подъема национализма, Картер выступил за возвращение Соединенным Штатам их лидирующего положения в мире. Об этом намерении красноречивее всего говорит следующая фраза из послания: «Я полон решимости добиваться, чтобы Соединенные Штаты по-прежнему оставались самой сильной страной мира».

Однако, говоря откровенно, на нынешнем этапе способность США «дать отпор всеми необходимыми средствами, включая применение военной силы», вызывает сомнения. Достаточно вспомнить «доктрину Никсона» с ее девизом «Пусть Азией занимаются азиаты!», которая знаменовала переход от стратегии «двух с половиной войн» к стратегии «одной с половиной войны» и, по сути дела, означала признание Соединенными Штатами утраты своего превосходства над Советским Союзом.

Короче говоря, Картер призвал без промедлений восстановить превосходство над Советским Союзом. Первым конкретным мероприятием в этом направлении явилась раз-

работка пятилетней программы наращивания вооружений, вслед за которой последовали призывы к союзникам об увеличении их собственной военной мощи, и всевозможные шаги по упрочению системы военных союзов.

Военные расходы США в 1981 финансовом году превысили 157 миллиардов долларов, что на 20 миллиардов долларов больше, чем в предыдущем году, и тем не менее Картер заявил, что в последующие годы «реальные» военные расходы будут ежегодно возрастать на 4,5%. Помимо новой пятилетней программы наращивания вооружений, президент Картер заявил о намерении возродить частичную воинскую повинность, укрепить Центральное разведывательное управление (ЦРУ), заполучить для военно-морских и военно-воздушных сил США базы в Северной Африке и на побережье Персидского залива, создать «силы быстрого развертывания». Нельзя не поставить вопрос — выдержит ли столь мощный рост военных расходов экономика США, постоянно страдающая от инфляции, процент роста которой уже теперь выражен двузначной цифрой?

Что не вызывает сомнений, так это то, что для достижения превосходства над Советским Союзом Соединенные Штаты будут настойчиво требовать от своих союзников наращивания военных потенциалов, а также всячески укреплять военные союзы. Из множества планов и проектов, разрабатываемых администрацией США, приведем те из них, которые в последнее время отражены как в официальных, так и в менее официальных документах. Вот их перечень:

1. Наращивание военной мощи Соединенными Штатами Америки и их союзниками.
2. Укрепление союзнических отношений в Организации Североатлантического договора (НАТО) и с другими союзниками США.
3. Развитие связей с Китаем и другие меры по укреплению положения в Азии и западной части Тихого океана.

Из послания Картера «О положении страны»

4. Разработка «плана совместной обороны» США, стран Западной Европы и Японии.
5. Усиление гибкости и оперативности операций по переброске американских войск, размещенных в Азии, в том числе частей морской пехоты, расположенных на острове Окинава. Обеспечение возможности переброски американских войск в случае «чрезвычайных обстоятельств» из прилегающего к Японии района в «горячие точки».
6. Развитие и углубление союзнических отношений Соединенных Штатов с Японией, Филиппинами, Австралией, Новой Зеландией и Южной Кореей как следствие увеличения оборонительного бремени США в Западной Атлантике и Индийском океане.
7. Поддержание способности США и их союзников остановить советский военно-морской флот в Атлантическом океане севернее линии, проходящей через Гренландию, Исландию и Англию, а также — в Тихом океане, блокировав его в Охотском и Японском морях.

Из доклада об обороне страны

8. Наиболее полная унификация оснащения «сил самообороны» и армий США и стран Западной Европы.

Из выступления министра обороны США Гарольда Брауна

9. Строительство Японией двух авианосцев и передача их в аренду Соединенным Штатам.

Предложение бывшего заместителя государственного секретаря США Джорджа Болла

10. Участие Японии в создании патрульного флота на Тихом океане по обеспечению безопасности морских коммуникаций.

Предложение, выдвинутое в палате представителей США

Здесь перечислен ряд требований, которые США предъявляют своим союзникам, в первую очередь касающиеся Японии. Стоит ли уточнять, что среди них есть и такие, которые уже претворяются в жизнь. Например, в настоящее время под видом модернизации «сил самообороны» осуществляются меры по унификации их вооружений с американскими. Наиболее показательным в этом отношении служит принятие на вооружение военных самолетов F-15, P-3C, E-2C, которые при каждом удобном случае навязывают представители США.

Сейчас дело идет к тому, чтобы начать совместную разработку новых видов оружия. То есть США от стандартизации вооружений намерены перейти к совместному произ-

водству... Например, по созданию крылатых ракет. В свою очередь Кэйданрэи* выразила готовность положительно откликнуться на эти предложения. Японскую военную промышленность прельщает перспектива использовать производство оружия для разработки и внедрения новой технологии; особый интерес вызывают новейшие достижения американской техники. В деловых кругах усиленно доказывают, что военная технология может быть использована и для выпуска гражданской продукции. Несомненно и то, что японские военно-промышленные корпорации особенно привлекает возможность использовать государственные средства для разработки новой техники, что обычно сопряжено с финансовым риском. По всем прогнозам, торговая война между Японией и США будет приобретать все более ожесточенный характер, поэтому идея совместных усилий в разработке оружия и боевой техники приобретает особое значение в глазах японских предпринимателей.

Что касается нашего отношения к проблеме, то глубокий интерес к ней связан прежде всего с тем, что всевозможные меры по внедрению новых моделей боевой техники и образцов военного снаряжения, а также их совместная с Соединенными Штатами разработка самым непосредственным образом связаны с резким увеличением ежегодных военных бюджетов.

---

* Кэйданрэи — Федерация экономических организаций Японии, ведущая организация монополистического капитала страны.

Планы совместных операций и окружение Советского Союза

Еще один план, о котором я упоминал, — это согласованные в ноябре 1978 года подкомиссией по сотрудничеству между США и Японией «Руководящие принципы японо-американского сотрудничества в области обороны». После разработки «Принципов» отношения военного сотрудничества между двумя странами приняли еще более тесный характер.

В «Принципах» были зафиксированы не только такие положения, как «разработка планов совместных операций по обороне Японии, рассматриваемых как совместные ответные выступления», а также пункт о «сотрудничестве между Японией и США в случае, если обстановка в каком-либо из районов Дальнего Востока, кроме самой Японии, будет серьезно сказываться на ее безопасности». Этот пункт отразил следующую договоренность сторон: «Правительства двух стран договорились по мере необходимости проводить консультации в связи с изменением обстановки. Оба правительства договорились также заблаговременно изучить вопрос о том, какие возможности должна предоставлять Япония вооруженным силам США по договору безопасности и по другим, связанным с ним соглашениям, с учетом соответствующего японского законодательства». Заранее согласованные планы совместных японо-американских операций были разработаны самым детальным образом. В них включены, например, такие вопросы, как предполагае-

мое число торпед, необходимых Японии и США, как точнейшие указания о средствах доставки, маршрутах и местах сосредоточения таких торпед и т. п. Как писала «Асахи» 5 июня 1981 года, все передвижения японо-американских вооруженных сил и военной техники представлены в виде сценария «с привязкой к карте и точному времени».

В «Принципах» постоянно подчеркивается, что предполагаемые действия будут основываться на конституции и японском законодательстве. Углубленное изучение документа проясняет, почему было необходимо постоянно повторять об этом. Дело в том, что и достигнутые договоренности, и намеченные по их осуществлению меры — все выходит за рамки, установленные конституцией и действующим законодательством. Оперативные действия японских «сил самообороны», которые рисует воображение авторов документа, — это не что иное, как совместные с вооруженными силами США операции, распространяемые не только на Японию, но и далеко за пределы дальневосточного региона.

За минувшее после разработки «Принципов» время совместные военные учения проводятся с еще большей, чем прежде, энергией. Вряд ли теперь можно избежать того, что такие учения будут объединены в конечном итоге с американо-южнокорейскими учениями. Наконец, как, видимо, и рассчитывают те, кто этим занимается, дело кончится утверждением военного блока трех стран — Японии, США и Южной Кореи. Более того,

участие Японии в учениях «Римпак» глубоко символично, оно свидетельствует о том, что уже существует связь между японо-американским «договором безопасности», договором АНЗЮС (об обеспечении безопасности между США, Австралией и Новой Зеландией) и договором НАТО.

Истинный смысл действий США состоит в том, что они замышляют создать «азиатский вариант» НАТО, а затем оба блока связать воедино. Это значит, что пламя войны, вспыхнувшее в любом районе земного шара, для нас уже не будет «пожаром на другом берегу реки», он «охватит соседний дом». Именно это недвусмысленно следует из того, что говорил министр обороны США Г. Браун в подготовленном им докладе по вопросам обороны. Газета «Асахи» за 30 января 1980 года обратила внимание на следующие моменты из его доклада: «Во-первых, интересы обороны требуют расширения сотрудничества США и Японии в ряде других областей. Приняв на вооружение противолодочный самолет P-3C, истребитель F-15 и систему раннего оповещения E-2C, Япония добилась существенной модернизации сил самообороны. Во-вторых, необходимо проводить военные консультации. На регулярных двусторонних встречах американская сторона призывала японских руководителей расширять такие планы и осознать необходимость совместных планомерных усилий США, Западной Европы и Японии, чтобы противостоять наращиванию военной мощи Советского Союза».

Мнение о том, что поскольку больше нет возможности обеспечивать превосходство

над Советским Союзом силами одних США, то превосходства над ним надо добиваться объединенными усилиями стран Запада, по-своему понятно. Нас, однако, оно не устраивает — именно Япония подвергается всевозрастающей опасности.

Между тем действительность все дальше и больше развивается в этом угрожающем направлении. Создание военного блока Японии, США и Южной Кореи — крайнее проявление этой тенденции, но нельзя сбрасывать со счетов такой фактор, как тройственное согласие между Японией, США и Китаем. В послании президента Картера оно укладывается в формулировку об «укреплении стабильности в Азии и западной части бассейна Тихого океана, в частности путем установления более тесных связей с Китаем». Если же сказать об этом обычными понятиями, то речь идет, разумеется, о том, чтобы использовать китайско-советские противоречия и, перетянув Китай на свою сторону и укрепив связи Японии и США с Китаем, противостоять Советскому Союзу. За это последовательно и совершенно откровенно ратовал тогдашний помощник президента США Збигнев Бжезинский. Теперь же всем известно, что Китай в свою очередь воспринял аналогичную с американской стратегию.

В русле этой стратегии Дэн Сяопин, в то время заместитель премьера Госсовета КНР, приехав в Японию, перед лицом всего японского народа положительно оценил существование «сил самообороны» и «договора безопасности». Нам, в СПЯ, и раньше было известно, что Китай критически относится

к провозглашаемой Социалистической партией политике невооруженного нейтралитета. Обращаясь к событиям более отдаленного прошлого, могу добавить, что во время визита в КНР делегации СПЯ я, как заместитель главы делегации, имел дискуссию по этому вопросу с премьером Госсовета КНР Чжоу Эньлаем.

Одним из последних и весьма характерным проявлением этой китайской стратегии являются высказывания заместителя начальника генштаба КНР У Сюцюаня, сделанные им в беседе с группой японских военных обозревателей во время их поездки в КНР в апреле 1978 года. Вкратце они сводятся к следующему. Во-первых, считает У Сюцюань, для «сил самообороны» характерны две функции — функция подавления народа и функция защиты независимости страны. Из этих двух важное значение следует придавать второй и не следует воспринимать «силы самообороны» враждебно. Китай считает, что «силы самообороны» должны укрепляться и превратиться затем в армию, защищающую независимость Японии. Если «силы самообороны» станут принимать милитаристский характер, то с этим следует бороться, однако до сих пор этого, на его взгляд, не происходит. Во-вторых, в настоящих условиях существующий между Японией и США «договор безопасности» необходим. Если сейчас от него отказаться, то, по мнению У Сюцюаня, возрастет советская угроза как для Японии, так и для Китая, что неблагоприятно скажется на судьбах всего Дальнего Востока. Этот вопрос, подчеркивает У Сюцюань, сле-

дует рассматривать в системе международных взаимоотношений в целом.

Совершенно очевидно, что это теоретизирование — следствие общего стратегического курса, нацеленного на Советский Союз.

В свое время, выступая в бюджетной комиссии парламента, я говорил о том, что правительство Японии старается «представить заключение японо-китайского договора о мире и дружбе как проявление какой-то независимости во внешней политике Японии. Однако, по существу, он не более чем продолжение американской стратегии». Премьер-министр Фукуда потребовал тогда, чтобы я взял свои слова обратно, но я отказался, указав на то, что располагаю соответствующими фактами. Я сказал: «Вы возобновили переговоры лишь после того, как, побывав в Вашингтоне, получили благословение президента Картера. По возвращении в Японию министр иностранных дел широко рекламировал результаты визита, подчеркивая, что США одобрили ваше намерение и предлагают действовать без стеснений. Это факт, и факт неоспоримый».

О чем помышляют высшие военные чины

Книгу под названием «Если силы самообороны начнут воевать», вышедшую в июне 1976 года в издательстве «Ориэнто сёбо», я уже упоминал в предыдущем разделе. По форме это беседа, в которой принимают участие трое военных: бывший начальник штаба сухопутных сил Рюхэй Накамура (в отставке с 1976 года), бывший начальник

штаба ВМС Кадзуоми Утнда (в отставке с 1974 года) и бывший иачальник ВВС Цураюки Исикава (в отставке с 1975 года). Хотелось бы привести из нее иекоторые выдержки, имеющие прямое отношеиие к теме моей кииги, так как, ведя откровениую беседу, бывшие военные чииы ие скрывали своих истиииых помыслов.

К. Утида: Япоиин также следует думать о самостоятельиой глобальной стратегии... Я считаю, что Китай необходимо срочио закрепить в нашем лагере... Если у Советского Союза будут проблемы иа советско-китайской граиице, то до Дальнего Востока у иего ие дойдут руки. Мне кажется, что, исходя из стратегическнх целей, привлеченне Кнтая на иашу сторону является одиим из элемеитов большой стратегнн Японин.

Р. Накамура: Сближенне между США н Китаем, переговоры между США и СССР, китайско-советские протнворечня — все это очень сложио, но иельзя не согласиться с тем, что в иынешней междуиародиой обстаиовке сохраияется равиовесие сил, благоприятное для обеспечеиия безопасиости Япоиии.

К. Утида: По вопросу о господстве в воздухе некоторое беспокойство вызывает то обстоятельство, что всей мощн 7-го флота США, если ои придет иа помощь Японин, будет иедостаточно, чтобы ударить по советским базам. В итоге есть осиоваиня для опасений, что господства в воздухе будет добиться трудно. Исходя нз этого, следует не ограиичиваться рамками Дальнего Востока и придать будущему столкиовению глобальиый характер, чтобы Советский Союз, предпри-

няв военные действия на Дальнем Востоке, столкнулся с проблемами в мировом масштабе, чтобы у него начала трещать по швам вся система. В противном случае мы оказались бы в серьезной опасности.

Вы только послушайте, что они говорят! Речь идет даже не о том, что противоречия между великими державами — дело хорошее, а о том, что в случае чего в хаос надо ввергнуть весь мир. При таком подходе где уж там соблюдать дух и букву конституции! К подобным убеждениям неизменно приходят те, кто намеренно полагается на силу оружия.

Если поверить в то, что противником станет Советский Союз, то, возможно, было бы естественно стремиться привлечь Китай на свою сторону и противостоять Советскому Союзу, объединив три крупные державы — Японию, США и Китай. До сих пор я воздерживался от того, чтобы нынешние деликатные отношения между Японией и Китаем, с одной стороны, и США и Китаем — с другой, называть в числе причины, побудивших правительство и правящую партию во весь голос трубить о необходимости усиления обороны. Однако из цитированных выше высказываний военных чинов нельзя не заключить, что этот фактор оказывает все более определенное влияние. Особенно грустно видеть, что даже среди тех, кто всегда осуждал японо-американский договор как военный союз, распространяется мнение, что с военным блоком придется примириться, как только в него примут Китай. Я призываю этих людей еще раз обратиться к ключевым положениям

конституции Японии и очень хочу, чтобы они не отворачивались от суровой действительности.

Из конкретных предложений, выдвинутых в последнее время американской стороной и имеющих чрезвычайно опасный характер, я хотел бы назвать пресловутый план «блокирования трех проливов». Он связан со стремлением США заставить Японию расширить противолодочные операции. План «блокирования проливов» рассматривается как одно из звеньев этих проектов. Его выдвинуло бюджетное управление конгресса США. В документе, называемом «Доклад о ВМС общего назначения», говорится о том, что очень важно укрепить военно-морские силы Японии и других союзников. В частности, подчеркивается, что Япония должна:

— блокировать три пролива — Лаперуза, Сангарский и Цусимский;

— усилить военно-морские и военно-воздушные силы;

— взять на себя частично осуществленис задачи по конвоированию караванов судов.

Иными словами, речь идет о том, чтобы путем блокирования трех проливов Тихоокеанский флот СССР, базирующийся во Владивостоке, запереть в Японском море.

Таким образом, в случае реального столкновения между США и Советским Союзом Япония окажется перед необходимостью сделать дорогостоящий выбор:

— принять требование Советского Союза о свободном проходе через проливы; либо:

— уступить требованию США и воспрепятствовать проходу советского флота.

Хуже всего — что и вызывает опасения,— имеет ли вообще какой-либо выбор Япония, связанная обязательствами по военному союзу, каковым является «договор безопасности»?! В том случае, если Япония отклонит требование американцев, США закроют проливы собственными силами, а в конечном счете это привело бы к аналогичным результатам. Для Советского Союза вопрос быть или не быть блокированным — это вопрос жизни или смерти, и он, вероятнее всего, употребит все средства, для того чтобы обеспечить себе свободный проход через проливы.

Так или иначе шумиха вокруг «советской угрозы» и конкретное продвижение по пути наращивания военной мощи начались в Японии с проблем «северных территорий» и «безопасного промысла», а затем уж «поводы» появились в некотором избытке: тут и «укрепление военных баз», и «проведение учений» на некоторых дальневосточных островах, тут и передвижения авианесущего корабля «Минск», и размещение на Дальнем Востоке стратегических бомбардировщиков типа «Бэкфайер», ядерных ракет СС-20 и т. п. Проблема Афганистана послужила инициаторам этой кампании лишь дополнительным поводом.

Как известно, некоторые корабли 7-го флота и части морской пехоты США были переброшены в район Персидского залива и Индийский океан, и западная часть Тихого океана оказалась оголенной. Соединенным Штатам требуется наращивание военной мощи Японии, в частности, и для того, чтобы восполнить этот пробел. Более того, вновь заго-

ворили о «Бэкфайерах» и СС-20, а начальник УНО Хосода сделал следующее весьма серьезное заявление: «Потенциальная угроза со стороны Советского Союза включает ядерную угрозу. Необходимы консультации между Японией и США с целью противостояния этой угрозе». Понятно, что в данном контексте консультации не могут принести ничего другого, кроме открытого согласия на ввоз американского ядерного оружия, вопреки всему тому, что обычно содержится в ответах представителей правительства на парламентские запросы.

Логика «торговцев смертью»

Думается, что события вокруг Афганистана были использованы как предлог не только президентом Картером, но и японскими приверженцами ремилитаризации. Лихорадочно, словно одержимые, они один за другим бросились выступать с безответственными заявлениями.

Характерно заявление президента Федерации экономических организаций района Кансай Хюга: «Расходы на оборону надо довести хотя бы до уровня Швейцарии, повысив их с 0,9% до 1,9% ВНП... Следует изучить вопрос о введении воинской повинности в случае чрезвычайных обстоятельств».

Конечно, можно было бы ограничиться замечанием, что, мол, теперь мы слышим, как торговцы смертью откровенно говорят о том, что думают... Но нельзя, на мой взгляд, не обратить самое серьезное внимание на условия, в которых становится возможным,

чтобы ответственные представители из политических и финансовых кругов один перед другим бравировали подобными заявлениями, будто они и не знают о существовании конституции.

В связи с упомянутым заявлением Хюга хотелось бы вновь упомянуть предложение Джорджа Болла, чтобы Япония построила два авианосца, а США взяли бы их в аренду. По своему назначению такие проекты носят еще более изощренный характер, чем призывы «готовиться к советской угрозе». Как известно, судостроение — это отрасль промышленности, наиболее подверженная структурному спаду; в настоящее время она загружена лишь на две пятых производственных мощностей. Предложение Болла спекулирует на создавшейся в судостроении обстановке, и в некоторых слоях населения оно действительно может показаться привлекательным. Если же припомнить, что надвигается период низких, а может быть, и нулевых темпов роста экономики, то вполне допустимо, что усилятся настроения в пользу строительства не только военных кораблей, но и танков, и военных самолетов, и ракет, и боеприпасов... Чего уж церемониться, будем строить все подряд — выбирать не приходится!

Но как бы низко мы ни пали, нам нельзя поддаться этому соблазну, потому что этот путь мы однажды уже прошли. В начале 30-х годов в поисках выхода из депрессии наши правители пустились на расширение военного производства и наращивание военной мощи, затем были нападения на страны Азиат-

ского материка, пятнадцать лет длились войны. Мои детские, юношеские и молодые годы пришлись на войну, которая завершилась унизительным поражением. Стоя на обожженной земле, мы поклялись «никогда не повторить ошибки». Почему же теперь, спустя каких-то тридцать с небольшим лет после войны, мы способны забыть эту клятву?

Логика такова: тот, кто заявляет, что «невооруженный нейтралитет — это бессмыслица», тот и призывает наращивать производство оружия, агитирует за его вывоз. Нельзя допустить, чтобы мы оказались жертвами ловкачей, выдающих себя за поборников обороны.

Было время, когда Соединенные Штаты призывали Японию «стать восточной Швейцарией». Теперь Японию призывают «наращивать вооруженные силы» и «укреплять военный союз». До недавнего времени, хотя и нехотя, США прислушивались к объяснениям японской стороны о том, что «конституция этого не позволяет». Теперь, с утратой превосходства над Советским Союзом, они утратили и способность воспринимать подобные объяснения.

Создание «азиатского варианта НАТО», соединение «НАТО на Востоке» с НАТО на Западе... Как только этот замысел будет приведен в исполнение, можно будет забыть об утрате превосходства — вот какой идеей сейчас одержимы в США! Учения «Римпак» — прообраз такого объединения. Значение маневров «Римпак» ни в коем случае нельзя преуменьшать еще и потому, что они закладывают возможность для использования

японских воинских соединений за рубежом.

Нам важно избежать вовлечения Японии в глобальную стратегию США. И в противоположность такой перспективе перед нами стоит в настоящее время задача приложить все усилия, чтобы внести вклад в смягчение международной напряженности и укрепление мирного сосуществования.

Во-первых, усиление двусторонней направленности обязательств по японо-американскому «договору безопасности» означает не столько возможность прибегнуть к помощи США в случае, если какая-либо из стран по необъяснимым причинам совершит нападение на Японию, сколько резкое усиление вероятности вовлечения Японии в войну, которую будут вести США. Бывший генеральный секретарь совета обороны Осаму Кайбара в книге «Моя белая книга по вопросам обороны» приходит к многозначительному заключению:

«Заключить военный союз — значит взять на себя обязательство «делить жизнь и смерть». Помогать союзнику и сражаться за него, если он подвергнется нападению, — долг Японии. «Вовлечение» в этом случае естественно и логично. Это общепринятая во всем мире норма. Не может существовать военного союза, если одна сторона, США, обещает включиться в войну за интересы Японии, а другая сторона, Япония, заявляет, что она не хочет делать того же. Япония нуждается в том, чтобы США были вовлечены в войну, которую будет вести Япония, — в этом смысл системы японо-американского договора безопасности».

Настолько ясно все сказано, что остается только руками развести...

О подобной постановке вопроса мы говорили не раз, и совершенно очевидно, что всякого рода разговоры о предварительных консультациях — просто бессмыслица. Система предварительных консультаций имеет в виду, что такие вопросы, как направление Соединенными Штатами своих войск с расположенных в Японии баз в порядке выполнения договорных обязательств перед Южной Кореей, как ввоз американского ядерного оружия на территорию Японии или размещение на ее территории определенных контингентов вооруженных сил, должны быть предметом предварительных консультаций, и согласие Японии обязательно. Разумеется, система предварительных консультаций предусматривает возможность для Японии ответить отказом, если существует опасность вовлечения в войну.

Какой еще договор может быть более односторонним?!

«Пусть японо-американский договор безопасности до сих пор и был таковым, но дальше так дело не пойдет!», — заявляют американцы. А им отвечают: «Слушаюсь!» Таковы теперь времена и таковы в последнее время японо-американские отношения. Иначе говоря, американцам больше невмоготу выслушивать, пусть формальные, капризы японской стороны. Обстановка все больше и больше развивается в направлении, при котором, как говорит Кайбара, «вовлечение естественно» и является «общепринятой во всем мире нормой». Если так, то нам остается сделать вы-

бор — или и дальше, угодливо кивая, идти по этому опасному пути, или, к чему и призывает СПЯ, решительно повернуть в направлении неприсоединения и нейтралитета.

Я много раз повторял, что в действительности не существует абсолютно надежного способа обеспечения безопасности. Поэтому никто не может утверждать, что, следуя курсом неприсоединения и нейтралитета, Япония будет находиться в абсолютной безопасности. Но, сравнивая два возможных пути, разве не следует сказать, что путь неприсоединения и нейтралитета — путь более безопасный?

«Равновесие страха» или укрепление мира и дружбы

Нейтральная страна не может представлять опасности ни для одного из блоков. Состоя в военном союзе, та или иная страна представляет собой угрозу для тех, кого она называет «потенциальным противником». Они в свою очередь вступают в союз... Когда один военный блок противостоит другому и существует известное равновесие вооруженных сил сторон, в течение некоторого времени мир, вероятно, может сохраняться. Однако в основе данных отношений лежат страх и подозрения, которые способны приводить к росту напряженности, и их не назовешь иначе, как равновесием страха — равновесием хрупким, неустойчивым, готовым в любой момент разрушиться.

Фактически дело обстоит так, что японский народ испытывает чувство тревоги, и причи-

на ее в том, что правительство не предпринимает и не собирается предпринимать каких бы то ни было шагов для смягчения напряженности в Азии, хотя, казалось бы, это абсолютно необходимо и с точки зрения обеспечения безопасности Японии. О какой разрядке может идти речь, если правительство, своими собственными действиями потворствуя обострению напряженности в Азии, кричит о том, что обстановка в Азии неустойчива, что существует недвусмысленная угроза, а посему надо укреплять «силы самообороны», укреплять систему «договора безопасности». Поистине все шиворот-навыворот!

Мы предлагаем разорвать этот порочный круг. Лучшим доказательством тому, что нашу точку зрения неверно считать нереалистической, являются нынешние отношения между Японией и Китаем. Было время, когда, упоминая об опасности, об угрозе, кивали на Китай. И что же?! Теперь дело дошло до бума японо-китайской дружбы... Что же изменилось? Изменилась точка зрения на Китай, изменилась политика в отношении Китая. Пусть истинные цели этих изменений иные, но правительство Японии прекратило политику вражды по отношению к Китаю, пришло к заключению о необходимости поддержания дружественных отношений с этой страной, пошло по пути восстановления государственных отношений, заключило с Китаем договор о мире и дружбе. Результатом этого и явился нынешний бум японо-китайской дружбы. То, что стало возможным в отношениях с Китаем, может стать возможным и в отношениях с другими странами.

Не делается этого лишь потому, что так не делают США. Стоит лишь нашей стране восстановить независимый курс, как и это станет возможным.

В заключение можно сказать, что для обеспечения безопасности нужны и усилия невоенного характера. Сейчас действительно важно в нашей внутренней политике стремиться к экономической стабильности, предотвращать возникновение социальной неустойчивости, способной послужить причиной переворота или косвенной агрессии, а во внешней политике — вносить вклад в дело разоружения и связанного с ним контроля над вооружениями, прилагать усилия для установления более стабильного мира путем поддержания дружественных отношений со всеми странами.

Встает вопрос, каким образом мы, СПЯ, намерены претворить в жизнь политику неприсоединения и нейтралитета в случае прихода к власти. Правительство Социалистической партии Японии в качестве первого шага в своей внешнеполитической деятельности уведомило бы США об аннулировании японо-американского «договора безопасности», денонсировало бы этот договор дипломатическим путем. Здесь следует добавить, что, говоря о денонсировании «договора безопасности», мы отнюдь не имеем в виду, что аннулируем договор в одностороннем порядке в первый же день, когда будет сформировано правительство СПЯ, и на этом успокоимся. Правительство СПЯ, как предполагается, вступит в дипломатические переговоры с США, обратится к мировому сообществу и одновременно подготовит общественное мне-

ние и развернет народное движенне в целях ликвндации «договора безопасности». Объединив все эти усилия, оно добьется аннулнрования договора и ликвидации американских военных баз в Японни.

Разумеется, мы нмеем в виду при этом отношения военного союза между Японией и США. Если же будут ликвидированы военные связи, мы не только не будем возражать против углублення связей в других областях — политических, культурных, экономнческих — и поддержания дружественных отношений, но и сами будем к этому стремиться. Именно поэтому мы постараемся не только уведомить о прекращенни действия договора и проведем переговоры для его аннулирования, но и будем стремиться заключить договор о взаимной дружбе между Японией и США.

Некоторые придерживаются мнения, что в случае денонсацнн японо-американского «договора безопасности» США непременно предпрнмут меры возмездия по отношению к Японни. Однако они исходят из ошнбочной предпосылки о том, что японо-американские отношения выгодны только Японии. Нельзя упускать из виду, что подобные меры со стороны США волей-неволей побуднли бы Японию обратиться к противоположному лагерю, а это — н об этом лучше всех знают сами Соединенные Штаты — было бы для американской стороны совсем нежелательно. Главное — стремиться к взаимопониманию, а с нашей стороны к этому проявляется полная готовность.

Наконец, я хотел бы добавнть еще один

важный момент. Ошибочно думать, что, взяв власть в свои руки, можно сделать все, что угодно. Так же ошибочно считать, что невозможно ничего сделать до прихода к власти. Существуют задачи, которыми нужно заниматься уже теперь, в условиях правления ЛДП, для того чтобы решить их или облегчить их решение в период, когда к власти придет СПЯ.

Например, нужно разобраться в вопросе о «силах самообороны». Для этого не прилагается достаточно усилий. Похоже, что мы остановились на том, что «силы самообороны» мы не признаем, так как они созданы в нарушение конституции. Но, признавая их антиконституционный характер, мы в то же время не можем отрицать факт их существования. Коль скоро это так, мы должны быть хорошо знакомы с действительным состоянием «сил самообороны», в противном случае мы, когда придем к власти, можем растеряться.

То же самое можно сказать о «договоре безопасности». Разумеется, самое главное после прихода к власти — это денонсация договора, но мы не должны забывать и сейчас о ежедневных и ежечасных усилиях в интересах того, чтобы этот договор фактически перестал быть необходимым.

Выступления против военных баз, за недопущение захода атомных подводных лодок в японские порты, за восстановление отношений с КНДР, за заключение договора о мире и дружбе с Советским Союзом — все это меры борьбы против военного союза, борьбы за то, чтобы сделать ненужным «договор

безопасности» фактически. Думаю, не следует объяснять, какой смысл имеет установление дружественных отношений со странами, которые, согласно «договору безопасности», объявляются «потенциальными противниками». Это можно видеть на примере восстановления дипломатических отношений и установления дружественных связей с Китаем. Такая борьба против «договора безопасности» может вестись и в условиях, когда у власти находится консервативная партия. Она будет продолжена и правительством, которое сформирует СПЯ.

МИРНАЯ КОНСТИТУЦИЯ И «ЧРЕЗВЫЧАЙНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО»

Развал системы гражданского контроля

В сентябре 1978 года с новой силой заговорили о «чрезвычайном законодательстве». Как раз в это время после длительного перерыва я побывал в кинотеатре и посмотрел фильм «Август без императора». Как известно, это фильм о попытке государственного переворота, совершенной «силами самообороны».

После сеанса, отвечая на вопросы корреспондентов, я сказал: «Армии, как вооруженному коллективу, этот опасный характер присущ изначально. И независимо от того, признаются или не признаются армией те соединения, которые у нас называются «силами самообороны», говорить о военных делах в отвлечении от этого, повторяю, опасного характера армии — значит, на мой взгляд, вдаваться в абстрактные рассуждения».

Люди, посвященные в военные вопросы, всегда подчеркивают существование системы гражданского контроля над армией, что как раз и объясняется этим опасным свойством последней.

Некоторые политические деятели оценили этот фильм как «грубый, неинтересный», но это значит, что эти люди некомпетентны, по крайней мере в военных делах.

«Гражданский контроль» в японском переводе передается как «приоритет политики»

или «контроль со стороны гражданских лиц». Вопрос о гражданском контроле столь же важен, сколь и труден для последовательного проведения в жизнь. Это признавал и один из депутатов ЛДП, выступая 17 августа 1973 года в комиссии по делам кабинета министров палаты советников. Он говорил: «Из истории известно очень немного случаев, когда политическая деятельность пользовалась приоритетом перед военной и когда парламент мог эффективно контролировать армию. История подтверждает, что так называемый гражданский контроль — вещь весьма трудная». Сложность этой проблемы бесспорна не только в свете истории нашей страны, предшествующей поражению в войне, но и в связи с нынешней обстановкой в Южной Корее, в странах Азии, Латинской Америки и Африки.

Как обстоит дело у нас, в Японии? Нельзя не признать, что наша система гражданского контроля разработана практически идеально. Функции верховного командования осуществляет премьер-министр, начальником УНО назначается государственный министр, лицо гражданское. В качестве органа, рассматривающего важнейшие вопросы обороны при кабинете министров, создан совет обороны, а начальник УНО, руководя и управляя «силами самообороны», имеет двух заместителей — парламентского и первого заместителя начальника УНО. В разработке ключевых направлений военной политики принимает участие так называемый гражданский советник. В форме соответствующей резолюции парламента решаются основные вопро-

сы по укомплектованию личного состава, организации, оснащению, субсидированию и подготовке кадров «сил самообороны»; политика правительства в области обороны подлежит контролю со стороны парламента. Согласно установленной системе, премьер-министр в случае внезапного нападения, прежде чем отдать приказ о выступлении «сил самообороны», должен, как правило, получить согласие парламента. Механизм, можно сказать, просто безупречный.

Однако достаточно ли иметь совершенную систему, чтобы, пользуясь только этой системой, быть способным контролировать армию («силы самообороны») — объединение вооруженных людей, подвластных тем или иным чувствам?

Согласно сообщениям печати, в настоящее время Япония по расходам на оборону занимает седьмое место в мире. Военный потенциал «сил самообороны» оценивается высоко ввиду удачной сбалансированности сухопутных войск, ВМС и ВВС. «Силы самообороны» выросли в самую мощную армию в так называемой «свободной зоне» Азии. К настоящему времени военные расстались с синдромом военного поражения и пользуются усиливающимся влиянием, о чем свидетельствуют многократные заявления таких деятелей, как Курису и других. Именно заявление Курису и сложившаяся вокруг него ситуация показывают, насколько трудно с помощью одной лишь системы контролировать «людей в форме», когда резко возросло их влияние.

Гражданский контроль — это беспрекос-

ловное подчинение военных парламенту и правительству, состоящему из депутатов, избранных народом. В теории это так. Но дело в том, что эти облаченные в форму люди начали во всеуслышание говорить о том, с чем они «не могут согласиться». В недавнем прошлом они позволяли себе столь откровенные критические высказывания по поводу политического курса государственного управления, лишь расставшись с военной формой, то есть после ухода в отставку. Теперь они это делают, находясь при исполнении служебных обязанностей. Курису, заготовив прошение об отставке, трижды выступал с критикой правительства по самым существенным вопросам. Его первое провокационное заявление под Новый год, в котором он говорил о «затруднительности» в проведении различий между наступательными и оборонительными вооружениями и «несовместимости» исключительно оборонительных задач с задачей сил сдерживания, было решено оставить без внимания, в частности потому, что сходное с ним заявление сделал сам начальник УНО Канэмару. Однако нельзя было поступить аналогичным образом в связи с его вторым заявлением — с заявлением о том, что в случае внезапного нападения «командование передовых соединений будет вынуждено действовать, невзирая на установленный законом порядок». Было решено принять отставку Курису. Эта мера должна была, по представлениям премьер-министра Фукуды и начальника УНО, продемонстрировать действенность гражданского контроля.

Но так ли это?

Курису открыто подчеркивает, что заявление об отставке подал сам и что оно было принято, что его не уволили. Я тоже думаю, что фактически это не было настоящим смещением с должности, так как премьер-министр в конечном счете принял его рекомендации, сделанные ценой потери поста, и отдал распоряжение о разработке вопроса о законодательстве на «чрезвычайный период».

О каком смещении с должности в такой ситуации может идти речь?

Скорее следует говорить о полной капитуляции «оппонентов» Курису, поскольку вопрос о законодательстве на «чрезвычайный период» был вновь поставлен в Совете национальной обороны (в УНО он изучался с августа 1977 года), а на следующий день был одобрен на заседании кабинета министров.

Но этим дело не кончилось. Полная капитуляция УНО подтвердилась в августе 1980 года, когда на первый взгляд неожиданно было объявлено о решении срочно оснастить истребители-перехватчики ВВС Японии боевыми ракетами класса «воздух-воздух» в связи с необходимостью повысить готовность к «чрезвычайным обстоятельствам». Уже на следующий день начальник штаба ВМС заявил, что на кораблях японских военно-морских сил и противолодочной авиации будут установлены боевые торпеды.

Чем как не капитуляцией можно назвать эти меры?

За это время не появилось никаких отчетов об изучении мер противодействия вне-

запному нападению и по вопросу о принятии «чрезвычайного законодательства». Мы вновь оказались перед лицом свершившихся фактов, поскольку никаких законных оснований для такого решения нет; нельзя понять, в каких случаях и в силу какого решения будет произведен пуск этих ракет и торпед. Разве это не равнозначно признанию за командованием передовых соединений права на единоличное решение и принятие противозаконных мер?

Принятие решений, исходя из более широкой точки зрения, по таким вопросам, как стрелять или не стрелять, допустить возникновение конфликта или пойти на риск его расширения, — это и есть политика.

В чем же причина крайней робости, которая характерна для тех, кто должен осуществлять контрольные функции, то есть для политических деятелей? В известном отношении это самый главный вопрос. Не вдаваясь в объяснения, следует отметить, что сложилась такая обстановка, когда позицию Курису выгодно отличает логичность, и в среде военных она пользуется безусловной поддержкой. Учитывая конституционные ограничения, можно понять определенную принужденность в высказываниях политических деятелей, лишенных убедительности и способности приструнить военных.

Другими словами, гражданский контроль перестал функционировать. Кто спорит, что прекрасно разработанная система гражданского контроля — это хорошо, но этого недостаточно, чтобы она была эффективной. Она действительно предоставляет возмож-

ность примеиить известиые ограничеиия, воспользовавшись бюджетными и кадровыми вопросами, ио этого слишком мало. Для полиоцениого гражданского контроля нужно, чтобы сами коитролирующие, то есть политические деятели, обладали достаточной дальновидностью и определеиными теоретическими зианиями. Почувствовавших свою силу «людей в военной форме» не остановить ссылками на то, что «это идет вразрез с конституцией». Измеиилась и реакция военных в таких случаях, хотя об этом они ие всегда говорят вслух. Раньше они отвечали: «Тогда иичего ие поделаешь», теперь же заявляют: «Тогда надо изменить коиституцию».

Заявление Курису о необходимости «действовать невзирая на установлеиный закоиом порядок» является в этом отиошении показательиым. О конституции при обсуждеиии обороииых вопросов упомииать бесполезио — теперь это ие убеждает военных. А это значит, что держать под всесторониим коитролем военные дела стало невозможио, и это несмотря на конституцию, запрещающую вооружение.

Сидеть сложа руки и смотреть, как попирается коиституция и подрывается система граждаиского контроля, нельзя. Нельзя и соглашаться с тем, чтобы конституцию подгоияли под свершившиеся факты.

Коль скоро это так, иам остается лишь один путь — безотлагательно добиваться поддержки большинства народа.

Заявление Курису и «Единое мнение» УНО

Статья 9 Конституции Японии содержит ясное положение о том, что в Японии «никогда впредь не будут создаваться сухопутные, морские и военно-воздушные силы, равно как и другие средства войны. Право на ведение государством войны не признается».

О пути, которому должна следовать Япония, в преамбуле говорится: «Мы полны решимости обеспечить нашу безопасность и существование, полагаясь на справедливость и честь миролюбивых народов».

Для нас иного пути обеспечения безопасности нашей страны, кроме полного выполнения и осуществления на практике духа и положений нашей конституции, нет. Следовательно, для нас не может быть «чрезвычайного периода». Еще до того, как разгорелись споры о «чрезвычайном законодательстве», тогдашний премьер-министр Фукуда неоднократно заверял: «Мы будем прилагать постоянные усилия к тому, чтобы чрезвычайного периода не было».

В действительности это путь, который отстаиваем и мы.

Одно за другим все либерально-демократические правительства повторяют: будем прилагать усилия, чтобы не было «чрезвычайного периода». На практике они игнорируют, попирают конституцию и фактически в настоящее время располагают более чем 200-тысячной армией*. Они указывают на

* Согласно сообщениям печати, «силы самообороны» насчитывают свыше 240 тысяч солдат, вместе с резервистами — около 300 тыс.

го, что военной силой, то есть «силами самообороны» и опираясь на мощь американской армии, будет обеспечиваться безопасность Японии. Вместе с тем крепнет впечатление, что между теми, кто призван контролировать, и теми, кто этому контролю подвергается, в последние месяцы как будто наметились кое-какие расхождения, хотя и сохраняется единство в одном — в том, что и те и другие полагаются на военную силу. Хотелось бы прежде всего установить, действительно ли имеет место расхождение во мнениях, а если таковое существует, то на чьей стороне правда (конечно, при этом придется исходить из примирения с существованием «сил самообороны»).

Необходимо это потому, что я несколько сомневаюсь в том, что они действительно поразному подходят к развитию событий. Думаю, что собственно различия касаются лишь темпов. Ведь до сих пор они придерживались тактики, которая позволяла военным наиболее полно излагать свои претензии, а либерально-демократическим деятелям и гражданским чиновникам, только для видимости отвергавшим требования военных («Не спешите, это будет сделано, как только подвернется подходящий случай...»), в конечном счете принимать эти требования, шаг за шагом ставя народ перед свершившимися фактами. И, как известно, снова и снова расширительно толковалась конституция, искажалась ее суть.

А теперь об основном... Председатель Объединенного комитета начальников штабов Курису 19 октября 1978 года, отвечая на воп-

росы журналистов, заявил: «В случае внезапного нападения между его началом и поступлением соответствующего приказа премьер-министра неизбежен разрыв во времени, а, как известно, в юридическом обосновании этих действий имеется много пробелов. В связи с этим командование передовых соединений сил самообороны будет вынуждено действовать, невзирая на установленный законом порядок». Заявление вызвало бурные отклики: возмутительно, что человек, занимающий высокое положение в военном ведомстве, позволил себе такие недопустимые выражения, как «действия, невзирая на установленный законом порядок».

Как известно, заявление Курису об отставке было удовлетворено, однако все, что за этим последовало, вскрыло весьма неприглядную ситуацию с УНО: управление просто провели за нос. Что же произошло? Это ведомство немедленно заявило, что в современную эпоху внезапное нападение практически невозможно. Фактически УНО реагировало так, будто напрочь забыло то, что было написано в его же «Белой книге по вопросам обороны» за 1978 год, изданной непосредственно перед заявлением Курису. «Советский Союз, — было написано в книге, — традиционно придает важное значение накоплению численного превосходства и внезапному нападению, быстрому прорыву позиций». В заявлении УНО также уточнялось, что в случае, если такое нападение все-таки произойдет, каждый солдат «сил самообороны» может действовать в рамках оправданной самозащиты, обеспечив себе срочное

укрытие, что и составляет его право, согласно действующему уголовному законодательству.

Скажем прямо, что рассуждения о том, что военные, которым по нх предназиачению положеио действовать объедииенно, частями н подразделеннями, могут воспользоваться правамн отдельной личности, едва ли убедительиы. Когда же речь пошла о коивойиых кораблях, то прншлось ссылаться иа статью 35 Уголовного кодекса, разрешающую определеиные действня и оправданиую коллективную оборону (!). Наконец, сталн говорнть н о том, что в определенных случаях допускается заблаговремениая передача премьермннистром начальнику УНО права прнказа о выступленнн в целях обороиы. Короче говоря, замешательство было такое, что заставило усомиться, да нмеют ли эти люди элементарное представленне о том, что такое гражданский контроль.

Последующий ход событий продемоистрировал полиую победу Курису.

После жестокой трепки, которую этому управлению задал Курису свонм «виезапиым нападеннем», УНО только и оставалось, как, сияв перед ним шляпу, опубликовать свое «Единое мнеиие». В нем ставилась задача «тщательно изучить юридическое обоснование действий сил самообороиы, в особеииости осуществления граждаиского коитроля, а также механизма прииятия решеиий по оргаиизации срочных ответиых действий сил самообороны в предшествующий приказу о выступлеиии период, если страиа подвергнется виезапиому нападению».

Ииыми словами, поскольку действующее законодательство ие предусматривает эффективиого механизма решеиия даииого вопроса, было решеио изучить создавшуюся обстаиовку, включая возможность измеиеиия самого законодательства.

Таким образом, выясиилось, что коитролирующая иистанция не готова ответить на вопрос, что следует делать в случае виезапного нападения. Но можио ли считать, что в равиой мере к этому не готовы и военные? Не думаю, чтобы так было, — они готовы. Имеино об этом свидетельствуют «плаи трех стрел»*, а также следующие заявлеиия самих военных, собранные в книге «Оборонительная стратегия Японии» (издательство «Ориэнто сёбо»). Так, бывший иачальник штаба ВВС Ц. Исикава считает: «ВВС в своей деятельности тоже связаны положеииями закона о пределах воздушиого пространства, что в «чрезвычайный период» исключает возможность всестороиего контроля над воздушным простраиством. Не вызывает сомиеиия, что необходимо разработать законодательство для военного времени». В свою очередь К. Утида, также бывший начальник штаба ВВС, подчеркивает, что «это выиуждает сделать вывод о необходимости предприиять еще раз исследоваиие проблемы по

* «План трех стрел» («Мнцуя») был разработан в 1963 году группой высокопоставленных чнновннков УНО. Он предусматрнвал установленне военного контроля над экономнкой, средствами массовой информацнн, всеобщую мобнлнзацню матернальных н людскнх ресурсов, отмену всех демократнческнх свобод в Японнн.

типу «плана трех стрел». Э. Уэмура, в прошлом начальник учебного центра ВВС, заявил: «Без лишних слов я считаю, что правительственным органам предстоит заняться разработкой нового «плана трех стрел»... Прежний был выдвинут военными, так как никто не хотел этим заниматься, в результате они же подверглись резкому осуждению».

Теперь исследовательские работы, о которых мечтали эти военачальники, начаты официально. Можно ли с уверенностью сказать, что в результате «план трех стрел» не будет фактически одобрен? Лично я никак не могу себе представить, что может существовать какое-то другое законодательство по подготовке к «чрезвычайному периоду» и иное «чрезвычайное законодательство», отличное от предусматривавшегося «планом трех стрел».

Закон о «чрезвычайном положени» и закон об охране тайны

Отложим временно рассмотрение содержания «плана трех стрел» и перейдем к тому, что же представляют собой такие наиболее часто употребляемые выражения, как «чрезвычайное положение», «чрезвычайное законодательство». Возьмем для примера словосочетание «чрезвычайное положение». С ним дело обстоит примерно так же, как со словосочетанием «силы самообороны», которое используется вместо слова «армия», или словом «конвойный корабль», употребляемым для того, чтобы не сказать «военный ко-

рабль». Понятие «чрезвычайное положение» означает практически «военное время» или «чрезвычайный период». Употребление слова «военное время» несколько сужает смысл того, о чем идет речь, поэтому понятие «чрезвычайное положение» ближе по значению к применению словосочетания «чрезвычайный период».

Людям моего и более зрелого возраста скорее понятен термин «чрезвычайное положение», так как на собственном жизненном опыте мы слишком хорошо узнали, какова его суть и с чем связывается его употребление. В мои детские и юношеские годы это слово закрывало все пути. Нам твердили: «Как можно так говорить в такое чрезвычайное время?» Или: «Как можно так поступать в это чрезвычайное время?» И ставилась точка. До 15 августа 1945 года мы слышали его 365 раз в году. Без преувеличений можно сказать, что это слово ни на мгновение не покидало наши уши. Дело доходило до крайностей, когда практически невозможно было даже назначить свидание. Если мне случалось выйти на улицу с сестрой, то нас несколько раз останавливали, и каждый раз нужно было объясняться и доказывать, что со мной моя сестра. Это была реально прожитая нами жизнь, и поэтому мы очень хорошо понимаем, что значит «чрезвычайное время».

Сославшись на необходимость привести в порядок законодательство на случай «чрезвычайного положения», премьер-министр Фукуда отдал распоряжение провести его изучение.

В каком же иаправлении должио идти такое нзучение?

Забегая вперед, скажем, что речь идет, во-первых, о том, какие законы, для того чтобы армия могла действовать более свободно, иадо приинять, н как н какие из существующих закоиов следует пересмотреть; н, во-вторых, о том, как регламеитировать порядок участия рядовых граждаи в боевых действиях вооружеиных сил, то есть какие нужны законы н какие нз существующих следует нзмеиннть для того, чтобы привестн в действие систему тотальной мобилизации всей нации. Другимн словами, прокладывается путь к урезываиню и ограиичеиию прав граждан, а также к реквнзнцин нх нмущества. Поэтому, оцеинвая все вместе, я убежден, что в рамках иыне действующей коинстнтуцин разработка «чрезвычайиого законодательства» невозможна.

В 1978 году, во время осеиией сессии парламента, я выступал в бюджетиой комисснн только по одиому вопросу — о «чрезвычайном закоиодательстве», и тогда я сказал, что «в рамках коиституцнн никакое чрезвычайное законодательство невозможно». Я добивался разъясиения от премьер-мииинстра Фукуды, но он упорно от иего уклонялся, твердя, что «все будет делаться в рамках конституции». Чтобы он как-ннбудь проявил свон истиииые иамерения, я варьировал свой вопрос, но тогда премьер-мииистру удалось уйтн от прямой полемикн. Одиако в палате советников он, успокоившнсь, слегка приоткрыл завесу н заявнл о необходимости введения закоиа об охраие тайны, действие

которого распростраиялось бы не только на военных, но и на гражданскне лица. Конечио, ои затронул лишь иебольшую часть своих планов, ио и без лишиих слов было ясио, что введеиие закона об охране тайны предшествует введеиию чрезвычайиого закоиодательства в целом. Кому ие поиятно, что в случае «чрезвычайиого положенния» иаши «силы самооброиы» ие смогут приступить к действиям, еслн всем заранее будет нзвестно, где и в каком колнчестве расположеиы те илн иные части н подразделеиия, в каких иаправлеииях оии перемещаются, каковы их личный состав и вооружеиие, каким количеством боеприпасов они обладают и т. п. Одиого этого перечислеиня вполие достаточио, чтобы ие сомиеваться, что «чрезвычайиое закоиодательство» ие может ие выйти за рамки конституцни.

Это иеизбежио потому, что в Японин существует особая, ие имеющая аиалогий в остальных страиах констнтуция. Конституции других стран призиают существованне армин как таковой, в инх содержатся положения по воениым вопросам, в некоторых коиституциях имеются исключительиые статьи — о том, что в воеиное, «чрезвычайиое» время права граждаи могут быть прностановлены или ограиичены, а их нмущество может быть реквизнровано.

В отличие от этого статья 9 Конституцнн Япоиин запрещает государству нметь армию н ие признает за иим права на ведеиие войны; других каких-либо положений по военным вопросам в ией иет и, естествеиио, нет исключительных статей. Отсюда следует, что

в Японии никакого конституционного, то есть принимаемого в рамках конституции, «чрезвычайного законодательства» на случай военного, «чрезвычайного» времени вообще быть не может.

Заглянем в «Оборонную стратегию Японии» еще раз и посмотрим, что думают люди из военных кругов, подчеркивающие невозможность введения «чрезвычайного законодательства», «согласно» конституции. Так, бывший командующий флотом Т. Исикума отмечал: «По закону о функциях кабинета министров без соответствующего решения кабинета министров никакие административные меры предприняты быть не могут. Получается, что в случае чрезвычайного положения будет невозможно что-либо сделать. Необходимо предусмотреть такой механизм, который бы обеспечивал немедленное выполнение решений и распоряжений премьер-министра, как высшего руководителя по вопросам обороны... В Южной Корее президент обладает прерогативой принимать чрезвычайные меры». Уже цитировавшийся Э. Уэмура (бывший начальник учебного центра ВВС) подчеркивал: «Во всяком случае, я считаю, что необходимо расширить и укрепить полномочия премьер-министра в условиях чрезвычайного положения. Мы ничего не успеем сделать, если в каждом случае нужны будут законодательная акция и согласие парламента».

В первом номере журнала «Симпо» приводится следующее высказывание бывшего начальника штаба ВВС М. Харады: «При чрезвычайных обстоятельствах дело решит-

ся просто — достаточно, чтобы кто-то один пожертвовал собой. Проблема же в другом, как быть до наступления этого момента, поскольку нет закона об охране тайны. Без такого закона бессмысленно толковать о чрезвычайном законодательстве».

Отраженная в «Едином мнении» точка зрения УНО исходит из того, что «предпринятое исследование вопроса проводится в рамках конституции и поэтому в нем не могут быть рассмотрены такие имевшиеся в прежней конституции меры, как введение военного положения или призыв на военную службу; не будет также рассматриваться и вопрос о контроле над свободой слова». Однако одновременно говорится, что «в случае чрезвычайных обстоятельств права отдельных граждан будут соблюдаться *по возможности*», что следует понимать как допустимость ограничения или сужения прав граждан. И действительно, премьер-министр Фукуда довольно откровенно говорил о необходимости введения закона об охране тайны, распространяющегося и на рядовых граждан Японии.

Поскольку «чрезвычайное законодательство» направлено на обеспечение «силам самообороны» свободы действий при проведении боевых операций, то нетрудно предвидеть, что подобные ограничения могут затронуть самые различные стороны жизни. Скорее всего, так.

Судя по «плану трех стрел» и исследованиям «чрезвычайного законодательства», предпринятым в 1966 году, а также принимая во внимание упомянутое заявление Фу-

куды в парламенте, следует ожидать ограничений или отмены прав определенного характера, в частности таких основных прав человека, как свобода слова, собраний, организаций, передвижений, перевозок, связи, экономической деятельности и т. п. Естественно, возможность действовать при этом в рамках конституции исключается. Когда Курису сказал, что командование «будет вынуждено действовать, невзирая на установленный законом порядок», он лишь в иных выражениях высказал мысль о том, что при «чрезвычайных обстоятельствах», не выходя за рамки конституции, невозможно эффективно решать возникающие вопросы.

Бывший генеральный секретарь Объединенного комитета начальников штабов С. Мураки в книге «Оборонная стратегия Японии» по этому поводу писал: «Одним словом, в военное время было бы бесполезно пытаться действовать в соответствии с положениями, вытекающими из существующего законодательства». Эйити Уэмура вторит ему: «Это, действительно, так. Речь идет о том, что конституцией только прикрываются. Конституция — это внутренний закон, он не распространяется на область международной политики». Минору Харада, бывший начальник штаба ВВС, придерживается аналогичной точки зрения. Он считает, что «при нынешней конституции мы не сможем защищаться. Не сможем и тем не менее вынуждены ей подчиняться. Но есть возможность действовать по своему усмотрению, то есть самовольно» (журнал «Симпо»).

Действительно, если предположить, что

время «чрезвычайных обстоятельств» наступило, это значит, что необходимы самые крайние усилия. Военные, кстати, могут резонно уточнить, что они дали присягу, «невзирая на опасность, самоотверженно стремиться к выполнению своего долга и оправдать доверие народа». А могут ли премьер-министр и начальник УНО, продолжающие упражняться в софистике вокруг «рамок конституции», сказать этим военным: «Не надо самоотверженно стремиться. Если, действуя в рамках конституции, вы потерпите поражение, то с этим ничего не поделаешь»? Вероятно, и могут, но едва ли убедят военных...

Окрики: «Молчать!», «Безобразие!» — не снимают вопроса с повестки дня. Он не может быть решен и путем смещения кого бы то ни было с занимаемого поста. Убежден также, что по своей сути он не из тех вопросов, чтобы можно было попустительствовать любым заявлениям, спекулируя на том, что его автор больше не носит военную форму.

Повторяю снова и снова: в случае «чрезвычайных обстоятельств» эффективное решение указанных вопросов на основе конституции невозможно. Это равным образом относится и к упорядочению законодательства на случай «чрезвычайного положения».

Три варианта введения «чрезвычайного законодательства»

Исходя из того, что вопрос о разработке «чрезвычайного законодательства» стоит в конкретной плоскости, я хотел бы остано-

виться на том, какой момент может быть выбран для его принятия и каким оно может быть по содержанию. Здесь возможны три варианта.

Первый вариант — упорядочение системы законодательства, включая принятие новых и пересмотр существующих законов в мирное время, то есть в условиях настоящего времени. В этом случае, по моему мнению, пересмотр конституции неизбежен. Партия Комэйто первоначально также считала как само собой разумеющееся необходимость упорядочения существующего законодательства на случай «чрезвычайного положения». Однако она изменила свою позицию после того, как дискуссия вокруг этого вопроса обострилась, и стало понятно, что это значит на самом деле. В партии осознали, что в конечном счете принятие «чрезвычайного законодательства» означает пересмотр конституции. Если бы, как это нам говорят, речь действительно шла о мерах, принимаемых *в соответствии* с конституцией, то «чрезвычайное законодательство» в мирное время могло бы быть введено путем искажения лишь небольшой части конституции. Поэтому, скорее всего, преимущество за вторым вариантом.

Каким же представляется этот второй вариант? Это способ одновременного упорядочения всей системы законов, то есть фактически речь идет о приостановке действия конституции. Этот вариант наиболее полно изложен в «плане трех стрел». Сейчас говорят, что разработка «чрезвычайного законодательства» находится в самой начальной

стадии, но дело в том, что его прототип уже существует.

«План трех стрел» был подготовлен группой военных специалистов в 1963 году; затем возникла очень серьезная дискуссия в парламенте. Существует также проект УНО, составленный в 1969 году при участии представителей всех подразделений УНО на основе «плана трех стрел» и учитывающий его результаты. В нем уже фигурировали цифры — предусматривалось принять 87 законопроектов, в том числе на основе пересмотра действующих законов. Разумеется, были включены и мероприятия по тотальной мобилизации всей страны. Это очень опасный по своему содержанию проект! Отметить необходимо следующую его особенность: в нем подробно излагается, как будет осуществлено ускорение одобрения законопроектов в парламенте. Для рассмотрения законопроектов будет созвана внеочередная сессия парламента; часть законопроектов без предварительного обсуждения в комиссиях будет представлена на одобрение пленарного заседания парламента, другие — скопом рассматриваться в специально создаваемой комиссии. Еще один момент — все 87 законов предполагается утвердить примерно за две недели. Другими словами, второй вариант — это одновременное «упорядочение» всей системы законов на случай «чрезвычайного положения».

Не мешает задуматься над тем, какие обстоятельства должны иметь место, чтобы за две недели принять 87 законов, в которых заложено ограничение основных прав граж-

дан и посягательство на их имущественное положение ввиду приостановки действия конституции.

Возможно ли это, если в заседаниях парламента в лице своих депутатов будет принимать участие Социалистическая партия (разумеется, если к этому времеии оиа не переродится)?

Произойдет ли такое, если японские профсоюзы будут сильны по-прежнему?

Думаю, что это невозможно. Я уверен, что в течение двух недель мы сумели бы не допустить принятия не только восьмидесяти семи, а даже одного-единствеиного подобного законопроекта.

Что же произойдет? Представить можно только одно — если мы будем протестовать и возражать против их ускоренного рассмотрения, то оно произойдет без нас.

Не знаю, предстоит ли нам заточеиие или физическое уничтожение, но в «плане трех стрел» есть четко изложеиный параграф об «устранении революциониых сил». Короче, дело идет к тому, чтобы устранить силы, проявляющие сопротивление, окажись они хотя бы и в парламенте. Иначе приостаиовить действие коиституции и провести через парламент 87 законов за две недели было бы невозможно. Это вопрос, к которому следует отиестись с величайшей серьезностью.

Третий вариант — действовать в случае «чрезвычайных обстоятельств», «иевзирая на установленный законом порядок», не думая ни о каком упорядочении закоиодательства. Конституцию игнорировать, новых законов

не принимать и действовать по принципу «как можно так говорить в такое чрезвычайное время!». Курису первым употребил слова «невзирая на установленный законом порядок», но думаю, что для части военных это — ходячее, вполне привычное выражение. Их логика проста — важно «защищать страну», а не отстаивать конституцию. Если говорить исключительно об обороне, то для военных наверняка хорош любой из вариантов, однако они предпочли бы первый, потому что путем пересмотра конституции им хотелось бы добиться законного признания «сил самообороны», чтобы «силы самообороны» стали полноправной армией, признанной народом, а не вызывали бы аналогии с внебрачным ребенком.

Когда в бюджетной комиссии в своем запросе правительству я говорил о возможности этих трех вариантов, по завершении интерпелляций от Курису мне доставили книгу, в которой были выведены следующие слова: «Разве не безобразие, что, когда мы обращаемся с требованиями к политикам и чиновникам о необходимости первого варианта, нас останавливают словами: «Не спешите!». Поэтому я думаю, что следует отделить все аспекты проблемы один от другого. Что касается мер на случай «чрезвычайного положения», годится любой из вариантов — и первый, и второй, и третий. Но чтобы удовлетворить тех, кто жаждет «признания», нужен, естественно, первый вариант. Вместо того чтобы сказать: «Мы хотим пересмотра конституции», Курису в свое время употребил совсем другое выражение, а имен-

но: «Мы хотим, чтобы было упорядочено законодательство на случай чрезвычайного положения».

Содержание «плана трех стрел»

В абстрактных спорах о том, каким должно быть содержание «чрезвычайного законодательства», необходимости нет, достаточно обратиться к «плану трех стрел». Прочитав его, можно составить представление, в частности, о «чрезвычайном законодательстве».

Для примера приведу лишь небольшую часть этого плана. В разделе «Вопросы реорганизации центральных и других органов национальной обороны» говорится, что в связи с изменением обстановки наряду с упорядочением центральных и других органов национальной обороны по мере необходимости, поэтапно, будет проводиться сбалансированный пересмотр соответствующего законодательства, преследующий цель обеспечения эффективности деятельности этих органов. Реорганизации подлежат: органы по руководству военной деятельностью; органы гражданской обороны (местная оборона); органы по управлению национальной ПВО; органы контроля за дорожным движением; органы, контролирующие транспортные перевозки — морские, сухопутные и воздушные; органы средств связи; органы, осуществляющие радиовещание и обеспечивающие информацию; органы экономического контроля. Таковы контрольные органы, которые предполагается создать в соответ-

ствии с этим планом. В разделе плана «Меры в области экономики и по работе с кадрами» уточняются задачи, стоящие перед перечисленными учреждениями. Им надлежит:

1) обеспечивать стабильные условия жизни населения, для удовлетворения военных нужд осуществлять необходимый контроль и мобилизацию в области экономики, разрабатывать меры по обороне промышленности, которые необходимо предпринять в соответствующий момент. Далее излагаются конкретные меры.

В области осуществления контроля над экономикой:

- нормирование потребления предметов первой необходимости, исходя из обеспечения минимальных условий существования; нормирование основных продуктов питания, а также ряда предметов, прежде всего ввозимых из-за рубежа;
- введение норм на потребление стратегических товаров; нормирование потребления нефти, железа, редких и цветных металлов, в первую очередь обеспечивающее военные потребности;
- контроль за ценами с целью предупреждения инфляции;
- контроль над финансированием, обеспечивающий приоритет потребностей военного производства;
- контроль над транспортом, включающий контроль над загранперевозками; контроль над другими видами транспорта.

По мобилизации экономики:

— реквизиция и использование имущества в военных нуждах

военных материалов;
медицинских учреждений;
транспортных средств;
земли и строений;
другого имущества;

— осуществление мер по увеличению производства предметов первой необходимости и военной продукции;

— проведение мер по созданию запасов важных стратегических товаров.

Меры по обороне промышленности:

— меры ПВО;

— меры по обеспечению общественной безопасности.

Важнейшие военные предприятия надлежит рассредоточить и эвакуировать, а также по возможности перевести в подземные помещения.

2) Обеспечить заблаговременный ввоз важнейших стратегических товаров — нефти, железа, редких и цветных металлов, основных продуктов питания и других товаров.

3) Проводить соответствующие мероприятия с целью обеспечения кадрами, необходимыми для осуществления государственной политики. Что касается мер принуждения, то их следует отсрочить до такого момента, когда изменение обстановки потребует их введения (речь идет о принудительном труде; сюда, вероятно, включена и воинская повинность. — *Авт.*). В обеспечении кадрами устанавливается следующая очередность: «силы самообороны», органы общественной

безопасности, органы гражданской обороны, другие органы.

Таким образом, ознакомившись с «планом трех стрел», можно совершенно ясно представить себе, что на самом деле подразумевается под «чрезвычайным законодательством». Осуществление «плана трех стрел» подпадает под второй вариант, то есть должно произойти одновременное «упорядочение» всей системы законодательства.

Хочу обратить внимание читателей на то, что в «Едином мнении» УНО, как бы подтверждая мое предположение, говорится следующее: «Предметом изучения являются правовые вопросы, связанные с эффективным и беспрепятственным выполнением силами самообороны своих задач в обстановке, когда на основании статьи 7 закона о силах самообороны они получат приказ о выступлении».

Таким образом, расширительное толкование и искажение конституции правительствами консерваторов достигло своего предела. Все правильно: сеть, сотканная для обмана других, связала по рукам и ногам их самих, и они лишились какой-либо свободы действий. Не потому ли засуетились в смятении политиканы из ЛДП, когда эти противоречия и слабости подверглись неожиданному натиску со стороны Курнсу?

Согласно логике правительства ЛДП, получается нелепая ситуация, когда конституция Японии, с одной стороны, вроде бы допускает владение оружием и проведение военных акций, а с другой, ставит им различные преграды, не позволяет действовать эффек-

тивно в случае «чрезвычайных обстоятельств».

Если правительство и впредь будет изворачиваться, выдвигать столь легковесные доводы, то станет понятно, что смыслом, целью существования «сил самообороны», которые как будто призваны готовиться к «чрезвычайным обстоятельствам», является как раз пересмотр конституции.

Отмечу, что в фильме о военном перевороте, который упоминался в начале раздела, кульминационным моментом является призыв к пересмотру конституции. Этот призыв слово в слово повторил Юкио Мисима с балкона в Итигая *. Случилось так, что вместе с режиссером фильма «Август без императора» мы одинаково истолковали смысл инцидента с Мисима. Захватив в качестве заложника командующего округом, Мисима собрал во дворе солдат «сил самообороны» и обратился к ним с речью, в которой призвал к восстанию. Суть ее сводится к тому, чтобы «окружить парламент и добиться пересмотра конституции». Думал ли Мисима, что солдаты действительно последуют его призыву? Похоже, что таких «радужных» надежд он не питал. Для чего же тогда он решился на такой варварский акт? Мне не дает покоя мысль, что он верил: не сейчас, так через несколько лет солдаты непременно

* 25 ноября 1970 года реакционный писатель Юкио Мисима с несколькими членами созданного им «Общества щита» проник в казармы «сил самообороны» в Итигая (Токио) и, захватив в качестве заложника командующего Восточным округом, обратился с балкона к солдатам с призывом добиваться пересмотра конституции. Не получив поддержки, сделал харакири.

поднимут мятеж под лозунгом «Последуем заветам Мисимы».

Нет ли в окружающей нас действительности признаков, с каждым днем все больше и больше подтверждающих это его «убеждение»?

Введение летосчисления по годам правления императоров, осуществленное специальным законом, официальные визиты премьер-министра и министров в храм Ясукуни, предпринимаемые с целью перевести храм под опеку государства, учреждение особого подхода к военному бюджету, закон об охране тайны, закон о предотвращении шпионажа, а тут еще и вопрос о «чрезвычайном законодательстве»! Цель всех этих мероприятий ясна. Если сказать одним словом, то это возврат к положению, существовавшему до 15 августа 1945 года, то есть это путь к возрождению имперской конституции.

«Чрезвычайное законодательство» и наша борьба

Наконец, необходимо проанализировать условия, вызвавшие постановку вопроса о «чрезвычайном законодательстве» именно теперь.

Было бы неправильно ограничиться замечанием, что, мол, ЛДП просто вновь проявила свою истинную сущность: усиление реакционных тенденций связано с рядом причин.

Во-первых, следует сказать о мерах по обеспечению безопасности страны с помощью военной силы, поскольку-де надо исходить

из перспективы ее необходимости. Нам постоянно твердят, что нужно иметь в связи с этим по возможности мощную армию, а свобода действий армии в случае «чрезвычайных обстоятельств» невозможна без «упорядочения» законодательства. При таком раскладе очень странно выглядят утверждения о том, что армия-де необходима, но что она не должны быть сильной, что не нужны и «чрезвычайные законы».

Как не сказать, раз уж речь зашла о защите страны вооруженным путем, хотя и в чисто оборонительных целях, насколько нелепа сама мысль о том, что сражаться будут одни лишь «силы самообороны». Как не сказать и о том (и понимать это именно таким образом), что на борьбу должны встать все граждане, принося в жертву свою жизнь и имущество. Как не сказать о том, что это произойдет независимо от того, введена или не введена воинская повинность!

Обобщенно первая причина активизации реакционных тенденций заключается в том, что военные заявляют, что «чрезвычайное законодательство» совершенно необходимо, а политики из ЛДП по причинам, о которым уже говорилось, не могут им отказать. На эту ситуацию можно взглянуть и с другой стороны, а именно как на свидетельство усиления влияния военных.

Поэтому именно усиление влияния военных я и хотел бы назвать в качестве второй причины. Новая национальная армия Японии, каковой и становятся «силы самообороны», набрала определенную мощь. В книге я уже не раз цитировал высших военных, выска-

зывавших свое негодование в адрес некоторых политических деятелей или по поводу проводимой ими политики. Раньше все это они говорили лишь после выхода в отставку. Теперь они позволяют себе критические высказывания или политические заявления, нимало не смущаясь тем, что еще носят военную форму. Заявление Курису — первый сигнал, он типичен и свидетельствует о том, что гражданский контроль развалился, больше не действует. Силу набрали контролируемые, контролирующие же обессилели.

Премьер-министр и начальник УНО уверяют, что заявление Курису вне всякой критики и он-де смещен с должности. Но выше уже говорилось, что фактически капитулировали они... Сразу после выступления Курису один за другим выступили ободренные его заявлением начальники штабов сухопутных, военно-морских, военно-воздушных сил со «смелыми» для военных высказываниями, а политические деятели попали в положение роботов, механически одобряющих и проводящих в жизнь их требования. Партия демократического социализма посылает военным любезнейшие приглашения, чтобы покорнейше выслушать их соображения, всячески стараясь показать, что она лучше остальных понимает проблемы военных. Уж не здесь ли, не в этой ли атмосфере, если не говорить о «чрезвычайном законодательстве», кроется самое страшное?

В-третьих, я сказал бы об удовлетворении настойчивых требований Соединенных Штатов Америки. Как явствует из «Белой книги по вопросам обороны» за 1980 год, относи-

13—304

тельное ослабление мощи США привело к тому, что в стремлении вернуть превосходство над Советским Союзом США непрестанно требуют от своих союзников, и в частности от Японии, наращивания военной мощи и укрепления системы военных союзов. По всей видимости, Япония согласилась с требованиями США и приступила к их осуществлению. Усиления военного потенциала в Японии добиваются, осуществляя особый подход к военному бюджету, приступая к разработке «чрезвычайного законодательства», разворачивая кампанию моральной подготовки к обороне, а для укрепления системы военных союзов — с помощью «Руководящих принципов», проведения совместных военных учений, подготовки совместных боевых операций, изыскания возможности направить воинские соединения за пределы Японии.

Четвертой и, возможно, самой главной причиной является перерождение оппозиционных партий, ослабление сил, выступающих в защиту конституции. Почему происходит перерождение оппозиционных партий, почему отступает блок прогрессивных сил, выступающих в защиту конституции?

В целом здесь имеется четыре причины:

депрессия, вызвавшая спад в рабочем движении;

забвение уроков прошлой войны и воздействие проводимых правительством опросов общественного мнения;

усиление реакционных тенденций в системе просвещения и отход молодежи от прогрессивных сил;

пропаганда, направленная на ослабление авторитета социалистических стран.

Если говорить о первом — о депрессии и вызванном ею спаде в рабочем движении, — то необходимо подчеркнуть, что профсоюзы, выступавшие за сдерживание роста зарплаты, против так называемой рационализации, сопровождающейся увольнениями, в течение ряда лет не достигали успеха в весенних кампаниях борьбы. В конечном счете им навязали и рационализацию и ухудшение условий труда. Профсоюзы в течение долгого времени никак не могли восстановить свое влияние. Это не замедлило сказаться и на политических партиях, прежде всего на СПЯ, которая вынуждена отступать. Более того, среди рабочих и в профсоюзной среде начали раздаваться голоса о том, что в условиях депрессии незачем привередничать: надо производить и оружие и вообще что угодно. Такие настроения не могут не воздействовать на силы, выступающие в защиту конституции.

Следующий, второй пункт — забвение уроков прошедшей войны и влияние опросов общественного мнения. После войны на протяжении значительного периода времени определенная часть японского народа была решительно настроена в пользу того, чтобы войнам положить конец. Эти настроения служили опорой СПЯ и силам, выступающим в защиту конституции. Между тем в настоящее время больше половины населения Японии составляет молодежь, не имеющая представления о том, что такое война. Нельзя не признать и тот факт, что превращение

Японии в мощную экономическую державу привело к возникновению атмосферы позитивного восприятия существующего положения. Власти умело перевели эти настроения в статистику, создав мнение, что якобы большинство народа в настоящее время признает «договор безопасности» и «силы самообороны». Они широко используют такие утверждения в пропагандистских кампаниях. В результате ряд оппозиционных партий и других политических объединений стремится в своих целях использовать этот «свершившийся факт» и ссылается на то, что «так думает большинство народа».

В-третьих, это усиление реакционных тенденций в системе просвещения и отход молодежи от прогрессивных сил.

После войны в течение определенного времени большинство молодых избирателей поддерживало прогрессивные партии. Это объясняется тем, что в стране осуществлялось правильное воспитание, воспитание в духе демократии и мира. Теперь же наступили времена полного отсутствия какого бы то ни было воспитания, кризис просвещения. Дети, например, думают лишь о том, как бы, оттеснив своих товарищей, попасть в «хорошую» школу. Заботы значительной части молодых избирателей, как это признавал и премьер-министр Фукуда, сводятся к одному — «лишь бы иметь побольше денег да побольше вещей, лишь бы мне самому было хорошо!» Это вызвало резкий отход молодежи от политических партий, от политики вообще, что отрицательно сказалось на состоянии прогрессивных сил.

Приведу пример усиления реакции в области просвещения. Я предлагаю сопоставить два учебных пособия: «Рассказ о новой конституции», написанный сразу после войны в 1947 году и утвержденный министерством просвещения, и созданный спустя пятнадцать лет учебник, известный по пресловутому «делу об учебнике профессора Иэнаги» и называемый «История Японии профессора Иэнаги» (подан на утверждение в министерство просвещения в августе 1962 года). Мне хотелось бы также обратить внимание на критику этого учебного пособия, которой разразилось министерство просвещения.

В «Рассказе о новой конституции» (1947 год) можно прочитать: «Какую выгоду получила Япония от этой войны? Никакой. Война принесла с собой лишь ужасы и страдания. Поэтому в нынешней конституции, чтобы Япония больше не вела войн, записано два решения. Первое — не иметь ни солдат, ни военных кораблей, ни самолетов, вообще ничего, что предназначено для ведения войны. Второе — в случае конфликта ни в коем случае не стремиться к тому, чтобы победить в войне и навязать противнику свое мнение. Друзья, будем стремиться к тому, чтобы войны больше не было, чтобы не допустить войны».

Из «Истории Японии профессора Иэнаги» (1962 год) читатель почерпнет следующее: «Поскольку война прославлялась как «священная война», а сведения о поражениях японских войск и их зверствах на поле боя скрывались, большинство народа не знало правды о войне; народ был поставлен в та-

кое положение, при котором был вынужден активно содействовать безрассудной войне».

А вот критика министерства просвещения, ставшая поводом для отклонения учебника: «Книга в целом представляет собой одностороннюю критику положения и действий нашей страны во второй мировой войне, что очевидно из таких выражений, как «прославление войны», «зверства японских войск» и «безрассудная война». Ее нельзя признать пособием, дающим учащимся возможность составить правильное представление о положении и действиях нашей страны в водовороте войны» (из журнала «Тякайсюги». Цитируется по книге «Десять вопросов и ответов по чрезвычайному законодательству»).

Разве недостаточно сопоставить эти три цитаты, чтобы стало понятно, в каком направлении изменилось положение в просвещении за послевоенный период, в каком духе в Японии воспитывают учащихся теперь, насколько важно воспитывать их правильно, каковы те трудности, с которыми сталкивается наш лагерь в процессе борьбы за конституцию?

Наконец, пункт четвертый — пропаганда, направленная на ослабление авторитета социалистических стран. В этой связи следует отметить, что столкновения между некоторыми социалистическими странами Азии неблагоприятно сказались на общем представлении о социализме... К тому же по мере того, как становилось ясно, что Советский Союз не намерен возвращать Японии Курильские острова, отношение к СССР менялось. Правительство Японии и Либерально-демократи-

ческая партия умело играли на национальных чувствах населения, подогревали их, а в последнее время развернули широкую кампанию вокруг «советской угрозы». Это не могло не отразиться на положении в лагере прогрессивных сил Японии.

События в Китае, в частности события, сопровождавшие «культурную революцию», и ошеломляющие перегибы в ее оценке, — все это привело к исчезновению «радужных» представлений о социалистических странах. Кроме того, Китай, в прошлом резко осуждавший «силы самообороны», связывая их с возрождением милитаризма, считает теперь, что «силы самообороны» следует укреплять и дальше, что «договор безопасности» — этот военный союз с американским империализмом — необходим. Несомненно, что и это нанесло урон прогрессивным силам.

В этих условиях власти Японии пришли к выводу, что подходящий момент для «чрезвычайного законодательства» наступил. Это следует нам понимать так, что, если выступающие в защиту конституции силы не вернут прежнего влияния, правящие круги вновь навяжут общественности вопрос о введении «чрезвычайного законодательства».

В какой форме он будет поставлен и как будет решен, в конечном счете зависит от соотношения сил. Дело обстоит следующим образом: либо приверженцы «чрезвычайного законодательства» будут набирать силу и постараются принять «чрезвычайное законодательство» согласно первому варианту, то есть в мирный период, а возможно, и согласно второму, то есть на случай «чрезвычайно-

го положения», либо произойдет укрепление прогрессивных сил и, отвергнув все эти варианты, мы сможем отстоять дух и букву конституции, взять политическую инициативу в свои руки, чтобы никакие «чрезвычайные обстоятельства» не имели места вообще. Стоит нам сделать шаг назад, как вперед вырвутся наши противники. Особо бдительны мы должны быть с возможностью второго варианта или одновременным «упорядочением» всей законодательной системы, чреватого тем, что в первую очередь будут «устранены революционные силы». Не следует упускать из виду эту чрезвычайно важную возможность, которая означает не что иное, как ликвидацию оппозиционных партий, оппозиционных депутатов.

Иными словами, в настоящее время обсуждение вопроса о «чрезвычайном законодательстве» заставляет задуматься о будущем, о последствиях, о самых насущных проблемах. И не только потому, что речь может идти о социалистическом устройстве в целом и о правительстве СПЯ, но и о том, чтобы в соответствующий момент достойно выполнить задачи, стоящие перед партией оппозиции. Поэтому нельзя мириться с тем, что СПЯ сдает позиции в парламенте, с общим отступлением демократических сил, объединяющихся вокруг нашей партии. Кроме того, необходимо серьезней и тщательней относиться к вопросам, касающимся армии, выработать в этом отношении твердый курс и необходимые меры.

Наконец, и это я хочу повторить еще раз, признание необходимости армии («сил само-

обороны») и протест против «чрезвычайного законодательства» нельзя совместить ни в теоретическом, ни в практическом планах.

Борьба против «чрезвычайного законодательства» — это не что иное, как борьба за мирную конституцию под знаменем невооруженного нейтралитета.

НЕВООРУЖЕННЫЙ НЕЙТРАЛИТЕТ НА 80-е ГОДЫ

Опасность фашизации

В самом начале 80-х годов на одновременных выборах в палату представителей и палату советников ЛДП обеспечила себе устойчивое большинство в парламенте. Хотя в сложившейся ситуации свою, и значительную, роль сыграл случайный фактор — смерть премьер-министра при исполнении обязанностей, — в целом это, несомненно, свидетельствует о поражении прогрессивных сил и победе консерваторов. Их победа принесла весьма убедительное подтверждение повторявшимся на протяжении последних двух лет прогнозам о «возврате консерваторов». Тем не менее я и сейчас не возьму обратно своих высказываний об упадке ЛДП как основной тенденции ее развития и считаю ее победу на выборах явлением временным. Моим главным доводом является крайнее разложение в руководстве ЛДП. Углубление коррупции, неспособность к очищению своих рядов — разве можно с их помощью вернуть доверие избирателей? «Возврата консерваторов» быть не может — таков мой прогноз, такова и моя надежда. И это не только надежда. Это, в частности, доказывается падением числа голосов, получаемых ЛДП на парламентских выборах. ЛДП и раньше не раз получала

менее 50% голосов избнрателей. И хотя на прошедших выборах положение нзменилось к лучшему, нередки случаи, когда на ее стороне оказывается менее 40% голосов избирателей. На местиых выборах — выборах губериаторов н мэров — в крупиейших городах ЛДП иа ныиешнем этапе ие только ие может одержать победу в одиночку, ио и испытывает затруднеиия при выдвижеиии собственных канднлатов.

Почему же тем ие меиее продолжаются разговоры о «возврате коисерваторов»?

Во-первых, это связаио с дальиейшей плюрализацией политических партий. Правящая Либеральио-демократическая партня — одиа, а оппозициониых — сразу шесть: СПЯ, Комэйто, Партня демократического социализма (ПДС), Коммуиистическая партня Япоиии (КПЯ) и возиикшие недавио Новый либеральиый клуб (НЛК) и Союз социал-демократов. Сопериичество между ними, естествеиио, на пользу ЛДП.

Во-вторых, либеральиым демократам помогает иесбалансированиость фиксироваиного числа депутатов по различиым округам. ЛДП всеми силами сопротивляется его измеиеиию, а еслн и уступает соответствующнм, весьма решительиым требоваииям, то... в стороиу обеспечеиия своего представительства. Поэтому, например, если сравинть первый округ префектуры Тиба с префектурой Тоттори илн пятым округом префектуры Хёго, то окажется, что соотиошение голосов, иеобходимых для избраиия в палату представителей, составляет 3:1, а в палату советников — 5:1. Можно ли отрнцать, что это

тоже помогает ЛДП удерживать ведущие позиции?

В-третьих, ЛДП использует поддержку партий «среднего пути». Наиболее показательными в этом отношении явились общенациональные выборы в местные органы власти в 1979 году, в частности выборы губернатора Токио, наглядно продемонстрировавшие, что партии «среднего пути» полностью стали на сторону ЛДП. В настоящее время они служат подпоркой для ЛДП, идущей по пути неуклонного упадка.

Нынешняя расстановка политических сил создает впечатление, что «возврат консерваторов» уже произошел. И действительно, если исходить из того, что силы «среднего пути», до недавнего времени причислявшие себя к прогрессивному лагерю, теперь показали свое истинное лицо и перешли на сторону консерваторов, то в целом получается, что консерваторы как будто вернули себе прежнее влияние. Тем не менее лично я все же не склонен окончательно сбрасывать со счетов силы «среднего пути», потому что мы сможем повести их за собой, если нас будет больше, и мы сами станем сильнее.

В-четвертых, это несомненный застой в наших собственных рядах. Не знаю, следует ли говорить в этой связи только об одной СПЯ или о блоке СПЯ — Сохио в целом, но уступка позиций этими организациями — самая существенная особенность.

Я всегда считал, что СПЯ и Сохио связаны общностью судеб, и по этой причине не могу безучастно следить за спадом профсоюзного движения, руководимого Сохио. По

состоянию одной из организаций всегда можно было судить о другой: когда СПЯ переживала упадок, то спад наблюдался в профсоюзном движении, олицетворяемом Сохио. Так или иначе, в нашем движении очевидны отлив и застой, что создает впечатление, будто консерваторы вновь на подъеме. И если раньше мы длительное время вели за собой силы «среднего пути», то теперь утратили и это: они оказались на стороне противника в качестве его приспешников, мы же, сложа руки, за этим спокойно наблюдаем.

Отмечая столь разнохарактерные факторы, я подчеркивал, что «возврата консерваторов», и особенно возрождения ЛДП, не происходит. Что же нас ждет в будущем, если укрепления прогрессивных сил, способных сменить либеральных демократов, также не наблюдается? Это вселяет тревогу, ибо грозит фашизацией, усиливает опасность возрождения довоенных порядков. В этой связи, говоря до конца откровенно, можно добавить, что если бы консервативные силы могли вновь завоевать доверие народа, то на определенное время отпала бы угроза фашизма. Власти чувствовали бы себя достаточно уверенно и при нынешней конституции, в условиях парламентской демократии. Напротив, если вернуть прежнее влияние окажется затруднительно, положение приобретет опасный оборот, и тогда Япония неизбежно окажется перед тем, что произошло в Южной Корее: чтобы удержаться у власти, консерваторы перестанут стесняться в средствах.

Я настойчиво повторяю тезис о возможно-

сти возврата довоенных порядков потому, что, как говорилось в начале книги, в политическом мире Японии наблюдаются глубокие разногласия. Отсюда недоверие народа к политике, неверие в возможность что-либо изменить. В некоторых слоях населения считается, что дела обстоят не так уж плохо: стала же в конце концов известна правда о таких скандальных делах, как «дело Локхид», «дело Грумман» или «дело Дуглас». Мне кажется, это неверно, так как в каждом из этих случаев разоблачения были сделаны американской стороной, а это *очень* важно.

В июне 1979 года, принимая участие в симпозиуме, организованном газетой «Асахи», я дискутировал по этому вопросу с занимавшим до этого пост генерального прокурора Японии Камия. Я говорил ему, что не только сама ЛДП утратила способность к «самоочищению», но и вся структура власти, включая прокуратуру и полицию, больше не способна «очищать» политику.

«Дело Локхид», «дело Грумман», «дело Дуглас» — все разоблачения были предприняты американцами, и японская прокуратура занималась этими делами вынужденно. А раз так, то следует беспокоиться не только и не просто о проблеме «самоочищения», поскольку поворот событий означает, что США держат за горло политических деятелей ЛДП. Надо ли говорить, насколько это серьезно?! Во всяком случае, не будет ошибкой считать, что отношения между деятелями Либерально-демократической партии и правящими кругами США носят опасный характер: американская сторона при желании

всегда может предать гласности то или другое дело о коррупции, шантажируя тем самым политиканов из ЛДП.

Когда все это я высказал Камия, он промолчал в отношении разоблачений, так как отвечать ему было невыгодно, и согласился с выводами, сказав: «Вы совершенно правы, это очень опасно».

Недоверие со стороны народа растет, его доверие к политике подорвано, и его трудно восстановить, кто же воспользуется такой ситуацией? Я подчеркиваю это для того, чтобы об этом знала вся Япония.

Довоенный милитаризм тоже не возник сразу. Нельзя сказать, что, проснувшись однажды утром, мы обнаружили, что военщина держит в руках политику, экономику, образование, культуру — одним словом, все кряду. В военных кругах на свой лад готовились к определенным мерам и предпринимали усилия, постепенно сосредоточивая власть в своих руках. В результате был создан безупречный образчик милитаризма. Широко известны методы, какими действовали милитаристы: я имею в виду события 15 мая и 26 февраля *. «Молодые офицеры» силой вывели своих подчиненных, захватили резиденцию премьер-министра, убили его, а также министра финансов.

* Речь идет о событиях 1932 и 1936 годов. 15 мая 1932 года и 26 февраля 1936 года в Токио произошли выступления групп офицеров, принадлежавших к военно-фашистским организациям. Во время путчей было убито несколько государственных деятелей. Путчи были подавлены, однако с этого времени заметно возросло влияние военщины на правительство и его политику.

Подобные «выступления» придавали военщине новые силы. Противиться им значило рисковать жизнью. И люди перестали говорить то, что сказать следовало бы, политики стали трусливы. Такова конкретная причина, открывшая путь милитаризму.

Здесь хотелось бы копнуть глубже... Следует сказать о том, как реагировали в Японии на события 15 мая и 26 февраля. К сожалению, погибшим политическим деятелям не сочувствовали, а «молодым офицерам», совершившим убийство, даже аплодировали. Такая реакция общественного мнения, в частности, объясняет, почему лишь спустя несколько дней «молодых офицеров», участвовавших в акции 26 февраля, заклеймили как мятежников. До того их называли не иначе, как «отряд благородных рыцарей».

Когда офицер юридической службы, выполнявший в трибунале функции прокурора, потребовал для «молодых офицеров» смертной казни, со всех концов Японии посыпались протесты: как можно предавать смерти людей, действовавших из чувства патриотизма! Когда приговор вынесли, оказалось, что к смертной казни приговорено значительно меньше офицеров, чем этого требовал «прокурор». Офицеры, получившие различные сроки наказания, не отбыли их полностью, а большинство из них было направлено в Маньчжурию.

Я считаю, что здесь кроется самая суть проблемы: почему рядовые японцы не испытывали сострадания к убитым политическим деятелям и приветствовали «молодых офицеров»? Ответ следует искать в коррупции по-

литнческого мира, во-первых, н, во-вторых, — в иищете.

Итак, тогда былн политическая коррупция н обинщание, а кто может сказать, что их не существует сегодня? Разумеется, в иаши дии обнищанне и по форме и по содержанию отличается от того, которое было в те времена. Точнее, видимо, было бы говорить о беззаконин, о разрыве в уровие обеспечеиности, о иеравенстве, ио в том, что касается полнтической коррупции, между иашимн днямн и предвоенной эпохой различий нет.

В иастоящее время средства массовой коммуннкацин всячески как последнюю моду рекламируют отказ от поддержкн полнтическнх партий. Не озиачает лн это, что в условнях парламеитской демократин не существует партии, которую можно было бы поддержать, или иалицо полиый распад партийиой снстемы, кризнс всей парламеитской демократни?

Если же говорнть: «Все онн — н те н другие — одннм мнром мазаиы», илн: «Партин, которую я хотел бы поддерживать, ие существует!», нлн: «Не все ли равио, кто стоит у власти», то, руководствуясь этнм, можно прийти только к одиому, а имеино к фашнзму.

В настоящее время правящнй класс неспособеи к самостоятельному очищенню своих рядов. В свое время в Новом либеральном клубе, формируя партию, заявляли: «ЛДП неспособиа к самоочищеиию». Это справедливо. Деятели НЛК остро ощутнлн это еще тогда, когда сами состояли в рядах ЛДП. Невозможио представить себе, чтобы ЛДП в ее иынешнем виде добилась «возврата»,

понимая под этим восстановление доверия народа к этой партии. Я бы сказал больше. Именно потому, что сами они об этом знают, они больше не брезгуют какими бы то ни было средствами, чтобы удержать власть. И... вступают на путь фашизма.

Именно это я имею в виду, когда говорю, что «возврат консерваторов» невозможен... Однако нельзя рассчитывать и на рост прогрессивных сил. Вывод: возросла опасность возвращения довоенных порядков. В связи с этим на ближайшее время нашей первейшей задачей должно быть «очищение» политики, а также устранение разрыва в уровне обеспеченности граждан, ликвидация их неравенства.

Когда, не задумываясь, мы говорим о «консерваторах» или «прогрессивных силах», отдаем ли мы себе отчет в истинных критериях, разграничивающих в настоящее время эти понятия? Разумеется, нетрудно видеть в правящей партии консерваторов, а в партиях оппозиции — прогрессивные силы. Говоря серьезно, надо, по-видимому, исходить из того, что прогрессивные силы — это силы, ориентирующиеся на социализм, а консерваторы — это те, кто всячески хочет сохранить существующую систему. Однако теперь и такое размежевание вызывает определенные возражения. По моим представлениям, в данный момент прогрессивными силами можно называть всех тех, кто хочет защитить конституцию, а консерваторами — людей, попирающих действующую конституцию, стремящихся ее выхолостить, а при случае и пересмотреть для того, чтобы вер-

нуться к конституции Мэйдзи. Выявление этих различий, с одной стороны, облегчает анализ нынешней обстановки, а с другой, — расчищает нам поле для нанесения контрударов.

Верно, что сегодня силы сторонников конституции отступили, а сама конституция подвергается искажению. Особенно заметны эти сдвиги среди тех, кого называют представителями сил «среднего пути»: постепенно они стали отходить от проблемы защиты конституции, в особенности ее статьи 9, провозгласившей курс на безоговорочный мир. Иными словами, к давно существующей групировке приверженцев пересмотра конституции присоединилась группировка так называемого «среднего пути», и в результате произошло относительное сокращение сил защитников действующей конституции. Более того, в настоящий момент нас очень беспокоит такой вопрос: а не сказываются ли эти тенденции и в нашем лагере? Я вновь и вновь возвращаюсь к мысли, что нам следует перестроить ряды сторонников конституции. В противном случае нам не избежать серьезной опасности.

Защита конституции и бесконтрольность «сил самообороны»

Спад активности прогрессивных сил, активности сторонников конституции и процесс выхолащивания конституции — вещи прямо пропорциональные.

Подъем прогрессивных сил, на мой взгляд, достиг апогея в связи с движением против

«договора безопасности» в 1960 году. С того времени медленно происходил спад и одновременно резко обозначилось нарастание процесса искажения конституции, ее выхолащивания.

Почему это стало возможным?

Я не могу отделаться от мысли, что из развернувшегося в 1960 году движения против «договора безопасности» наши противники извлекли больше уроков, чем мы сами. Тогда мы несколько почили на лаврах, а между тем власти, сделав из событий 1960 года вывод, приложили максимум усилий, чтобы преодолеть свои слабые стороны. Результаты этого различного отношения к событиям 1960 года сказываются и по сей день.

Какие же изменения произошли после 1960 года? В каком направлении предпринимались усилия со стороны властей?

В первую очередь следует назвать изменения в отношении к конституции и усиление влияния военных. Приведу конкретный пример. В 1960 году, когда мы были вовлечены в организацию борьбы против «договора безопасности», я каждый раз, когда бывал свободен, проходил всю Канду — улицу книжных магазинов. Книг на военную тему почти не было, и вопрос приходилось изучать самостоятельно. Это, в частности, значило, что в жизнь последовательно проводились положения статьи 9 конституции, и не было стремления разбираться в военных делах. Но посмотрите, что произошло потом. Начиная с 1970 года книги по военным вопросам продаются на каждом шагу.

Теперь их издается так много, что только просмотреть каждую — и то невозможно. Притупилось ощущение того, что для Японии наличие вооруженных сил является нарушением конституции. Более того, даже в наших рядах определенная часть людей готова при соответствующих обстоятельствах примириться с существованием «сил самообороны» как со «свершившимся фактом».

Крайним проявлением выхолащивания конституции является нарушение именно статьи 9. Заявление Курису с этой точки зрения является типичным вызовом в адрес не одного, а ряда правительств консерваторов. Курису напрямик заявил, что глупо, как это делают некоторые, утверждать, будто существуют наступательное и оборонительное оружие и будто владеть наступательным оружием нельзя, а оборонительным можно. Концепция «исключительной обороны» — это детище правительств консерваторов: Курису не мог не знать, что она значит, когда делал свое вызвавшее шумиху заявление. Поскольку его за это никто не пожурил, он пошел дальше и стал говорить о необходимости, введения «чрезвычайного законодательства». При этом в качестве аргумента он ссылался на необходимость противостоять внезапному нападению: мол, если не будет «чрезвычайного законодательства», то командование передовых соединений будет вынуждено принимать решение и действовать, «невзирая на установленный законом порядок». Правительство на этот раз не выдержало и приняло его заявление об отставке. Официальное распоряжение о

необходимости разработки «чрезвычайного законодательства» вскоре после его заявления было сделано премьер-министром Фукудой, а кабинеты Охиры и Судзуки продолжили этот курс.

В связи с этим можно ли не сказать, что «люди в военной форме» резко усилили свое влияние? Конечно, и до заявления Курису военные выступали с критическими заявлениями по поводу проводимой политики, но они позволяли себе это, лишь сняв военную форму, то есть уйдя в отставку. Однако после выступления Курису они стали высказываться по таким вопросам, не дожидаясь отставки. Наиболее типичным с этой точки зрения является сделанное в 1979 году заявление начальника штаба сухопутных сил Нагано о перспективах разработки планов обороны и его же заявление о необходимости проведения совместных учений сухопутных «сил самообороны» с морской пехотой США. Первым, кто заговорил о привлечении японских «сил самообороны» к учениям «Римпак», был начальник штаба ВМС Японии. Помни эти люди о существовании конституции, они должны были бы знать, что беспрецедентное участие в совместных боевых учениях с Канадой, Австралией, Новой Зеландией и другими странами требует предварительного решения на правительственном уровне... А получилось, что первым об участии Японии в этих учениях сообщил начальник штаба ВМС. Политических руководителей Японии, можно сказать, просто-напросто игнорировали!

Дальнейший ход событий, завершившийся

отставкой начальника УНО Куботы, как бы недвусмысленно говорил о том, что японскому народу, видимо, придется примириться с тем, что военные систематически игнорируют политическое руководство страной. На соответствующий запрос в парламенте Кубота был даже не в состоянии дать какой-либо вразумительный ответ. Кроме Куботы, есть и другие никудышные политики, из них-то и подбирают кандидатов на пост начальника УНО, желая, по-видимому, показать, что проблемы обороны не являются самыми важными, что незачем толковать и о важности гражданского контроля и т. п.

Чтобы осуществлять гражданский контроль, политический деятель должен обладать достаточным авторитетом и способностями, в противном случае это пустой номер. Случай с Куботой продемонстрировал полное отсутствие этих необходимых качеств у начальника УНО. Военные, конечно, будут отдавать честь и начальнику, не имеющему ни авторитета, ни способностей, однако в душе они будут над ним смеяться, если тем более он будет постоянно принимать взятки в связи с закупкой военных самолетов. Совершенно очевидно, что в такой обстановке голос военных звучит все сильнее. Сколько бы ни повторялись как заклинание слова «гражданский контроль», само по себе это не приведет к каким-либо результатам. Контроль практически уже не действует по кадровым вопросам. Существует видимость того, что гражданский контроль кое-как удается осуществлять на последнем этапе — при составлении бюджета, однако

с 1981 года, когда расходы на оборону получили особый статус, эффективность и этой формы контроля стала очень сомнительной.

«Оборонный бюджет» Японии в настоящее время составляется таким образом, чтобы он не выходил за пределы 1% ВНП. Рано или поздно он обязательно перевалит уровень 1%. Когда же начнется производство таких самолетов, как F-15, Р-3С, Е-2С, и оснащение ими «сил самообороны», а расходы по ним с 1981 года включены в бюджет, военные расходы, вне всякого сомнения, превысят 1% валового национального продукта. Стоимость этой техники очень высока: каждый самолет по существующим сейчас ценам обходится от 7200 до 8600 миллионов иен, на заключительном этапе их освоения стоимость каждого из них, несомненно, превысит 10 миллиардов иен. Если расходы по производству 123 самолетов F-15 и 45 самолетов Р-3С будут включены в бюджет, то оборонные расходы, естественно, резко возрастут. А когда они превысят 1% ВНП, удержать их дальнейший рост уже будет невозможно. Это все равно, что выпустить заем для покрытия бюджетного дефицита: стоит только допустить его выпуск, как дефицит начинает расти неограниченно. Таким образом, остается искать выход только в одном направлении — укреплении сил сторонников конституции, наращивании сопротивления опасной активизации приверженцев пересмотра конституции. Мы не можем рассчитывать ни на кадры, ни на бюджетные ограничения, ни на авторитет и способности политических деятелей — круг

сузился, нас окружили почти со всех сторон.

Что же еще предпримут «люди в военной форме»? Я думаю, что пришло время, когда начнется проникновение в аппарат различных министерств. Близок момент, когда станут выдвигать требования: такого-то назначить начальником отдела, а такого-то — директором департамента УНО. В политике некомпетентность — факт общеизвестный. В течение долгого времени она компенсировалась квалифицированной работой аппарата. Такое положение вызывает недовольство военных, и они говорят: если гражданский контроль — это господство политики над военными делами, то в Японии это просто контроль со стороны гражданских чиновников. В сговоре с определенными политическими деятелями они стали выталкивать из аппарата слишком придирчивых «бюрократов». Это возымело свое действие, влияние гражданского аппарата стало ослабевать.

В Японии политики по своей природе не обладают способностью к осуществлению контроля. Уровень работы аппарата, который восполнял этот недостаток, за последние годы резко снизился. Не может не беспокоить такой вариант, когда начнут говорить, будто аппарат ненадежен и поэтому надо привлечь для работы в аппарате способных военных (как это и было в прошлом). И действительно, до и во время войны различные департаменты в военном и военно-морском министерствах возглавляли военные. Сейчас тоже можно облачить в военную

форму начальников отделов и директоров департаментов — дело в том, что пока Закон о силах самообороны утверждался, из него исключили соответствующий параграф, запрещающий это делать. Так уже возник вопрос о присутствии на заседаниях парламента военных, не снявших формы. Какие бы доводы при этом ни приводились, ясно одно — гражданскому чиновнику делать в парламенте запрос — занятие бесполезное.

Я не склонен соглашаться с присутствием военных чинов на заседаниях парламента и считаю, что это увеличивает опасность их проникновения в аппарат.

Есть ли у кого-нибудь сомнения, что в последние годы влияние военных сильно возросло?!

Усиление административной власти, изменения в системе просвещения и средствах массовой коммуникации

Развитие общественной жизни в Японии свидетельствует о том, что приоритетом все чаще и чаще пользуются органы административной власти. Создалось такое положение, которое вызывает вопрос, не совершился ли переход законодательных и правовых органов в подчинение к административной власти? Обратимся к практике, сложившейся в правовых органах. Судей Верховного суда в Японии подбирает и назначает кабинет министров. Когда какая-то одна партия на протяжении многих лет сохраняет власть в своих руках (пример — кабинет Эйсаку Сато), то фактически весь состав

Верховного суда оказывается заполненным судьями, находящимися под влиянием этого кабинета. Это позволяет одно за другим отменять прежние решения демократического характера. Без преувеличений можно сказать, что в период правления Сато почти все ранее принятые по инициативе профсоюзов постановления были пересмотрены.

Параллельно осуществляется и дальнейшее урезывание роли законодательных учреждений. Весьма наглядно это проявляется в вопросах процедуры, например в сокращении продолжительности дебатов. Если вспомнить времена выступлений против «договора безопасности» (1960 год), то тогда продолжительность дебатов в тесном смысле этого слова никак не ограничивалась. В то время я состоял в специальной комиссии парламента по вопросам «договора безопасности». С февраля по май 1960 года мы вели продолжительные дебаты: правящая партия навязала парламенту ускоренное голосование. Сейчас это даже трудно представить, но я, один выступал с запросом, который длился три дня. Это было в мае, на заключительном этапе... Приходилось нелегко. Сейчас, однако, вспоминая об этом, я сам удивляюсь — как это мне одному было позволено говорить в течение трех дней! Кроме того, уже и не помню, сколько часов без перерыва задавались уточняющие вопросы. Тогда в парламенте еще считалось, что он является форумом для обсуждения тех или иных проблем, и, если кого-то из депутатов что-либо интересует, пусть задает

свои вопросы обстоятельно: свободу слова ограничивали не слишком. Теперь времена изменились, и как только устанавливается дата сессии, назначается общий лимит времени для запросов, который распределяется между партиями. Каждый депутат может выступить лишь в пределах указанного регламента. Учитывая ограничение времени, чтобы избежать действительной дискуссии, отвечающим достаточно, не останавливаясь, повторять одно и то же. Так, на примере сокращения продолжительности дебатов можно убедиться в том, насколько сильно изменилось содержание работы законодательных органов.

Уже давно было отмечено, что комиссии парламента превратились в своего рода представительства административных учреждений. В настоящее время эта тенденция еще более усилилась.

Это также очень важно в социальном отношении, ибо означает, что в стране фактически правят высокопоставленные чиновники. В связи с этим необходимы определенные меры, позволяющие ограничить произвол в кадровых вопросах, а также практику автоматического выдвижения кандидатами в депутаты чиновников, вышедших в отставку. Решать эти проблемы следует в комплексе с вопросом о продлении существующего ныне предельного срока государственной службы.

Очевидное каждому японцу усиление полицейской власти составляет один из внушающих беспокойство факторов социальной действительности. По большому счету это

вопрос о соблюдении в Японии основных прав человека.

В связи с этим бросаются в глаза изменения, происшедшие в техническом оснащении мобильных полицейских частей, и методы, которыми ныне отправляется полицейская служба. Надо заметить, что в последнее время полиция оснащается наравне с армией как ее самостоятельное подразделение. У меня особое чувство неприязни вызывает личный обыск. И дело здесь не в том, что с ним приходится мириться в связи с имеющими место случаями угона самолетов. Пугает другое, а именно: люди свыкаются с тем, что полицейским дозволено ощупывать на них одежду. И вот, когда развернулась борьба против захода в порт атомохода «Муцу» и в Сасэбо съехались люди со всей страны, обыск участников демонстрации был предпринят на вокзале, прямо на платформе. Теперь обыски устраивают не только в аэропортах...

Постепенно люди привыкают и к «арестам по другому делу». Если обратиться к судебной практике, то поражает, что в последнее время именно эта форма ареста применяется исключительно широко. Возмутительно и то, что в некоторых случаях арест производят по обвинению в нарушении закона о мелких уголовных преступлениях. Это тоже перестает восприниматься как нечто из ряда вон выходящее. Иными словами, прибегая к подобного рода методам, полиция может арестовать кого угодно и когда угодно.

Распространение практики «ареста по

другому делу» означает не что иное, как подрыв основных прав человека. Люди перестали сомневаться в правомерности таких арестов, и это вселяет ужас. По-видимому, такой настрой создает атмосферу, когда министр юстиции может себе позволить говорить о «наказаниях за нарушение общественного спокойствия». Это очень серьезно, надо любыми средствами сорвать осуществление этого намерения на практике.

Следует отметить также факт усиления реакционных тенденций в системе образования. Приведу конкретный пример. В 1960 году, перед тем как развернулась кампания борьбы против «договора безопасности», меня очень часто приглашали в университеты с просьбой провести беседу об этом договоре. Я побывал почти во всех университетах Токио и ближайших к нему городов, где подробно рассказывал о том, что такое «договор безопасности» и какие намерения кроются за стремлением правительства его пересмотреть. Широко известно, как горячо откликались тогда студенты на наши призывы, между нами и студентами возникла своего рода солидарность. Теперь ничего подобного нет, и в университеты нас больше почти не приглашают. В те времена считалось, что почти все новые избиратели голосуют за прогрессивные силы. Ныне молодые люди степенно отвечают, что поддерживают ЛДП... Вот каких успехов добились наши власти. В учебных заведениях больше не услышишь критики существующего строя. Выше я уже говорил, что в свое время премьер-министр Фукуда в программной

речи сокрушался по поводу нынешней молодежи, которую заботит одно — «лишь бы иметь побольше денег да побольше вещей, лишь бы ему самому было хорошо». Слушая его, я думал, зачем прикидываться: ведь таких людей вы воспитываете сами!

Как в наших школах обстоит дело с воспитанием? Не получается ли так, что ученики живут лишь одной целью — поступить в следующее, наиболее престижное учебное заведение? Коль скоро это так, то воспитанием это не назовешь. Как можно иметь друзей, когда все они твои конкуренты! Их не оттолкнешь — сам не попадешь в хорошую школу! Это и есть то, что называется отсутствием подлинного воспитания, никчемностью просвещения. Но для наших правителей это большой успех.

Куда делись времена, когда молодые избиратели единодушно поддерживали прогрессивные силы? Теперь они в лучшем случае представляют собой аполитичную прослойку, не поддерживающую ни одну из партий. Для приверженцев существующего строя лучше и быть не может! Обжегшись на кампании против «договора безопасности» в 1960 году, они всерьез взялись за систему просвещения и, как мне кажется, добились многого.

Нам в связи с этим обязательно нужно восстановить прежнюю солидарность со студенчеством!

Значительные изменения претерпели и средства массовой коммуникации. Об этом нет необходимости говорить много. Когда я

сравниваю первую половину моей долгой депутатской жизни со второй, первое, что приходится отметить, — это перемену в газетных аншлагах. До событий 1960 года, когда я был еще депутатом-новичком, наши острые критические выступления в парламенте подавались газетами под крупными заголовками. После кампании 1960 года все изменилось. Крупными заголовками стали снабжать то, что́ нам на запросы ответили. Этим сказано все. Включите любой канал телепередач, и вы получите более чем достаточно свидетельств, чтобы в этом убедиться! Тогда, в 1960 году, во время кампании против «договора безопасности» наши противники поняли, что им предстоит полностью привлечь на свою сторону средства массовой коммуникации. Для этого они пошли на все и добились желаемого.

Выше я коснулся тех характерных различий, которые пролегли между периодом до 1960 года и нынешним временем. В сопоставлении с усилиями, которые предпринимались властями, прошедший период мы не могли бы заполнить ничем, кроме вакуума; это был, если можно так сказать, слишком затянувшийся период крушения надежд.

Спад в лагере прогрессивных сил и его причины

Одной из основных причин, приведших к отступлению прогрессивных сил (то есть сил, выступающих в защиту конституции) и повлиявших на общее отношение к конституции, нельзя не назвать депрессию. Боль-

шинство рабочих в условиях депрессии поставлено перед выбором — либо занятость, либо повышение зарплаты. Рабочие смирились с тем, что зарплата повышаться не будет, поскольку остаться без работы значило бы потерять все. Благодаря этому бухгалтерские книги крупных компаний стали регулярно фиксировать поступление баснословных прибылей. Если спросить, как им удается наживаться в условиях депрессии, ответ прост — производство велось при меньших затратах. Рост зарплаты сдерживали, а рабочих увольняли. Так или иначе, все шло так, как того хотели компании. На протяжении нескольких лет кряду «весенняя борьба» трудящихся заканчивалась поражением. Если вовремя не принять мер, эта тенденция будет развиваться и дальше: на высокие темпы развития производства рассчитывать не приходится. Учитывая тот факт, что Япония вступает в период низких или нулевых, а при той или иной ошибке и минусовых темпов развития экономики, следует, основываясь на прошлом опыте, предпринять самые срочные меры, в противном случае дальнейшего отступления прогрессивных сил и в этой области избежать не удастся.

Как известно, при низких темпах развития экономики зарплата трудящихся не растет, а условия их труда неуклонно ухудшаются. И тут надежды порождает военное производство: оно не требует забот о себестоимости и не связано с конкуренцией.

Крупные предприниматели заявляют без обиняков — позвольте нам делать оружие,

разрешите его вывоз. Однако и рабочие, пусть в других выражениях, тоже стали высказываться в том духе, что, мол, невооруженный нейтралитет — бессмыслица, что без армии государство не может быть независимым и т. п. Короче говоря, они не прочь производить военные корабли, пушки, ракеты, чтобы предупредить ухудшение условий труда и сохранить свои рабочие места.

Я родился в городе, который с давних пор был связан с военным производством; там местные жители весьма хладнокровно говорят о том, что надо строить военные корабли, а те, кто стесняется об этом говорить прямо, заявляют, что... невооруженный нейтралитет — это бессмыслица. Изобретателем этих заявлений является Партия демократического социализма, опирающаяся на частные предприятия. Нельзя упускать из виду и то обстоятельство, что, в то время как мы поднимали дискуссию по вопросам обеспечения безопасности и проблемам обороны, представители ПДС вели разговор о более близких требованиях, связанных с повседневной жизнью населения.

Такэо Фукуда, будучи премьер-министром, заявил в одной из речей, что нынешнюю депрессию можно сравнить с депрессией 30-х годов. Слышать это и не содрогнуться от ужаса нельзя, потому что хорошо известно, какой путь, чтобы пережить депрессию, избрал тогда правящий класс. Хорошо известно и то, что за этим последовало расширение военного производства, наращивание военной мощи, нападение на страны материка. Первая часть моей жизни — детство,

отрочество и юность — прошла именно в те времена. Тогда тоже началось с депрессии, дальше были маньчжурские события, «шанхайский инцидент», японо-китайская война (тогда ее называли «китайским инцидентом») и, наконец, большая война на Тихом океане.

Когда говорят, что сложившаяся коньюнктура не позволяет быть разборчивым и надо производить оружие и вообще что угодно, это значит, что нам предлагают вновь вступить на путь, который в прошлом был уже пройден. Даже если бы расширение военного производства помогло временно преодолеть депрессию, рано или поздно наступило бы насыщение рынка, и тогда пришлось бы либо каким-то образом использовать произведенную военную продукцию, либо сокращать производство. Массовое потребление оружия — это и есть война, только иными словами. Нельзя допустить, чтобы нас, пусть даже по недомыслию, вновь толкнули на этот бесперспективный и очень опасный путь.

Требование о производстве оружия, окрепнув, перерастает в требование разрешить его экспорт. Дело обстоит так: если производить вооружение только для японских «сил самообороны», то масштабы производства будут ограниченны, а себестоимость продукции высока. Вывоз вооружения расширяет масштабы производства и снижает себестоимость его продукции. Таким образом, требование производить оружие неизбежно порождает требование разрешить его экспорт.

Когда даже рабочие готовы примириться с этим, лишь бы прокормиться, неизбежно идет спад движения сторонников конституции. Поскольку труднее всего приходится рядовым гражданам, то главной задачей становится оказание им помощи. Именно этой задаче следует уделять особое внимание. Существует много проблем — и усиление влияния военных, и перерождение оппозиционных партий, и т. д. и т. п., но прежде всего следует повернуться лицом к тем вопросам, которые возникают в результате депрессии и низких темпов развития экономики. Иными словами, это проблема занятости. Поэтому, в частности, надо усилить борьбу против рационализации, за создание рабочих мест.

Бесспорно, далее, что одной из причин спада в движении прогрессивных сил является изменение международной обстановки. Можно привести следующие три характерные черты современной международной обстановки. К отступлению прогрессивных сил прямое отношение имеют две из них.

Первая — пропаганда, направленная на ослабление авторитета стран социализма. В прессе шумят о том, что социалистические страны ведут борьбу между собой, что не сегодня-завтра между ними могут вспыхнуть военные действия. Масштабы отрицательного воздействия этой шумихи трудно даже представить.

Вторая — изменение позиции Китая. «Даже Китай признает необходимость сил самообороны!» «Даже Китай признает договор безопасности!» Как часто приходится это

слышать, как часто это используют против нас! Изменение позиции Китая серьезно сказывается на обстановке в лагере прогрессивных сил.

Третья — изменение глобальной стратегии США.

Среди стран социализма действительно наблюдается несогласованность. Более того, нарушена формула «социалистическое содружество — это сила мира». Однако, если вдуматься, эти явления, эти резко отрицательные для нас факторы не могут существовать слишком долго. Я считаю это преходящим заблуждением. Факты свидетельствуют о том, что число стран социализма всегда росло, но никогда не сокращалось. Число их будет расти и впредь. В связи с этим общий интерес представляет будущее китайско-советских противоречий.

Здесь возможны три варианта.

Первый вариант — отвечающий устремлениям монополистов США, Японии и Западной Европы — возвращение Китая к капитализму. Можно предположить, что, оказывая Китаю всяческую помощь, в странах Запада лелеют мечту о возвращении Китая в стан капитализма. Я лично считаю такую перспективу абсолютно нереальной.

Второй — также устраивающий правящие круги указанных стран — решительное столкновение между Китаем и СССР, которое привело бы к взаимному уничтожению обеих стран. Я убежден, что этого также не произойдет.

Если эти два варианта представляются нереальными, остается одно — рано или

поздно Китай и СССР придут к примирению. Я не знаю, через сколько лет это произойдет, но в данный момент эти две страны находятся на совершенно различных этапах социалистического развития, велика и разница в уровне жизни народа этих стран. По мере того как разрыв будет сокращаться, будут исчезать противоречия и станет возможным примирение. Думаю, что именно этот вариант более всего страшит монополии США и Японии. Примирение Китая и Советского Союза означало бы достижение единства социалистических стран вообще. Не надо объяснять, сколь важное значение такой исход имел бы для Японии. Наступления такого времени больше всего и боится господствующий класс Японии, который всеми силами старается предотвратить или хотя бы отдалить его. Он стремится к этому и в этих целях прибегает к самым разнообразным средствам. Думается, что господствующий класс Японии прокладывает путь к фашизму именно для того, чтобы удержать власть, когда этот момент наступит.

Какова суть пути, которым сейчас идет Чон Ду Хван и в свое время пытались идти Пак Чжон Хи или Нгуен Ван Тхиеу? Это неразборчивость в средствах для удержания власти в своих руках. И никакой демократии. Вероятность того, что японские монополии пойдут таким путем, очень велика. Сможем ли мы помешать им, зависит только от одного — от того, каковы будут впредь наши силы. Мы обязаны предотвратить подобный исход. Озабоченность по пово-

ду фашизации страны вызывается усиливающимся в последнее время наращиванием военной мощи Японии, в частности усилением влияния военных, и одновременным утверждением военного блока, в который входят Япония, США и Южная Корея.

Я хотел бы, чтобы были уяснены два момента. Прежде всего — вопрос об отношении населения Японии к конституции. Согласно результатам опроса общественного мнения (проведенного, правда, правительством), 86% японцев не видит ничего плохого в существовании нынешних «сил самообороны». Во время дискуссии, проводившейся телекомпанией Эн-ейч-кэй, мне задали вопрос: «Что Вы думаете по поводу результатов данного опроса?» Я ответил, что проведенный правительством опрос не вызывает доверия, но, учитывая национальную черту японцев, слабо сопротивляющихся свершившимся фактам, и обходя молчанием вопрос о том, действительно ли таково мнение 86% японцев, я не отрицаю сам факт усиления настроений в пользу того, что нынешний уровень «сил самообороны» не представляет опасности. Я также попросил не забывать о том, что «силы самообороны» остаются пока на существующем уровне лишь благодаря Социалистической партии Японии, решительно отстаивающей тезис о неконституционности «сил самообороны».

Не только ПДС, но и партия Комэйто считает, что и «договор безопасности» и «силы самообороны» в их нынешнем виде не вызывают возражений, и при этом не забывают добавить, что и Китай тоже так счи-

тает. У меня зреет подозрение, что, к большому сожалению, и в нашем лагере появляются люди, разделяющие эти иллюзии.

Что же произойдет, если и СПЯ перейдет на такие позиции? Будет ли сделан вывод о том, что раз и СПЯ признает конституционность «договора безопасности» и «сил самообороны», то можно ничего не предпринимать в отношении действующей конституции? Это очень важно. Но, думаю, случится не это. Нам непременно поторопятся сказать: коль скоро вы признаете конституционность «договора безопасности» и «сил самообороны», то давайте пересмотрим конституцию и официально закрепим это признание. И тогда будет поздно говорить, что речь шла вовсе не об этом. Теоретически, умозрительно можно себе представить такой исход, но откуда, после того как мы признаем «договор безопасности» и «силы самообороны», будет черпать энергию движение против пересмотра конституции?

Поскольку США требуют от правительства ЛДП создания такого военного союза между двумя странами, в котором обязательства сторон носили бы последовательно взаимный характер, правительству ЛДП остается одно — пересмотреть конституцию при первой же возможности.

Я думаю, что 80-е годы будут свидетелями того, как вопрос о пересмотре конституции встанет на повестку дня конкретно.

«Слабое звено» для приверженцев пересмотра и путь обеспечения безопасности

Теперь о том, в каком направлении, на мой взгляд, наши противники будут действовать в поисках «слабого звена»: они очень заботятся о том, чтобы к пересмотру конституции найти самый короткий путь.

Одним из таких путей является принятие «чрезвычайного законодательства». Говоря военным языком, здесь осуществить прорыв легче всего. Другой — введение системы мелких избирательных округов, что потребовало бы определенных усилий. И наконец, еще один путь, в каком-то смысле самый легкий, — добиться перерождения СПЯ, тем самым избавиться от лозунга невооруженного нейтралитета и одновременно покончить с движением в защиту конституции.

Поскольку речь зашла о перерождении партий оппозиции, необходимо отметить, что в политическом соглашении между партией Комэйто и ПДС содержится нечто, что заставляет говорить о преобладании позиций ПДС. Что касается соглашения между СПЯ и Комэйто, было бы неправильно говорить о перерождении. В одиночку признавать «силы самообороны» и «договор безопасности» Комэйто не хочет, так как стремится сделать это вместе с СПЯ.

Стоит только СПЯ отказаться от концепции невооруженного нейтралитета, одобрить существование «сил самообороны» и «договора безопасности», как вопрос о пере-

смотре конституции немедленно встанет на повестку дня: согласие СПЯ — это поддержка двух третей голосов в парламенте и половины — на референдуме. Не удивительно, что этот путь считается наиболее желательным, и наши противники, в случае удачи, хотели бы пойти именно по нему.

Путем менее легким было бы принятие «чрезвычайного законодательства». Хотя и может показаться, что этот вопрос с повестки дня пока снят, на самом деле наши политические оппоненты только и ждут случая, чтобы вновь выдвинуть это предложение. Введение «чрезвычайного законодательства» тем не менее не вызвало бы особых затруднений, так как здесь одно тянет за собой другое. Это очевидно на примере партии Комэйто: признав необходимость вооруженных сил, она не могла не пойти на признание необходимости «чрезвычайного законодательства». Разве не было бы просто глупо говорить, с одной стороны, о потребности в армии, организации противодействия вооруженными силами и т. п., а с другой — заявлять, что в «чрезвычайном законодательстве» необходимости нет. «Упорядочить» законы для обеспечения более эффективных действий армии при «чрезвычайных обстоятельствах», выработать новые или пересмотреть старые законы, предусматривающие тотальную мобилизацию всей страны для поддержания армии, — разве не логично, не вполне естественно согласиться со всем этим, признав необходимость вооружения страны? Партия Комэйто попалась на эту удочку и сначала, как известно,

высказалась в пользу «чрезвычайного законодательства».

Между тем в рамках действующей конституции введение «чрезвычайного законодательства» неосуществимо, и, выступив за «чрезвычайное законодательство», никто не сможет отвертеться от пересмотра конституции. И тогда будет поздно говорить о том, что в виду имели не это — обратного пути не будет. Скорее всего, наши противники считают такой вариант наиболее легким. Они, очевидно, исходят из того, что разжигание националистических настроений крайне правого толка, а также внушение мысли о приемлемости «сил самообороны» и «договора безопасности» должны подготовить плацдарм для прорыва с помощью «чрезвычайного законодательства».

Еще один путь — введение мелких избирательных округов, предложение, которое наши противники готовы вновь вытащить на свет в любой момент, как только мы утратим бдительность. Осуществления своего предложения они могли бы добиться насильственным путем и тем самым обеспечить себе две трети голосов в парламенте, но у них не было бы гарантии одержать верх во время общенационального референдума. Скорее всего, этот путь в их списке занимает последнее, третье место.

Итак, трансформация блока СПЯ—Сохио изнутри, введение «чрезвычайного законодательства» и, наконец, деление избирательных округов.

Когда начали обсуждать предложение о разработке «чрезвычайного законодательства», меня весьма удивило, что на этот трюк тут же поддалась партия Комэйто и что средства массовой коммуникации поначалу тоже отнеслись к нему благожелательно. Однако пресса, радио и телевидение вскоре охладели к нему, поскольку в палате советников правительство не стало скрывать своих намерений и заявило, что «закон об охране тайны необходим и будет распространяться на всех граждан». И эта реакция тоже не может не показаться странной. По-моему, закон об охране тайны — это точка отсчета в «чрезвычайном законодательстве»: как можно принимать правильные меры в условиях «чрезвычайных обстоятельств», если тайна не будет соблюдаться? Поскольку в прошлый раз сторонники пересмотра конституции споткнулись на законе об охране тайны, теперь в первую очередь они выдвинули именно это предложение. Думаю, что шпиономания, всякие там «дела» о шпионах были состряпаны только для того, чтобы добиться положительного отношения со стороны японцев к необходимости этого закона.

Стоит только СПЯ отступиться, как никто не постесняется пересмотреть конституцию, как немедленно появятся гарантии и двух третей голосов в парламенте и большинства — во время референдума. Поэтому-то нашу партию и подвергают всевозможным нападкам, надеясь либо разгромить ее, либо сделать более сговорчивой.

Скажу прямо, нынешняя ситуация не вну-

шает мне доверия, и я сомневаюсь, что удалось бы сохранить демократию, согласившись с пересмотром конституции. Поэтому сейчас нельзя быть уступчивым. Пусть нас обвиняют в неумном упрямстве — конституцию все равно нужно отстоять, в частности статью 9, в противном случае мы дадим в руки наших противников искомое «слабое звено». Поэтому следует с бо́льшим доверием отнестись к политике невооруженного нейтралитета, внутренне связанной с действующей конституцией.

Как же укрепить доверие к правильности наших позиций?

Прежде всего следует сказать прямо, что каких-либо абсолютных гарантий полной безопасности не существует. Нет такого пути, избрав который, мы могли бы сказать: теперь Япония в абсолютной безопасности. Когда речь идет об обеспечении безопасности, все относительно; можно говорить лишь о том, какой путь предпочтительнее. Не более того.

Если исходить из предположения, что нам действительно необходимы вооруженные силы, то, занимая третье место в мире по величине валового национального продукта, Япония могла бы иметь и третью по мощи армию. Я уверен, что так бы оно и случилось. В истории никогда еще не было так, чтобы экономически мощная страна не становилась великой военной державой. Военная мощь — это, так сказать, отражение мощи экономической.

Предположим, что мы создали третью по счету армию в мире. Сможем ли мы, опи-

раясь на ее мощь, защитить Японию? Не лучше ли не рассчитывать на военную силу, а дружить со всеми странами, обеспечивая безопасность собственной страны путем установления дружественных отношений, без мучительной дилеммы — нападать первому или подвергнуться нападению?

Вот к чему мы призываем.

Нам возражают, утверждая, что собственными силами Японии защититься невозможно, что именно поэтому необходимо заключение военного союза с Соединенными Штатами и получение от них помощи. Возникает, правда, сомнение, а можно ли быть уверенным в том, что США придут к нам на помощь? Опросы общественного мнения дают удивляющий их инициаторов ответ — многие японцы считают, что на помощь США особенно рассчитывать не приходится.

Что такое «безопасность и мир на Дальнем Востоке»!

После провозглашения «доктрины Никсона» в глобальной стратегии США произошел поворот от прежней стратегии «двухсполовинной войны», к стратегии «полуторной войны». Практически это означало, что отныне США не намерены проливать кровь своих парней на Азиатском континенте. Во всяком случае, США больше не хотели вести там сухопутную войну. Вслед за провозглашением этой доктрины американские вооруженные силы покинули Вьетнам и Таиланд. В течение 1979 года были выведены американские воинские подразделения

с Тайваня. Картер, выдвинув свою кандидатуру в президенты США, публично пообещал американскому народу в течение пяти лет вывести войска США из Южной Кореи. Так, США стали постепенно оттягивать свои воинские подразделения из Азии.

С протестами против вывода войск США из Южной Кореи выступила Япония. Она заявила, что безопасность Южной Кореи — это безопасность Японии, что это затрагивает Японию непосредственно, и поэтому она против вывода войск США из Южной Кореи. И тогда США предъявили Японии давно заготовленное требование — укрепить боевую мощь «сил самообороны» и взять на себя ответственность по выполнению ряда военных задач. Впрочем, США готовы ждать, пока японские «силы самообороны» будут в состоянии «компенсировать» уход американских войск. Соответствующая договоренность легла в основу подписанных 7 ноября 1978 года «Руководящих принципов японо-американского сотрудничества в области обороны». С этого времени частым явлением стали совместные боевые учения войск США и Японии, США и Южной Кореи. Согласно действующей конституции, Япония не может участвовать в том или ином трехстороннем военном союзе с США и Южной Кореей. Однако благодаря активному посредничеству США смыкание американо-южнокорейского договора о взаимной обороне и помощи и японо-американского «договора безопасности» закладывает базу для формирования системы трехстороннего союза.

Чтобы способствовать наращиванию «сил самообороны», в Японии была развернута разнузданная антисоветская кампания. В газетах, по радио и телевидению нам без конца твердили: «Советский Союз ведет себя более чем возмутительно: он не только оккупировал северные территории, но и строит там базы и проводит сухопутные учения». Аншлагами газеты давали заведомую ложь: «К Японии приблизился авианесущий корабль «Минск», «Советский Союз наверняка уже разместил в районе Дальнего Востока бомбардировщики типа «Бэкфайер» и ракеты СС-20». Эта широкая пропагандистская кампания преследовала цель — убедить население Японии в необходимости наращивания собственной военной мощи. Каждый раз, когда приходится слышать эти антисоветские измышления, невольно вспоминаются предвоенные выкрики об «англо-американских дьяволах» и «окружении A.B.C.D.». Причина ясна — если заблаговременно не навязывать людям мысль о противнике, трудно убедить их в необходимости подготовки к войне. И в прошлом и теперь пользуются одними и теми же методами.

Кому формирование военного союза между Японией, США и Южной Кореей не напоминает «Антикоминтерновский пакт», заключенный между фашистской Германией, Японией и Италией? Замыслы одни!

Наша страна шаг за шагом приближается к опасной черте, и в этом мы должны отдавать себе полный отчет. Когда я говорю о возрождении довоенных времен, то имею в виду именно это: нас постепенно тя-

нут к порядкам, существовавшим до 15 августа 1945 года. Планы введения «чрезвычайного законодательства», реабилитация изданных императором «Рескрипта об образовании» и «Рескрипта о военнослужащих», официальные визиты премьера и других министров в храм Ясукуни, подчеркивающие их стремление передать его под опеку государства, — все это до 15 августа 1945 года, когда кончилась война на Тихом океане, уже было, и все это было запрещено одновременно с принятием мирной конституции. И теперь все возрождается!

В совместном заявлении премьер-министра Охиры и президента Картера есть фраза о том, что Япония «будет нести посильную ответственность по поддержанию безопасности и мира в районе Дальнего Востока». Подчеркиваю — не в интересах безопасности Японии, а «в интересах безопасности и мира в районе Дальнего Востока»! Поскольку говорят о Дальнем Востоке, то понятно, что речь идет в данный момент о резко возросшей напряженности на Корейском полуострове, в Южной Корее. Это значит, что Япония с США договорились выполнять посильные обязанности в интересах стабильности на Корейском полуострове. Читая это совместное заявление, я вспомнил одну песенку, которую мы распевали в юношеские годы: «Разве жалко жизнь отдать ради мира на Востоке!» Тогда нас заставили воевать не ради обороны своей страны — на Японию никто не нападал, агрессию совершила она сама. А нас погнали на фронт под лозунгами: «Создадим сферу сопроцве-

тания Великой Восточной Азии!», «Сражайся за мир на Востоке!», «Отдай жизнь за императора!». Чем же отличается от них сегодняшний лозунг: «Нести посильную ответственность по поддержанию безопасности и мира в районе Дальнего Востока»?

Договоренности, отраженные в этом совместном заявлении, были затем официально подтверждены в «Белой книге по вопросам обороны» (1980 год). В ней говорится: «Было вновь подтверждено, что японо-американский договор безопасности не только с точки зрения обороны Японии, но и как одна из международно-политических систем в районе Дальнего Востока вносит большой вклад в поддержание мира и безопасности в этом районе». Но вот в чем закавыка: официально эти договоренности были подтверждены в 1980 году, а уже в 1978 году было начато их конкретное воплощение. Я имею в виду не раз упоминавшиеся «Руководящие принципы японо-американского сотрудничества в области обороны», принятые в ноябре 1978 года.

«Руководящие принципы» состоят из преамбулы и трех разделов: «Готовность к предотвращению агрессии», «Ответные действия в случае вооруженного нападения на Японию» и «Сотрудничество между Японией и США в связи с ситуацией, возникшей в районе Дальнего Востока и способной оказать воздействие на безопасность Японии». В разработке «Принципов» УНО представлял секретариат Объединенного комитета начальников штабов, США — штаб американских войск в Японии, участвовали

также штабы сухопутных сил, ВМС и ВВС обеих стран. Фактом является и учащение совместных учений Японии и США. Таким образом, японо-американский «договор безопасности» как по духу, так и на деле приобрел по-настоящему взаимный характер. Выявилась его суть как военного союза между двумя странами. Стало также очевидным, что это не столько договор, по которому США должны спешить на помощь Японии в случае, если последняя подвергнется нападению, сколько договор, заложивший очень большую вероятность того, что японцев погонят на поддержку США в конфликте или войне, в которые ввяжутся США. За примером недалеко ходить. В связи с войной в Корее большую помощь со стороны США получила Южная Корея. В результате, как только США развязали агрессивную войну во Вьетнаме, туда были направлены южнокорейские войска. Это было проделано как нечто само собой разумеющееся, хотя Южная Корея, казалось, не имела к этой войне никакого отношения. Южнокорейские соединения понесли большие потери. Таков по своей природе военный союз. В наши дни вызывает недоумение, почему министерство иностранных дел Японии занято поисками возможности как-то обосновать использование подразделений «сил самообороны» за пределами страны. Если бы в тот период влияние движения в защиту конституции, главным образом СПЯ, было бы менее значительным, соединения японских «сил самообороны» наравне с южнокорейскими воинскими частями были бы

направлены во Вьетнам, и тоже понесли бы значительные потери, а в Японии прибавилось бы вдов и сирот.

Повторяю, собственными вооруженными силами Японии себя не защитить. Нам в ответ говорят — значит, в тяжелую минуту надо опираться на помощь США. Но тогда нельзя забывать и о том, что Япония не сможет остаться в стороне, когда разразится война, в которой будут участвовать США. Формулировка совместного заявления о посильной ответственности Японии в поддержании безопасности и мира в районе Дальнего Востока не может не означать, что Япония в таком случае безучастной не останется.

В пользу этого говорят и включенные в «Руководящие принципы японо-американского сотрудничества в области обороны» слова о «сотрудничестве между Японией и США в связи с ситуацией, возникшей в районе Дальнего Востока и способной оказать воздействие на безопасность Японии», и все чаще проводимые совместные военные учения вооруженных сил Японии и США, США и Южной Кореи.

Итак, если вдуматься в происходящее, то становится совершенно очевидно, что нас упорно тянут назад, к временам до 15 августа 1945 года.

Несомненно также, что это свидетельствует об отступлении наших сил.

Проявления милитаризма и возможность ядерной войны

Когда прервалась моя работа на ответственном посту генерального секретаря СПЯ, после очень длительного перерыва я смог вернуться к себе на родину и побывать в местных низовых организациях нашей партии. Меня поразило, что по сравнению с обстановкой на тамошних предприятиях 10—15 лет назад, атмосфера резко изменилась — контроль администрации принял крайне жесткий характер. Наступление предпринимателей на положение трудящихся в связи с кампанией по рационализации и повышению производительности труда разворачивается по классическим образцам. Мне рассказывали, что на некоторых предприятиях дело доходит до того, что секундомером замеряют время, которое рабочий находится в туалете. Чем больше эти люди кричат о «свободе» и «свободном мире», тем эффективней они ограничивают действительную свободу. Почему же свобода попирается на предприятиях, где существуют профсоюзы и где, казалось бы, права человека должны соблюдаться? Происходит это, бесспорно, потому, что нет единства рабочих. Я имею в виду так называемые «вторые профсоюзы». Мы постоянно имеем дело с сообщениями о том, что растет число рабочих, не вступающих в профсоюзы лишь потому, что на предприятии профсоюз находится в состоянии раскола. Здесь, как нигде зримо, передо мной предстала причина отступления нашего лагеря.

Сопротивляться властям, протестовать против их курса и политики в ряде случаев связано с риском для жизни. В довоенной Японии огрызнуться на замечание представителя властей значило немедленно угодить в тюрьму. Это могло кончиться и смертью от пыток. Впрочем, к чему вспоминать довоенную Японию, достаточно обратить взор к соседней Южной Корее. Эта страна — реально существующий пример, как за критику властей бросают в тюрьму.

Каждому свойственно дорожить жизнью, и никто риску подвергаться не хочет. Кроме того, такие высказывания мешают продвижению по службе. Именно этим и пользуются власти. «Вступай во «второй профсоюз», сделаем тебя начальником», — говорят они рабочему. Слабые поддаются. Что же будет, если слабыми окажутся все? Не успеем и опомниться, как ни свободы, ни демократии не будет и в помине. Я чувствую эту опасность потому, что ее внушает мне жизненный опыт с довоенных лет. Кто-то должен преодолеть себя. Все мы слабые люди, все склонны помнить о своих интересах, но мы обязаны одернуть себя и бороться, бороться, проявляя готовность принести себя в жертву. Здесь руководством и поддержкой являются наши убеждения и дисциплина организации.

Для меня принципы и убеждения — это то, что помогает бороться со своей слабостью, а порой и то, что выполняет роль своего рода внутреннего контролера. Есть люди, считающие, что лично для них необязательно вступать в Социалистическую пар-

тию. Возможно, это так. Но я хотел бы обратиться к ним с призывом сделать усилие. Надо, чтобы эти люди вели борьбу в рамках партийной дисциплины, в частности и для того, чтобы сохранять определенную идейность. Хотелось бы, чтобы они поняли: в противном случае нельзя будет защитить наши общие жизненные интересы, а мир и демократия окажутся в опасности. Надо сказать прямо следующее: когда это станет ясно всем, будет уже поздно — тогда будет поздно бороться, хотя бы мы этого и хотели.

Однажды лет десять назад левацки настроенные студенты опрокинули статую бога моря Ватацуми... Для нас, людей военного времени, это был символ антивоенного движения... Они накинули на нее канат, повалили, вымазали краской, пинали ее. Меня это возмутило. Возможно, для современных молодых людей статуя Ватацуми не более, чем идол, но для людей старшего поколения она связана с определенными взглядами. Она символизировала клятву бороться за мир. «Зачем было ее осквернять?» — думал я. Однако, выслушав их, я в какой-то степени успокоился. Они мне говорили: «Выходит, вы бросили учебу, взяли винтовки в руки и отправились воевать. Какая же это борьба против войны? Если вы были против войны, почему вы не отказались?» В свое оправдание мне хотелось сказать им: «Это сейчас можно так говорить, а тогда... Разве тогда можно было отказаться взять винтовки в руки? За одно критическое замечание о том, что Япония ведет несправедливую войну, человека бросали в тюрь-

му, там он мог умереть от пыток. Такая смерть не была бы бессмысленной, если бы было возможно, чтобы все японцы узнали, что такой-то студент боролся против войны до конца, за это он поплатился жизнью. Но в те времена об этом не узнали бы даже соседи». Но я не стал оправдываться, так как не знал, как ответить на другой вопрос: «Что вы делали до того, как наступило положение, когда нельзя было сказать, что война — ошибка?»

Тогда я не стал оправдываться, но в душе еще раз дал клятву, как и в день капитуляции Японии, что буду бороться за то, чтобы никогда больше не пришлось оправдываться.

Я заявляю еще раз — не думайте, что мы сможем подняться на борьбу тогда, когда всем станет ясно, что милитаризм утвердился. Тогда будет поздно. Такие тенденции, как фашизация и милитаризация, нужно пресекать в зародыше. За это надо вести борьбу!

Борьба против закона об охране тайны, против переоценки императорских рескриптов об образовании и о военнослужащих, борьба против перевода храма Ясукуни под опеку государства — все это борьба за то, чтобы пресечь милитаризм в зародыше. Несомненно, что и такая деятельность, как выступления в защиту неукоснительного соблюдения невооруженного нейтралитета, против «сил самообороны», являются в определенном смысле также и борьбой в защиту демократии.

Мы должны, как никогда раньше, прене-

политься поимания, что для того, чтобы человечество могло существовать и дальше, иеобходимо бороться за полиое разоружеие на междуиародиой арене, виутри страиы — за невооружеиный нейтралитет. Как бы ии было трудио, иельзя прекращать усилий по осуществлеиию этого идеала. Тот, кто объявляет наши позиции иереалистичиыми, должеи выдвииуть альтериативу. Нельзя же, в конце концов, исходить из того, что человек — существо иеразумиое, что ои обречен иа то, чтобы одиажды вновь развязать мировую войиу и погибнуть от ядериой бомбы! Мы, во всяком случае, ие имеем права с такими иастроеииями брать политическую власть в руки.

Я сказал, что иеобходимы усилия и для того, чтобы уберечь человечество от гибели, потому что глубоко озабочен тем, сможет ли оио существовать впредь. Как сообщается в газетах, запасы ядериых боезарядов иа Земле достигли 4 миллиоиов едииц, если за единицу расчета прииять атомиую бомбу, сброшеииую иа Хиросиму и Нагасаки. Даже по самым скромиым подсчетам, их ие меиьше миллиоиа. Вы, вероятно, знаете, что в докумеите, который имела с собой делегация иашей партии иа специальной сессии Геиеральиой Ассамблеи ООН по разоружению, количество ядериых боезарядов, главиым образом США и Советского Союза, исчислялось в 4 миллиоиа расчетиых едииц.

Существует миение, что через 2—3 часа после пуска ядерных ракет война закоичится, 70—80% городов и промышлениости в

США и Советском Союзе будут разрушены, погибнут сотни миллионов людей. Более того, будет разрушена озоновая сфера и поддержание жизни на Земле будет затруднено (журнал «Гэккан сякайто», август, 1980 год).

Поражает то, что людей, проявляющих завидное рвение в вопросе о наращивании ядерной мощи и при этом рассуждающих на тему о том, что́ следует предпринять, если такая-то страна совершит на Японию нападение, совершенно не тревожит угроза применения этих колоссальных запасов ядерного оружия! Я считаю, что если вероятность нападения на Японию составляет одну десятитысячную, то вероятность наступления катастрофы в результате применения ядерного оружия составляет одну тысячную или даже одну сотую. Как вам, по-видимому, известно, в Китае считают, что войны избежать нельзя и усердно роют убежища. Во всяком случае, мне кажется, что использование в войне ядерного оружия гораздо более вероятно, чем возможность нападения на Японию. Стоит об этом заговорить, как найдутся готовые возражения, что, мол, руководители ядерных держав не столь неумные люди, они-де не пойдут на применение ядерного оружия во избежание гибели всего человечества... Чувство тревоги не оставляет меня, поскольку я не испытываю полной уверенности в том, что ничто не послужит достаточным поводом, чтобы заставить нажать пусковые кнопки. Во-первых, человек по природе способен ошибиться. Во-вторых, в наше время не так уж трудно изготовить атомную бомбу.

По поводу первого момента... Как сообщалось, 3 июня 1980 года на сигнальном устройстве системы раннего оповещения штаба ПВО в г. Колорадо-Спрингс неожиданно загорелась красная лампочка. Через штаб стратегических ВВС в Омахе (штат Небраска) сигнал тревоги был немедленно передан на базы стратегических ВВС. Сигнал означал, что Советский Союз запустил межконтинентальные баллистические снаряды и ракеты с подводных лодок в сторону территории США. По сигналу тревоги свои места заняли пилоты стратегической бомбардировочной авиации, включили моторы, на ракетных базах командиры расчетов изготовились в ожидании приказа президента. С Гавайских островов в воздух поднялся беспилотный самолет службы обнаружения и наведения. Однако проверка сигнала через все средства обнаружения, включая спутник, ведущий наблюдение за территорией Советского Союза. показала, что никаких признаков запуска ракет не существовало. Это компьютерная система оповещения при североамериканском штабе ПВО выдала «шуточку»... Последовал отбой.

Такая же ложная тревога была объявлена в ноябре 1979 года, когда в воздух на перехват успели подняться десять самолетов-перехватчиков. Через три дня после первой тревоги 3 июня 1980 года, то есть 6 июня, вновь по ошибке был дан сигнал тревоги. Высказывалось даже мнение, что, если бы ошибку обнаружили минутой позже, «войну пусковых кнопок» предотвратить бы не удалось. Думаю, что и этих фактов достаточно,

чтобы понять значение первого момента — о возможности ошибки.

Соображения второго порядка заключаются в том, что в наше время способный студент-физик может довольно легко изготовить атомную бомбу. Так, в 1976 году один из студентов университета в Принстоне написал экзаменационную работу «Основы конструирования ядерной бомбы». Он получил за нее высший балл... и привел в смятение Пентагон. Оказалось, что, следуя рекомендациям этого студента, атомную бомбу можно действительно изготовить. Работу студента упрятали в один из сейфов Пентагона. Как я отметил, работа называлась «Основы конструирования ядерной бомбы», но меня больше привлек подзаголовок «Рассмотрение целей и возможностей террористической организации или развивающейся страны изготовить плутониевую бомбу». Я бы это изложил так. Да, конечно, руководители ядерных держав умудрены опытом, они не пойдут на то, чтобы «нажать кнопку» просто так, но вовсе не исключено, что они «нажмут кнопку» в порядке возмездия. Что, например, произойдет, если какая-нибудь террористическая организация, наподобие тех, которые угоняют самолеты, совершит налет на атомную электростанцию, завладеет плутонием, изготовит, а затем и применит атомную бомбу? Или: что случится, если одна из вовлеченных в конфликт африканских или ближневосточных стран поступит так же? Кто станет отрицать возможность перерастания подобного инцидента в мировую катастрофу? Если же вы считаете, что такого произойти не может,

я вам сам продемонстрирую, как легко и просто изготовить атомную бомбу. Таков ведь смысл подзаголовка?

Атомная бомба, которую можно изготовить по упомянутому рецепту, по мощи соответствовала бы трети бомбы, сброшенной на Хиросиму, и в то же время весила бы всего 57 кг, то есть была бы легче меня.

Еще больше поражает то, что расходы на изготовление такой бомбы составили бы в ценах того времени всего 2 тысячи долларов, что единственной трудностью является изыскание исходного материала — плутония. Нельзя забывать о том, в какое время мы живем: это время, когда, опираясь только на опубликованные материалы и не пользуясь никакими секретными данными, студент-физик способен изготовить атомную бомбу. И более того, спустя некоторое время мне попалась еще более поразительное сообщение: «Успех студента экономического факультета Гарвардского университета, сконструировавшего атомную бомбу». До этого я говорил, что атомную бомбу может сделать достигший определенного уровня знаний студент-техник, студент-физик, но теперь — я был просто поражен — бомбу сконструировал студент-экономист! Ему было 22 года, он все время проводил в библиотеках и написал работу объемом в четыреста страниц. Так вот, мы живем в такую эпоху, когда атомную бомбу может изготовить мало-мальски одаренный студент, необязательно физик.

Можно ли в наши дни быть уверенным в том, что применение ядерного оружия пол-

ностью исключено, независимо от того, как велики его запасы?

Чтобы выжить, мы должны добиться осуществления невооруженного нейтралитета в нашей стране, а на международной арене — полного разоружения. Добиться, невзирая ни на какие трудности!

Бороться за предотвращение пересмотра конституции необходимо именно теперь

В предыдущих разделах были затронуты различные проблемы. Из этого следует, что на 80-е годы накопилось очень много вопросов, которыми следует заниматься. Если бы можно было ограничить число стоящих перед нами задач, в своей борьбе мы сумели бы сосредоточить усилия на главной задаче. Именно с этой стороны я подходил к нашей главной задаче. Она заключается в том, чтобы предотвратить пересмотр конституции, о котором уже определенно было сказано в заявлениях генерального секретаря ЛДП Сакураути и министра юстиции Окуно.

Для этой борьбы в первую очередь необходимо перестроить нашу партию, добиться развертывания рабочего движения и нового сплочения оппозиционных партий и сил, стремящихся к обновлению.

Нашей ближайшей конкретной целью должна стать борьба за предотвращение роста военных расходов. Это одновременно и борьба против ухудшения благосостояния народа.

Борьба за принятие закона о гласности информации является и борьбой за предот-

вращение принятия закона об охране тайны и «чрезвычайного законодательства» в целом.

Для укрепления основ демократии необходима и важна также борьба за очищение политики, за ликвидацию неравенства, отмену наказаний под предлогом нарушения общественного спокойствия и ликвидацию таких судебных разбирательств, в которых не принимают участия адвокаты обвиняемых.

Нельзя допустить, чтобы погас факел движения против атомной и водородной бомбы, хотя это движение и обвиняют в том, что оно приняло «ритуальный» характер.

В отношениях с другими странами необходимо добиваться осуществления разоружения и расширения помощи нуждающимся странам.

Будучи первой страной в мире, подвергшейся атомной бомбардировке, обладая конституцией, провозглашающей отказ от вооружения, Япония, по моему убеждению, могла бы возглавить движение за разоружение. В этом — ее долг.

Я убежден, что, если бы Япония по собственной инициативе употребила колоссальные бюджетные средства, выделяемые в настоящее время на строительство военных кораблей и самолетов, для экономической помощи, для развития культурных связей или сокращения прибылей во внешней торговле, это неизмеримо повысило бы авторитет Японии и внесло бы неоценимый вклад в дело мира и безопасности во всем мире. Я убежден также, что именно такая позиция помогла бы установить отношения подлинной солидарности со странами «третьего мира».

Добиваться в ходе этой борьбы сплочения сил сторонников конституции, перестройки рядов движения в защиту конституции и тем самым срывать замыслы сторонников пересмотра конституции — вот в чем состоит наша задача на 80-е годы. Твердость в отстаивании невооруженного нейтралитета — это выраженный другими словами лозунг борьбы против пересмотра конституции.

ИДЕИ МИРА И БОРЬБА ЗА МИР

Сходство с обстановкой 30-х годов

Процесс усиления правых консервативных тенденций начался давно, но с приходом к власти кабинета Накасонэ ему был придан новый импульс, яснее выявилось его подлинное содержание. Без преувеличений можно сказать, что теперь этот процесс точнее охарактеризовать не как движение вправо, а как возврат вспять, к довоенным порядкам.

В августе 1945 года Япония потерпела поражение в войне, и мы, японцы, дали твердую клятву, что никогда впредь японский народ не будет вести войн. Мы приняли, по общему мнению, первую за всю историю конституцию, которая провозгласила отказ от обладания вооруженной силой, отказ от войны. Одновременно Япония впервые за две тысячи лет своего существования вступила на путь обновления в качестве демократического государства. Было отвергнуто все, что противоречит интересам мира и демократии, а существовавшие в то время учебники подверглись пересмотру, многое в них было вычищено. Теперь изменились времена, и то, что тогда было вычеркнуто, начинают постепенно восстанавливать. Как иначе, как не возвратом к довоенным порядкам, можно назвать подобные метаморфозы?

Для меня, как для человека, у которого пятнадцать лет детства, отрочества и юности пришлись на войну, все, что сейчас исподволь возвращается, является не чем иным, как однажды слышанным и много раз виденным.

Как неоднократно отмечалось, современная эпоха очень многим напоминает 30-е предвоенные годы. На мой взгляд, сходство с тем периодом можно проследить по четырем главным моментам.

Во-первых, неблагоприятная конъюнктура и, более того, спад экономического развития, наблюдаемые в общемировом масштабе. Разумеется, существует огромный разрыв между тем временем и настоящим моментом в количественных показателях, но никакого различия в качественном отношении провести нельзя — в том и другом случаях речь идет о перепроизводстве.

Во-вторых, это критическое состояние государственных финансов, вытекающее из депрессии. Положение крайне неблагоприятное, ибо задолженность по государственным займам приблизилась к концу 1982 года к 100 триллионам иен. В 30-е годы состояние финансов было совершенно аналогичным.

В-третьих, совпадение тенденций выявляется и в том, что, несмотря на бедственное состояние финансов, явное предпочтение отдается военным расходам, прилагаются настойчивые усилия к наращиванию военной мощи. Нельзя отрицать, что здесь скрывается стремление соответствующих монополий вырваться таким путем из тисков депрессии. Более того, подобную надежду разделяют и

рабочие. Когда финансы находятся на грани банкротства, а военный бюджет объявляется неприкосновенным, то изыскание средств оборачивается урезыванием ассигнований на социальное обеспечение и образование, ухудшением условий труда государственных служащих и работников других категорий, проведением рационализации и т. п. В повестку дня встал вопрос о платном медицинском обслуживании престарелых, о продлении сроков выплаты пенсий и др.

В-четвертых, недоверие к политике. В связи с коррупцией в политических кругах, процветанием несправедливости и беззакония с каждым днем утрачивается доверие к политическим партиям и политическим деятелям. Строго говоря, наибольшее сходство наблюдается именно в этом отношении, и, возможно, оно должно вызывать наибольшую тревогу.

Общеизвестно, что в 30-е годы переплетение этих четырех факторов привело к милитаризации и войне, длившейся пятнадцать лет. Не естественно ли в связи с этим тревожиться о том, что утверждение этих факторов в наши дни может привести к такой же роковой ошибке? Между тем некоторые называют подобное беспокойство «неврозом». Нам говорят, что в настоящее время определяющее значение имеет тот факт — и именно он принципиально отличает тот период от наших дней, — что мы, мол, теперь живем в условиях демократии. Значит, заключают они, даже если и складывается аналогичная тем временам обстановка, это не приведет к повторению прежних ошибок.

Но так ли это?

Действительно, как система демократия разработана в совершенстве. Но жива ли она и действительно ли функционирует? На этот вопрос мы вынуждены ответить отрицательно. Тем, кто уповает на демократию, достаточно задать вопрос, велико ли доверие к политическим кругам, по типу опросов: «Питаете ли вы доверие к политическим кругам: к политическим деятелям или политическим партиям?» Поскольку ответ будет отрицательным, то я хотел бы спросить, каков же смысл упований на демократию.

В процессе складывания образца милитаризма в Японии довоенных лет особое место отводится событиям 26 февраля 1936 года. Сразу за событиями, когда группа молодых офицеров заставила солдат покинуть казармы и штурмовать резиденцию премьер-министра, а затем убить многих политических деятелей, политические партии были распущены, а политические деятели перестали критиковать военщину, которая прибрала все к рукам. Почему стал возможен именно такой ход событий? Разве это не произошло из-за того недоверия, которое народ Японии питал к политическим кругам? Японцы не стали сочувствовать убитым деятелям, они аплодировали «молодым офицерам», совершившим эти преступления. Причина — недоверие к политическим кругам. Если согласиться, что именно такое отношение граждан к ходу событий способствовало утверждению милитаризма, то не честнее ли признать, что идентичная опасность существует и в настоящее время.

В наше время есть люди, которые очень легко соглашаются с тем, что, мол, действительно, уроки войны постепенно забываются, и большая часть нынешнего поколения не знает, что такое война, но можно ли с этим мириться? Нет, ни в коем случае!

Не успела закончиться эпоха Мэйдзи, как Япония, «не переводя дыхания», устремилась воевать и, не успев закончить одну войну, начинала другую. Результат известен — национальная катастрофа. Поражение в войне привело, наконец, к осознанию ее бессмысленности, к пониманию того, что есть только один путь — отказаться от войны, не владеть вооруженными силами, путь к конституции, призывающей к миру во всем мире, к тому, что впервые за всю свою историю страна почти 40 лет не участвует в военных конфликтах, добилась успехов в развитии экономики и уровне жизни народа. Допустимо ли отмахнуться от всего этого ссылкой на «забывчивость»?

Наш долг — настойчиво отстаивать свои убеждения, упорно вести разъяснительную работу. Как случилось, что мы допустили распространение настроений в пользу возврата к прошлому? Конечно, существуют объективные причины, приведшие к отступлению сил сторонников конституции, но главная причина — постепенный отход от клятвы, данной в день поражения, от первоосновы послевоенной демократии, то есть от принципов «безусловного мира» и «отказа от владения вооруженными силами». Пока многие страны, признавая «силы самообороны» как свершившийся факт, говорили о том, что

«вооружения, которыми владеет Япония сейчас, не опасны», японская армия вышла на седьмое место в мире. Факты свидетельствуют о том, что силы ее растут, военная мощь Японии наращивается, происходит превращение страны в военную державу.

Достаточно, однако, однажды признать необходимость армии («сил самообороны»), как она начнет непрерывно усиливаться, не останавливаясь на достигнутом уровне. Сколько можно, наконец, и серьезно ли говорить о том, что армия-де нам нужна, но она не должна быть слишком сильной, и ей нет необходимости владеть современным оружием! Столь нелепые рассуждения не поддержат в первую очередь военные.

Многие люди очень легко рассуждают о гражданском контроле, говорят, что качество и количество вооруженных сил можно тем или иным образом регулировать в соответствии с волей народа через его представителей — политических деятелей. Это, можно сказать, полная иллюзия! Особенно невозможно это в такой стране, как Япония, так как считается, что она расходует на военные цели гораздо меньше средств, чем другие союзники. В настоящее время наращивание военной мощи ни в коем случае не стоит относить только за счет давления со стороны США. У нас вооружаются исподволь, потихоньку, явно рассчитывая, что сопротивление ослабнет и спадет настороженность в Японии и за ее пределами.

Военная мощь государства в конечном счете пропорциональна его экономической мощи, и, если значительная часть народа признает

ее «необходимость», процесс вооружения не прекратится до тех пор, пока страна не превратится в четвертую, а, может быть, и третью военную державу в мире.

Так, Горо Такэда, председатель Объединенного комитета начальников штабов, уходя в отставку, в интервью одному из журналов заявил: «Оборонный бюджет в объеме 1% ВНП бесполезен. В нем была бы польза на уровне 3% ВНП». О каком гражданском контроле может идти речь, если подобный цинизм остался безнаказанным? А почему безнаказанным? Да потому, что «военным виднее».

Я повторяю, если наличие армии признано необходимым, то она — называйте ее «силами самообороны» или еще как-нибудь — неизбежно пойдет по пути саморазрастания.

И это не все. Если необходима армия, то необходимы и система воинской повинности, и закон об охране тайны, и система мобилизационной готовности государства, и контроль над экономикой... Скрытно шаг за шагом подготовка к этому ведется, поскольку идет изучение и разработка «чрезвычайного законодательства». Правильнее сказать, что подготовка «чрезвычайного законодательства» уже завершена. Остается решить вопрос о том, когда его предложат принять.

И на этом пути можно представить себе такую ситуацию, как решительное отступление Социалистической партии Японии, ее перерождение в партию типа ПДС, признающую «силы самообороны» и «договор безопасности». Другой вариант — заблаговре-

менно создать «чрезвычайное положение». Иными словами, не выдвигать свои проекты внесения поправок и их последующего законодательного утверждения, а сперва создать кризисную (военную, чрезвычайную) обстановку, а затем сразу представить в парламент огромное количество законопроектов с тем, чтобы добиться их утверждения в урезанные сроки. Такая перспектива нашла самое откровенное применение в «плане трех стрел», в котором прямо говорится о том, что в парламент будет представлено 87 законопроектов; сессия парламента, по их утверждению, не продлится больше двух недель, а возражения против законопроектов приниматься во внимание не будут.

У меня такое предчувствие, что недалек тот день, когда станут прибегать к оскорбительной брани в адрес тех, кто выступает против этих законопроектов. Вновь начинают входить в обращение такие слова, как «отщепенец», «внутренний враг», «предатель»! В мои юные годы эти окрики мы слышали бессчетное число раз, и нужны ли к ним комментарии?

Что такое японо-американский военный союз

Я говорил уже, что если признать, что армия нужна, то нужны и воинская повинность, и «чрезвычайное законодательство». Аналогично этому, если признать «договор безопасности», то естественно считать его как оборонительным, так и наступательным союзом. Нельзя же всерьез принимать рассуждения

о том, что США придут на помощь Японии в случае нападения, а Япония-де избежит военных действий, войны, где бы США их ни вели. Возможно, США могли смотреть сквозь пальцы на подобный неприкрытый эгоизм Японии, когда они упивались своим военным превосходством. Однако США были существенно потрепаны во вьетнамской войне, заметно уменьшился их потенциал, утрачено и относительное военное преимущество, и теперь они больше не могут спокойно взирать на ту роль, которую играет Япония. Именно поэтому США упорно требуют наращивания военной мощи Японии. Более того, не ограничиваясь этим, они продолжают настаивать, что в случае вступления Соединенных Штатов в войну к ним должны будут присоединиться японские «силы самообороны». Требование США было официально принято Японией в 1981 году, когда в совместном заявлении Судзуки и Рейгана было впервые прямо зафиксировано, что Япония и США состоят в союзнических отношениях. Разве это не очевидно?

После опубликования совместного заявления постоянный характер приобрела разработка совместных боевых операций; регулярно проводятся двусторонние военные учения. Примером подобного рода служит серия разработок на случай «чрезвычайного положения» на Дальнем Востоке, а точнее, на случай, когда США сочтут его таковым, охватывающих формы сотрудничества «сил самообороны» с США, то есть на случай, когда США развяжут войну против какого-либо государства этого района. Проведение этих

подготовительных работ, на мой взгляд, является логичным в свете вышеизложенных фактов о японо-американских отношениях.

Раз речь идет о том, что США должны вступиться за Японию, если она подвергнется нападению, то и Япония, естественно, обязана сотрудничать с США и помогать им, когда войну начнут они. Это очевидно и на примере нашего соседа Южной Кореи. Южная Корея пользовалась прямой помощью со стороны США во время войны в Корее, когда же США развязали войну против Вьетнама, она послала туда свои войска и воевала на стороне США. Это была плата за помощь в период войны в Корее: такова суть военного союза. Тот факт, что японские «силы самообороны» так и не были направлены ни в Корею, ни во Вьетнам, непосредственно связан с тем влиянием, которым в то время пользовались сторонники конституции в Японии, прежде всего СПЯ. Надо сказать, что если наше отступление и перерождение в наших рядах будут продолжаться, нам не удастся предотвратить вмешательство «сил самообороны» в конфликты, о которых говорилось выше, и использование «сил самообороны» вне пределов Японии.

Не следует сбрасывать со счетов и вариант «упреждения чрезвычайных обстоятельств», подготовка к которому проводится неизменно. В 1982 году на заседании бюджетной комиссии я сделал запрос о содержании разработок на случай «чрезвычайного положения на Дальнем Востоке». Первый из моих вопросов был сформулиро-

ван следующим образом: «Может ли произойти так, что силы самообороны будут эскортировать американские суда и корабли в случае, если США начнут войну с каким-либо из государств района?» Тогда представитель правительства заявил: «Этого произойти не может. Такого рода акция несовместима с применением права на самооборону и явилась бы нарушением конституции».

Однако, несмотря на признание на словах неконституционности подобной акции, в действительности японские боевые корабли уже отрабатывали вариант эскортирования мобильных частей США (это был авианосец) и поддержки высадки десанта морской пехоты во время военных учений «Римпак». Если такие акции применяться не будут, для чего же проводить учения? Если же во время маневров отрабатывается то, что в дальнейшем в обход конституции будет осуществляться на практике, то каковы аргументы, способные их оправдать?

Вторым я задал следующий вопрос: «По-видимому, после того как США развяжут войну против какого-либо из государств, японские суда будут перевозить американские стратегические материалы. Используют ли японские силы самообороны свое право на самооборону и дадут ли немедленный отпор противнику США, если указанный противник обнаружит соответствующее японское судно и совершит на него нападение?» Как ни странно, премьер-министр Судзуки ответил: «Да, это будет именно так». На мою реплику, что «в таком случае Япония

окажется втянутой в войну, которую будут вести США», Судзуки не возражал: «Вы совершенно правы».

Из этого обмена вопросами и ответами создается четкое представление о том, что и как рисуется в их воображении. Раз нападению подвергнется японское судно, то вступление в боевые действия «сил самообороны» уже не будет неконституционным актом — вот тот конкретный способ, с помощью которого Япония примкнет к США в случае войны.

Остается повторить еще раз: лишено всякого смысла и нелепо любое рассуждение о том, что «США придут на помощь Японии, если на нее будет совершено нападение, но Япония не будет иметь отношения к войне, которую будут вести США». Именно так следует понимать позицию Рейгана в переговорах с Судзуки, и не иначе воспринял ее и последний. Их взаимопонимание было во всеуслышание выражено в форме совместного заявления, в котором японо-американские отношения были охарактеризованы как «союзнические». К этому шаг за шагом и ведется подготовка. О каких же предварительных консультациях при таких обстоятельствах может идти речь?

«Не допускать непосредственного вступления в военные операции воинских подразделений Соединенных Штатов, дислоцированных на военных базах на территории Японии, так как это означает вовлечение Японии в войну». «Отказывать американским кораблям и самолетам с ядерным оружием на борту в праве использовать япон-

ские порты и аэродромы». Осуществимы ли подобные односторонние претензии со стороны Японии, если одновременно она просит США прийти к ней на помощь в случае «чрезвычайных обстоятельств»? Многие склонны верить этому. Делают вид, что верят. Но на каком основании? Мы видели, что это невозможно! А если это так, то необходимо критиковать власти, протестовать против этих нелепостей, бороться с ними.

Сказать, что пора примириться с «договором безопасности» и «силами самообороны», — значит отказаться от борьбы. Это значит не что иное, как понимать их неконституционность, но молчать об этом и таким образом отказываться от борьбы. Этим-то и пользуются японские власти, этим пользуется японский правящий класс. Они верят, убеждают себя в том, что достаточно поставить нас перед свершившимся фактом, и мы будем вынуждены согласиться с ними, именно такое убеждение и привело их к выбору варианта «упреждение чрезвычайных обстоятельств».

Не следует ли в первую очередь обратить внимание на тенденцию отказа от борьбы? Ведь среди рабочих, в особенности в профсоюзах частных предприятий, все громче звучат голоса тех, кто считает, что «пора бы и кончать, быть реалистами». А может быть, бросить борьбу — это самый легкий путь?

Настроения типа: «С депрессией ничего не поделаешь; мы не выдержим дальнейшей интенсификации», ведут не к борьбе, а к готовности производить все, что угодно:

и пушки, и военные корабли, и танки, и истребители, и ракеты. Капиталисты стремятся к увеличению военных расходов и наращиванию военной мощи потому, что таков смысл их жизни. Если даже не говорить о том, что они стремятся защитить существующий строй, нет лучшего источника обогащения, чем военные заказы. И чем больше военный бюджет, тем крупнее прибыли...

В своей алчности предприниматели не довольствуются достигнутым, им мало прибылей, которые они извлекают, вооружая «силы самообороны». Они одержимы желанием продавать. При этом они даже не прочь подтолкнуть к войне какую-нибудь страну. Надо ли удивляться, что заправилы финансовой олигархии призывают к увеличению военных расходов, к наращиванию вооружений? Они просто-напросто излагают свои подлинные цели.

Нельзя, однако, молчать, когда среди рабочих начинают поговаривать: «Мы не выдержим дальнейшей интенсификации». Или: «Не до жиру — быть бы живу». И наконец: «Давайте строить военные корабли, танки, истребители». Пусть так говорят даже сами рабочие, все равно с этим соглашаться нельзя. Недопустимо отступать и перед теми, кто прямо не призывает к увеличению военных расходов и изготовлению оружия, но предпочитает говорить о том, что-де «невооруженный нейтралитет — это нелепость».

Я не раз говорил о том, что, с тех пор как Япония вступила на путь капиталистического развития, она каждые десять лет вела войну. Почему же теперь, когда, по-

знав горечь поражения, мы поклялись более не вступать в войны и не иметь армии, мы приняли мирную конституцию и уже около сорока лет не участвуем в войнах, когда мы достигли высокого экономического развития и определенного уровня жизни, почему теперь мы должны отказаться от нашей клятвы?!

Хочу обратить ваше внимание на то, что США, у которых нет ни такой, как у нас, конституции, ни движения сторонников конституции, постоянно ведут войны, как делала это Япония в прошлом. Мне, по-видимому, возразят, что, мол, войны в Корее и Вьетнаме были «малыми» войнами. Однако, когда рассматривается связь между капитализмом и войнами, речь идет не о сопоставлении тех или иных охваченных боевыми операциями территорий. Достаточно привести данные о количестве использованных вооружений и боеприпасов. За время войны во Вьетнаме на территорию этой многострадальной страны было сброшено втрое больше авиабомб, чем на протяжении всей войны на Тихом океане. Поэтому-то США и утратили свое безусловное превосходство в национальных ресурсах и военной мощи.

Хотя способность забывать и свойственна человеку от природы, нельзя, чтобы забывчивость проявляли рабочие, ведь в жертву войне в первую очередь будут принесены именно они.

Безопасность Японии невозможно обеспечить силой оружия. Я всегда утверждал и утверждаю теперь, что невозможно обеспечить абсолютную безопасность страны. Нуж-

но выбирать, по какому из двух путей идти: защищать страну с помощью оружия или защищать ее, устанавливая дружественные отношения со всеми странами, добиваясь устранения взаимного недоверия и ликвидируя основу для тревоги, совершать нападение или подвергнуться ему. Мы всегда считали, что второй путь предпочтительнее.

Самый реалистический путь — отказаться от вооружений

Я глубоко убежден в том, что именно те, кто говорит о нереалистичности политики невооруженного нейтралитета, сами занимают нереалистические позиции. В памяти еще свежо воспоминание об осени 1981 года, когда президент Рейган и другие руководители США заявляли о возможности ведения ограниченной ядерной войны в Европе. Эти заявления вызвали бурное возмущение населения европейских стран, и по всей Европе прокатилась волна протеста против ядерного оружия.

Почему же люди, отказывающиеся верить в то, что никакая страна не совершит противозаконного нападения на нашу страну, если мы и сами будем стремиться к дружбе и сотрудничеству, так легко верят тому, что ядерное оружие ни при каких обстоятельствах применено не будет? Для чего же его изготовляют в столь огромных количествах? Разве однажды в Хиросиме и Нагасаки уже не применили атомную бомбу?

Существует лишь одна возможность продлить существование человечества: это —

всеобщее и полное разоружение на международной арене, а у нас в стране — проведение политики невооруженного нейтралитета. Выбирать не приходится, и дело это, конечно, нелегкое. Само собой разумеется поэтому, что приход СПЯ к власти не может немедленно привести к достижению указанных целей. В таком случае СПЯ должна будет прежде всего придать конкретность внешней политике мира и нейтралитета. Так, в один присест вряд ли возможно сократить численность «сил самообороны» или расторгнуть «договор безопасности» с США в связи с тем, что ныне правящая ЛДП до последнего дня своего пребывания у власти будет поддерживать военный союз с США и проводить враждебную политику по отношению к Советскому Союзу. Народ Японии не освободится от чувства беспокойства и не пойдет на такие меры до тех пор, пока не будут улучшены отношения прежде всего с Советским Союзом хотя бы в той же мере, в какой к настоящему времени улучшены отношения с Китаем. Я хочу заявить, что мы отдаем себе полный отчет в этом вопросе и, когда действительно придем к власти, будем действовать с максимальной реалистичностью. Проблема в другом, а именно: оппозиционные партии, ссылаясь на реализм, уже сейчас близки к тому, чтобы прекратить сопротивление и отказаться от борьбы.

Рассуждать о борьбе, естественно, не очень сложно, но совсем не просто бороться по-настоящему. И тем не менее совершенно очевидно, что, если мы не будем бороть-

ся сейчас, мы не только утратим возможность защищать свою жизнь и свои права, но и поставим под угрозу мир и демократию, иными словами, потеряем все.

Мы определили, что 1983 год будет решающим в схватке. Мы твердо решили всеми нашими силами перейти в контрнаступление и добиться если не перелома в свою пользу, то по крайней мере равновесия сил.

Надо признать, что на первый взгляд ситуация не в нашу пользу: власти сильны, а мы, не успев и вступить в борьбу, морально раздавлены. Спокойный анализ обстановки, однако, свидетельствует о том, что это совсем не так, и объективные условия нам благоприятствуют.

Надо иметь в виду, что, во-первых, 1983 год — это год вынесения обвинительного заключения и приговора по «делу Локхид». Как бы ни пытался кабинет Накасонэ замять это дело, слова «пять лет принудительных работ», когда они появятся на страницах прессы, не могут не вызвать совершенно определенных эмоций у населения.

Во-вторых, будет ли безмолвствовать народ, если, несмотря на критическое состояние государственных финансов, предпочтение отдается военным расходам, в результате чего урезываются ассигнования на социальное обеспечение, сокращается бюджет просвещения, ухудшаются условия труда и, сверх того, вот-вот будет предпринято крупное повышение налогов!

В-третьих, в связи с депрессией будет усиливаться рост недовольства политикой

сдерживания зарплаты, составляющей один из факторов депрессии.

Наконец, в-четвертых, изменение взаимоотношений между США, Китаем и Советским Союзом в связи со сдвигами в отношениях между Китаем и Советским Союзом, создающими самые благоприятные условия для развертывания нашей партией дипломатии мира и нейтралитета. Эта обстановка подтверждает правильность нашей линии.

Таким образом, проблема состоит в обеспечении субъективных условий. После того как на прошлом съезде было достигнуто, хотя и не без трудностей, определенное единство партии, необходимо бороться за дальнейшее укрепление основ этого единства, сплочение оппозиционных партий, расширение базы движения в защиту конституции. Тогда, соединив усилия, мы сможем противостоять властям. Добившись этого, мы обеспечим себе победу.

Давайте же поднимемся на борьбу, не теряя этой уверенности!

Создание атмосферы, способствующей пересмотру конституции

В январе 1983 года, после ставшего традиционным посещения храма Исэ, премьер-министр Накасонэ заявил на пресс-конференции: «Ближайшие год-два будут иметь самое важное значение — они станут решающими для судеб Японии».

Прочтя это заявление, я был просто потрясен: странное совпадение, ведь то же говорил в прошлом году и я, выступая в

различных районах Японии. Конечно, не приходится и говорить, что направление, которое указывает премьер-министр Накасонэ, и тот курс, который мы предлагаем стране, отличаются друг от друга, как тьма от света иль ночь от бела дня. Тем не менее у нас с ним полное совпадение мнений, поскольку каждый из нас понимает, что Япония находится на перепутье. Тем самым подтверждается правильность нашей ориентации на то, чтобы 1983 год стал годом решающего сражения в политической жизни Японии.

Куда же намеревается вести страну премьер-министр Накасонэ?

Какой курс противопоставляем ему мы, как будем бороться?

Для выяснения целей, которые преследует Накасонэ, необходимо постоянно иметь в виду его заявление в парламенте, сделанное вскоре после вступления на пост премьер-министра. «Я действительно стремлюсь к пересмотру конституции!» — сказал тогда Накасонэ. Позднее во время поездки в США он, не скрывая своих истинных намерений, заявил: «Для себя я выработал график пересмотра конституции, рассчитанный на очень длительное время, но не решаюсь об этом даже говорить в нашем парламенте». Отвечая на соответствующий запрос в палате представителей, Накасонэ добавил: «Я не собираюсь ставить вопрос о пересмотре конституции в повестку дня нашей политики немедленно».

Если уточнить смысл его выступления, то следует сказать, что в настоящее время

для постановки вопроса о пересмотре конституции у ЛДП нет ни необходимых двух третей голосов в парламенте, ни уверенности в получении простого большинства в случае референдума. Пока же расчеты премьера Накасонэ сводятся к двум пунктам.

Во-первых, подготовить почву для пересмотра конституции, то есть создать условия, которые сделают возможным такой пересмотр.

Во-вторых, создавая цепь свершившихся фактов, нарушающих конституцию, ускорить процесс ее выхолащивания, обеспечить распространение настроений отказа от борьбы за конституцию.

Что касается первого, то есть подготовки к изменению конституции, то можно выделить следующие меры: по обеспечению большинства в две трети голосов в парламенте и простого большинства на референдуме, а также действия, направленные на раскол и ослабление движения в защиту конституции.

Главные силы сторонников пересмотра конституции особенно охотно прибегают к такому средству обработки, как обращение к национальным чувствам населения. Они не говорят о том, что плохо в ныне действующей конституции, что следует в ней изменить, нет! Их единственный довод сводится к тому, что конституция навязана-де Японии в период оккупации американскими властями, а потому следует разработать самостоятельную конституцию. Логика подобной агитации косвенно свидетельствует о

том, что предлагаемый «пересмотр» конституции на самом деле обернется ее изменением в худшую сторону. Сторонники пересмотра прекрасно понимают, что, предложи они конкретный проект, народ его не поддержит. И все же следует признать, что их обращение к национализму — достаточно ловкий маневр для завоевания поддержки населения. Нам не следует недооценивать опасность их действий, и поэтому необходимо разобраться во всех перипетиях разработки и принятия конституции с тем, чтобы уметь опровергать доводы ее противников — приверженцев пересмотра.

Ясно, что, кем бы ни был написан проект конституции первично, он был затем обсужден в парламенте Японии и в него были внесены поправки. Очевидно также, что многомиллионный народ Японии воспринял конституцию с радостью. Что же касается правящих классов, то и после поражения в войне они никоим образом не хотели передавать суверенитет народу и поэтому не проявили никакого энтузиазма в отношении принятия конституции.

Заслуживает внимания еще одно обстоятельство: в начальные два-три года оккупации в оккупационной армии было сильно влияние демократических элементов. Этим людям надоело наблюдать, как японские власти саботируют разработку конституции, и они сами занялись разработкой проекта.

Весьма сомнительно, что японский народ вообще смог бы получить такую выдающуюся конституцию, которая вдохновляется ве-

ликими принципами — «абсолютное миролюбие», «суверенитет в руках народа, демократия», «уважение основных прав человека», — если бы подготовка проекта конституции, ее обнародование и введение в действие задержались. Я имею в виду всеобщую забастовку 1 февраля 1947 года, резко изменившую характер оккупационной армии. Если бы дело затянулось до 1950 года, когда вспыхнула война в Корее, то можно быть абсолютно уверенным, что у нас не было бы такой, как нынешняя, конституции. Лучшим тому доказательством служит тот неоспоримый факт, что «навязавшие» ее Соединенные Штаты первыми же и усмотрели в ней помеху своим планам. Мы не забыли, что именно американская оккупационная армия в лице ее главнокомандующего Д. Макартура пренебрегла едва вступившей в силу конституцией, и одним росчерком пера был учрежден Резервный полицейский корпус — предшественник нынешних «сил самообороны».

В наибольшей степени достойны прославления те замечательные блага, которые принесла Японии мирная конституция. Вступление в эпоху Мэйдзи, когда Япония пошла по капиталистическому пути развития, ознаменовало начало 80-летнего периода сплошных войн. Результат — поражение во второй мировой войне; и японский народ пришел к решению больше никогда не воевать. Именно эта его решимость дала возможность принять миролюбивую конституцию, которая не имеет прецедентов в мировой истории. Благодаря ей Япония почти

сорок лет не была в положении воюющей державы и смогла достичь определенного уровня экономического развития и жизни народа. Таковы реальности, которые мы должны ценить особо.

В этой связи хотелось бы упомянуть доклад американской неправительственной организации «Мировые приоритеты», в котором делается следующий вывод: «Чем тяжелее бремя военных расходов, тем ниже конкурентоспособность страны на мировом рынке». Результаты проведенного организацией анализа однозначны: Япония, военные расходы которой составляют менее 1% валового национального продукта, имеет наивысшие темпы развития производства, или одно время свыше 9% в год, тогда как США, военные расходы которых составляют самую высокую долю, или около 8% ВНП, имеют наиболее низкие темпы роста — примерно 2% в год. В докладе содержатся данные за 1960—1980 годы по семи странам, помимо Японии и США, это — Дания, Канада, Италия, Швеция, ФРГ, Франция и Англия. Для всех стран без исключения — будь то Япония или США — существует четко выраженная обратная пропорциональность в соотношении военных расходов и темпов развития экономики.

В настоящее время США и страны Общего рынка настойчиво требуют от Японии, чтобы она отказалась от этого своего преимущества и несла бы равную с другими союзниками долю военных расходов. Кроме всего прочего, это помогло бы им ликвидировать несбалансированность внешней тор-

говли. Можно сказать, что здесь все поставлено с ног на голову. Казалось бы, поскольку Япония меньше других тратит на оборону и показывает неплохие экономические результаты, то она и должна бы стать объектом подражания. Необходимо до конца понять, что ныне разоружение стало неотложной задачей всех стран, независимо от существующего в них общественного строя. Каждая страна со всей серьезностью должна заняться сокращением военных расходов, являющихся самыми непроизводительными в национальных бюджетах.

Итак, коль скоро сторонники пересмотра конституции разглагольствуют о «самостоятельности» и «независимости», то следует поставить перед ними вопрос должным образом: какое они имеют право говорить о самостоятельности и независимости — они, кто не только признает «силы самообороны», созданные внезаконным порядком, минуя процедуру обсуждения в парламенте, но и подключает их к задачам мировой стратегии США, добиваясь их всестороннего укрепления под видом несения должной доли ответственности! Эти круги уже ведут против Социалистической партии борьбу, чтобы завоевать квалифицированное большинство в парламенте и простое большинство на референдуме. Им нужно либо разгромить нашу партию, либо добиться ее перерождения. Мы же должны дать отпор этим атакам. В дальнейшем будут нарастать всяческие нападки на нашу партию — репрессии, раскольнические происки, клевета. Мы со своей стороны должны быть готовы встретить

их во всеоружии, эффективно разоблачать их подоплеку.

В тесной связи с вышесказанным стоит вопрос о выхолащивании конституции — это вторая из задач, которые наметил себе Накасонэ. Здесь важно, с одной стороны, уточнить, какое именно содержание вкладывается в «необходимость» пересмотра конституции, а с другой — выявить соотношение сил, отстаивающих нынешнюю конституцию, и сил, выступающих против нее.

Целый ряд высказываний премьера Накасонэ во время визита в США типа «непотопляемый авианосец», «блокада четырех проливов»* или «общность судеб Японии и США» показывает, с чем на деле связана эрозия положений конституции, означающая ее фактический пересмотр. Человек, который только успел подтвердить, что дух конституции не позволяет Японии говорить о «потенциальном противнике», тут же делает следующее заявление: «Японские острова следует приравнять к непотопляемому авианосцу. Если советские бомбардировщики прилетят, мы будем их сбивать одного за другим. При необходимости будут блокированы четыре пролива, чтобы закрыть советскому флоту выход в Тихий океан». Именно «четыре пролива» и было сказано, хотя известно, что северная часть пролива Лаперуза является территориальными водами Советского Союза, а западный проход Корейского пролива — Южной Кореи.

---

* В данном случае Корейский пролив, имеющий два прохода, посчитан за два пролива.

Возникает законный вопрос, как все это еще и именовать «исключительной обороной»?

Правильнее и точнее было бы признать, что принцип «исключительной обороны» был выброшен за борт в тот момент, когда было сказано, что посылка «сил самообороны» за тысячу миль для несения службы по обеспечению безопасности морских коммуникаций не будет нарушением конституции. Если можно отдаляться от страны на тысячу миль, то почему нельзя на две тысячи? Как иначе, если не посылкой вооруженных сил за пределы страны можно это назвать?

Когда в 1981 году в совместном заявлении премьер-министра Судзуки и президента Рейгана японо-американские отношения назвали «союзническими», это вызвало большой шум. Теперь же эти отношения повысили в ранге — до уровня «общности судеб»! Накасонэ и Рейган могут сойтись настолько, чтобы назвать друг друга «Рон» и «Ясу», пусть они даже одновременно покончат с собой — в конце концов, это их личное дело. Однако никому не дозволено втягивать в свои дела многомиллионный народ, заставлять его разделять чужую судьбу.

По своей сути усилия этих деятелей устремлены на укрепление военного союза между Японией и США. Они утверждают, что конституция закрепила право на индивидуальную оборону и что поэтому существование «сил самообороны» соответствует конституции. Реально же вопрос стоит о коллективной обороне, которая признается противоречащей конституции.

Чтобы начать общий разговор о пересмотре конституции, был избран вопрос об «охране морских путей». Поскольку, мол, Япония зависит от ввоза почти всех сырьевых материалов и энергетических ресурсов, а также значительной части продовольствия и обеспечение безопасности морских коммуникаций является для нее жизненно важной необходимостью, сторонники пересмотра конституции сначала утверждали, что зона в радиусе тысячи морских миль от Японии составляет пределы самообороны страны, а теперь, слегка «расширив» толкование этой зоны, известные лица заговорили о «непотопляемом авианосце» и о «блокаде четырех проливов». Но дело и этим не ограничилось. Выступая в парламенте после возвращения из Соединенных Штатов, Накасонэ пошел дальше и заявил: «Если военные корабли сил самообороны будут сопровождать американские корабли, то это не явится нарушением конституции, даже если американский флот при этом будет оснащен ядерным оружием».

В свете этих высказываний еще более очевидно, что объявленная правительством «охрана морских путей» не ограничивается обеспечением безопасности путей японских морских перевозок. Правительство старательно внушает народу Японии, что подобная охрана требует настолько тесного сотрудничества с Соединенными Штатами, что надо быть готовым разделить с ними судьбу. Точнее говоря, вопрос об «охране морских путей», как наиболее понятный населению страны, был избран отнюдь не неосмотрительно. Его хотят использовать в качестве «слабого

звена», чтобы «прорваться» в область коллективной обороны, которую само правительство признает противоречащей конституции.

А вообще-то, как я не устаю повторять, таким и не иным должен быть логический вывод из признания существования «договора безопасности». Не может без последствий оставаться произвольное толкование этого договора в том смысле, что США обязаны прийти на помощь Японии в случае нападения на нее, а Японии нет никакого дела до войн, которые ведут США в том или ином районе мира. США, возможно, еще могли закрывать глаза на столь произвольное истолкование договора до Вьетнама, пока они обладали подавляющим превосходством, но теперь, когда их государственное могущество оказалось сильно подорванным и утрачено их относительное военное преимущество, подобной роскоши в отношениях со своим союзником США больше не могут себе позволить.

Именно поэтому Соединенные Штаты уже длительное время настойчиво требуют от Японии наращивания ее военного потенциала, настаивают на том, чтобы «силы самообороны» активно сотрудничали с ними в случае, если возникнут «чрезвычайные обстоятельства» для них самих. О том, что японская сторона официально приняла эти требования, свидетельствует упоминание о «союзническом» характере отношений между Японией и США в заявлении Судзуки и Рейгана, а также заявление Накасонэ об «общности судеб» Японии и США.

Подготовка к введению «чрезвычайного законодательства» вступает в завершающую стадию

Выхолащивание мирной конституции продолжается. Ход событий свидетельствует о существовании многочисленных способов ее обхода, в частности в том, что касается «трех неядерных принципов», «трех запретов на экспорт оружия» и т. п.

Противники ныне действующей конституции страшатся ее, она мешает их планам. В настоящее время выявляются общие направления замышляемого ими плана пересмотра конституции. Нельзя и упускать из виду общей картины действительности, на фоне которой становится возможной подобная эрозия конституции.

Разумеется, очень важно, какие положения записаны в конституции. Однако вместе с тем не менее, а подчас и еще важнее то, соблюдаются ли они и претворяются ли в жизнь или же этого не происходит. Можно выразиться следующим образом: положения, вошедшие в конституцию, отражают соотношение сил между властью и народом в момент принятия конституции, а вот применяется она или нет, отражает соотношение сил ее сторонников и противников на последующих этапах. Если взглянуть на события под этим углом зрения, то проходящий ныне процесс выхолащивания конституции со всей очевидностью отражает серьезное ослабление сил, выступающих в ее защиту.

Кстати, в этом случае расстановку сил можно охарактеризовать следующим обра-

зом: на одном полюсе — те, кто выступает в защиту конституции, на другом — те, кто требует ее пересмотра, а где-то посередине — довольно широкий диапазон сил, довольствующихся нынешним положением. В свою очередь последних, как мне представляется, можно разделить на две группы: сторонников нового толкования конституции, то есть активно признающих свершившиеся факты, и «примиренцев», или тех, кто считает, что нет смысла выступать против того, что уже существует в действительности.

Сторонники пересмотра, с одной стороны, направляют все усилия на то, чтобы перетянуть в свой лагерь этот промежуточный слой, а с другой — не брезгуют никакими средствами, чтобы ослабить приверженцев конституции, прибегая с этой целью к уговорам, расколу, репрессиям, клевете. Можно предположить, что по активности в этом отношении премьер-министр Накасонэ превзойдет своих предшественников.

Это в свою очередь определяет характер ответных мер, которые должны последовать с нашей стороны.

Особых секретов или рецептов тут нет — просто необходимо оживить партийную учебу, активизировать пропагандистскую работу, вести борьбу за то, чтобы люди не признавали свершившихся фактов, не свыкались и не мирились с ними. Вместе с тем и с нашей стороны должны быть предприняты усилия с целью привлечения в наш лагерь тех групп, которые склоняются к признанию статус-кво, и тем самым расширить массовую базу движения в защиту конституции.

Приходится снова повторять: пока существует японо-американский «договор безопасности», он неминуемо будет носить характер наступательно-оборонительного союза. Точно так же, пока существует армия («силы самообороны»), она неминуемо будет саморазрастаться. Разве не так происходит на самом деле? Несмотря на то, что финансы нашей страны находятся в труднейшем положении, военные расходы объявляются особой, неприкосновенной статьей. Непрерывно увеличивается военная мощь Японии. Действительность показывает, что в конечном счете в жертву приносятся остальные статьи расходной части бюджета — урезаются расходы на социальные нужды, сокращаются ассигнования на образование, выбрасываются на улицу рабочие, замораживается заработная плата.

Но на этом дело не кончается. Раз нужна армия, значит, необходимо все остальное — введение системы обязательной воинской повинности, принятие закона об охране государственной тайны, учреждение системы мобилизационной готовности, обязательность контроля над экономикой. И подготовка к этому — то есть стадия «изучения чрезвычайного законодательства» — уже проводится. Пожалуй, вернее будет сказать, что разработка законодательства на случай военного положения фактически завершилась.

В таком случае, когда следует ожидать представления законопроектов в парламент? Во-первых, это может произойти, когда Социалистическая партия потерпит серьезное поражение либо, подобно ПДС, испытает

перерождение. Во-вторых, возможно, что принятию законов будет предшествовать введение «чрезвычайных обстоятельств»: сначала будет создано «чрезвычайное» (военное) положение, а потом целый пакет законопроектов представят в парламент и в короткие сроки одобрят их.

В этой связи следует постоянно помнить о «ежегодных планах обороны и несения полицейской службы», о существовании которых стало известно после разоблачений, сделанных на сессии парламента в 1982 году. Согласно этим разработанным «силами самообороны» планам, в случае возникновения «чрезвычайных обстоятельств» ряд политических партий станет объектом репрессий. Без преувеличений можно сказать, что эти планы являются детализированным вариантом нашумевшего в свое время «плана трех стрел». Так, в «плане трех стрел» существовал пункт об «организациях, подлежащих ликвидации», но конкретных указаний в нем не было. В «ежегодном плане обороны и несения полицейской службы» прямо говорится о социалистической и коммунистической партиях.

Сейчас предпринимаются попытки замять скандал, скрыть от общественности эти исключительно серьезные проблемы, которые посягают на сами основы демократии. Мы ни в коем случае не должны этого допустить. В плане обороны и несения полицейской службы на 1982 год были сняты соответствующие указания. Говорят также, что за прошлые (до 1981) годы планы уже недействительны, и поэтому, дескать, незачем говорить о том, что содержалось в них и чего

в них не было. Однако подобные утверждения рассчитаны, очевидно, на простаков...

Сам способ, с помощью которого пытались замять этот скандал, позволяет утверждать, что в нашей стране система гражданского контроля существует лишь для видимости, на самом же деле она практически не функционирует. Необходимо также увязывать данный фактор с тем, что новая японская армия, или, как говорят, «войска самообороны», в настоящее время обрела весьма значительную силу.

Нужно ли говорить, что мы никогда не пойдем на принятие «чрезвычайного законодательства», ибо оно попирает основные права человека. Поэтому в стремлении протащить эти законопроекты в ускоренном темпе нашим политическим противникам, хочешь не хочешь, только и остается, что устранить нас, подавить наше сопротивление. Нетрудно представить их «аргументы» на этот случай: «Как смеют эти антипатриоты выступать в такое время с возражениями?!» Ясно, что за этим последует: «Еретики!», «Предатели!», «Красные!», «Шпионы!»... Мы наслышались этой ругани еще в молодости... Сейчас подобные приемчики вновь пущены в обращение.

Таким образом, существует очень много проблем, которые предстоит решать в 80-х годах. Если свести их к одной, главной, то ею, по моему твердому убеждению, является борьба за предотвращение пересмотра конституции.

Необходимо, чтобы лозунги борьбы против наращивания военной мощи, в защиту кон-

ституции стали лозунгами движения против ухудшения социального обеспечения и сокращения ассигнований на образование, лозунгами борьбы против замораживания заработной платы, за сокращение налогов. Борьба за принятие закона о гласности информации должна быть связана с борьбой против введения закона об охране тайны, а следовательно, и против «чрезвычайного законодательства». Ни на минуту не следует прекращать борьбу за запрещение ядерного оружия.

Сплотить в ходе этой борьбы защитников конституции, добиться восстановления влияния движения в защиту конституции, разрушить замыслы приверженцев ее пересмотра — таковы наши задачи на 80-е годы.

В заключение хотел бы подчеркнуть, что теперь вести эту борьбу прежними темпами и методами нельзя. Если произойдет непоправимое и мы потерпим поражение в решающей политической битве 1983 года, то вести борьбу придется в еще более трудных условиях, сходных с невыносимо тягостным довоенным временем...

Тенденции нынешнего времени достаточно тревожны, чтобы вызывать такого рода опасения.

Содержание

Масаси Исибаси

НЕВООРУЖЕННЫЙ НЕЙТРАЛИТЕТ

Редактор *Л. И. Двинина*. Художник *В. В. Кулешов*. Художественный редактор *В. А. Пузанков*. Технический редактор *Л. Ф. Шкилевич*. Корректор *Т. А. Шустина*

ИБ № 13923

Сдано в набор 01.06.84. Подписано в печать 23.08.84. Формат 70×90¹/₃₂. Бумага тип. № 1. Гарнитура литературная. Печать высокая. Условн. печ. л. 10,82+0,07 печ. л. вклеек. Усл. кр. отт. 11,22. Уч.-изд. л. 10,57. Тираж 20 000 экз. Заказ № 304. Цена 70 к. Изд. № 39475.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Прогресс» Государственного комитета СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли.
119847, ГСП, Москва, Г-21, Зубовский бульвар, 17.

Ордена Трудового Красного Знамени Московская типография № 7 «Искра революции» «Союзполиграфпрома» Государственного комитета СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, 121019, пер. Аксакова, 13.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРОГРЕСС»

Вышла в свет

КОЛАР Ф. **Экспорт коитрреволюции: история и современиость**: Пер. с чеш.

Ф. Колар, чехословацкий публицист, прослеживает в историческом плане действия реакциоиных сил, направленные иа подавлеиие революциоиных движеиий в мире. Особеиио подробио ои остаиавливается иа попытках империалистических держав экспортировать коитрреволюцию в социалистические страиы и развивающиеся государства.

Рекомеидуется широкому кругу читателей.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРОГРЕСС»

Вышла в свет

ХАЙНРИХ Э., УЛЬРИХ К. **Вражда с первого дня:** (Три десятилетия покушений на ГДР). Пер. с нем.

В этой книге разоблачается подрывная деятельность мирового империализма, и прежде всего западногерманских спецслужб, против Германской Демократической Республики.

Авторы, используя большой документальный материал, рассказывают о многочисленных диверсиях, нарушениях границ, похищении людей и др.

Рекомендуется широкому кругу читателей.